ЕЖЕГОДНЫЕ НАУЧНЫЕ ЧТЕНИЯ

Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Калмыцкий институт гуманитарных исследований Российской академии наук

Ежегодные научные чтения Калмыцкого института гуманитарных исследований Российской академии наук — V (г. Элиста, 17.12.2015) УДК 94+81+31 ББК 63.3(2Рос=Калм)+81.2(2Рос=Калм) +60.5 Е 35

> Утверждено к печати Учёным советом Федерального государственного бюджетного учреждения науки Калмыцкого института гуманитарных исследований Российской академии наук

Релколлегия:

д-р ист. наук Э. П. Бакаева, канд. фил. наук В. В. Куканова, канд. ист. наук И. В. Лиджиева, канд. фил. наук Э. У. Омакаева

Составитель: канд. фил. наук *Н. М. Мулаева*

Е 35 **Ежегодные научные чтения Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН** — **V** [электронное издание] / сост. *Н. М. Мулаева*; ред. Э. П. Бакаева, В. В. Куканова, И. В. Лиджиева, Э. У. Омакаева. — Элиста: КИГИ РАН, 2015. — 174 с.

В настоящем издании представлены тезисы докладов на Ежегодных научных чтениях Калмыцкого института гуманитарных исследований Российской академии наук — V (г. Элиста, 17 декабря 2015 г.). Данные материалы освещают деятельность Института по темам научно-исследовательских работ, грантовым и инициативным проектам в 2015 г.

ISBN 978-5-903833-99-3 (e-pub)

© ФГБУН Калмыцкий институт гуманитарных наук РАН

[©] сост. Н. М. Мулаева

[©] Коллектив авторов

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ

<i>Алексеева П. Э.</i> М. В. Бадмаев как представитель калмыцкой интеллигенции конца XIX — начала XX в
Бадмаева Е. Н. О деятельности органов НКВД в годы Великой Отечественной войны на территории Калмыкии (1941–1943 гг.)
Буратаев Е. Г. Анализ сохранности археологических коллекций из раскопок могильника Восточный Маныч, хранящихся в Национальном музее им. Н. Н. Пальмова Республики Калмыкия
Кекеев Э.А. Изучение результатов археологических раскопок курганной группы Восточный Маныч (1965–1967 гг.)
Кичеева М. И. Восстановление национальной государственности калмыков во второй половине XX в.: историографический обзор исследований учёных КИГИ РАН
Пиджиева И. В. Социальная политика местного самоуправления в Калмыцкой степи в контексте празднования 300-летия Дома Романовых
Максимов К. Н. Калмыкия в Великой Отечественной войне 1941 г
Оконова Л. В. Материалы Первой всеобщей переписи 1897 г. как источник по изучению религиозного состава населения Калмыцкой степи Астраханской губернии
Очир-Горяева М. А. Археологические памятники срубной культуры в вол- го-манычских степях
<i>Очиров У. Б.</i> Калмыцкая милиция в 1918–1925 гг.: краткий обзор историографии
<i>Санчиров В. П.</i> Ойратские историко-литературные памятники второй половины XVIII–XIX вв
Сартикова Е. В. История создания и деятельности профсоюза работников земли и леса (РАБЗЕМЛЕС) (на материале Калмыкии, 1920–1928 гг.) 42

Согданова 3. Г. Состояние народного образования г. Элисты после освобождения от немецко-фашистской оккупации
Тепкеев В. Т. О ногайском посольстве к калмыкам 1625 г
ЭТИОЛОГИЯ
RNJOUTE
<i>Батырева С. Г.</i> Буддийская коллекция музея КИГИ РАН: концепт традиции в междисциплинарном аспекте изучения
Батыров В. В. Институт левирата у калмыков в XIX в
Шараева Т. И. К вопросу о трансформации родовых символов у калмыков 59
ЯЗЫКОЗНАНИЕ, ФОЛЬКЛОРИСТИКА И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ
<i>Бадгаев Н. Б.</i> Цветообозначения в калмыцком героическом эпосе «Джангар»
<i>Бачаева С. Е.</i> Микроструктура толкового словаря языка калмыцкого героического эпоса «Джангар»
<i>Бичеев Б. А.</i> «Ойратский перевод «Сутры золотого света». Исследование текста, транслитерация, перевод с ойратского, комментарии
Болдырева И. М. Калмыцкие народные приметы
Борлыкова Б. Х. Калмыцкие народные песни и мелодии в записях А. Д. Руднева
<i>Бурыкин А. А.</i> Проблемы монголо-тюркских связей и алтаистики в трудах учёных Калмыкии начала XXI в
Горяева Б. Б. Персонажи калмыцкой сказки (на материале записей Г. И. Рамстедта) 91
<i>Куканова В. В.</i> Концептуальное описание и семантическая структура лексемы <i>цаһан</i> в устойчивых сочетаниях калмыцкого языка
Куканова В. В., Бембеев Е. В. Интегрированная словарная база данных калмыцкого языка: к вопросу об археографической характеристике калмыцко-немецких словарей XIX и XX вв

Меняев Б. В. Роль профетического жанра в литературе калмыков (на материале «Поучения Джибцзун Дамба Хутухты»)
Музраева Д. Н. К изучению письменных источников научного архива КИ-ГИ РАН (по исследованиям последних лет)
Мулаева Н. М. О пунктуационном оформлении текстов песен «Джангара» при составлении толкового словаря (обособление деепричастий и деепричастных оборотов)
Омакаева Э. У., Хабунова Е. Э., Алимаа А. Эпический мир «Джангара» в формульном преломлении
Селеева Ц. Б. Современные подходы в исследовании калмыцкой сказки и эпоса «Джангар»
<i>Топалова Д. Ю.</i> Литературная деятельность калмыцкой эмиграции: к вопросу изучения
СОЦИОЛОГИЯ, ЭКОЛОГИЯ
<i>Бадмаева Н. В., Иджаева Б. В.</i> Этническая структура населения Республики Калмыкия
<i>Гунаев Е. А.</i> Социальные проблемы водообеспечения и водоснабжения в Республике Калмыкия (2000–2010 гг.)
Кадаева А. Г. Мелиоративные земли Калмыкии их рациональное использование
Марзаева М. Б. К проблеме изучения исторической памяти студенческой молодёжи Калмыкии
<i>Намруева Л. В.</i> Языковая ситуация в Республике Калмыкия (по итогам опросов 2000-х гг.)
<i>Нусхаева Б. Б.</i> Основные изменения в структуре населения Калмыкии (2000–2013 гг.)
Ташнинова Л. Н. Гуманитарно-экологический подход в целях сохранения степей Калмыкии
<i>Шарманджиев Д. А.</i> О ценностях буддизма в традиционной культуре калмыков

ОБЗОРЫ

Бакаева Э. П. К исследованию специфики материальной культуры ойратов Монголии (по данным полевых экспедиций)	. 157
Басангова T . Γ . Система жанров обрядовой поэзии калмыков (проблемы восстановления)	. 162
Баянова А. Т. Филологические исследования учёных КИГИ РАН: обзор научных публикаций сотрудников института за 2015 г	. 166
Манджиева Б. Б. Калмышкие народные сказки в Своде фольклора	. 170

ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ

М. В. БАДМАЕВ КАК ПРЕДСТАВИТЕЛЬ КАЛМЫЦКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ КОНЦА XIX — НАЧАЛА XX в.

П.Э. Алексеева

Михаил Васильевич Бадмаев (Дик Бадмаев) — один из ярких представителей калмыцкой интеллигенции конца XIX — начала XX в. В 1884 г., после окончания калмыцкого училища в Астрахани, безаймачный зайсанг Багацохуровского улуса Дик Бадмаев поступил в Казанский ветеринарный институт и стал стипендиатом Управления калмыцким народом. В этом же году он начал вести практические занятия по калмыцкому языку в Казанской духовной академии, в которой проработал до 1894 г.

Период жизни Дика Бадмаева в Казани оказался очень плодотворным и насыщенным. В фондах Центрального государственного исторического архива (ЦГИА) имеются документы за 1884—1889 гг., свидетельствующие о его учёбе в ветеринарном институте, по окончании которого он поступил на медицинский факультет Казанского университета, где завершил обучение в 1892 г. В течение ещё одного года он проходил ординатуру по практической медицине под руководством опытных профессоров. Об этом он сам пишет: «...По окончании курса наук в ветеринарном институте я в 1889 г. поступил на медицинский факультет Казанского университета и в декабре 1893 г. выдержал испытания Медицинской испытательной комиссии на звание лекаря» [НАРК. Ф. Р-560. Оп. 1. Д. 42. Л. 1].

Дик Бадмаев настойчиво желал получить медицинское образование с тем, чтобы вернуться в Калмыцкую степь и, занимаясь врачебной практикой, приносить пользу своему народу.

В 1888 г. он при крещении был наречен новым именем — Михаилом Васильевичем Бадмаевым. Новокрещёный зайсанг М. В. Бадмаев вместе с преподавателем монголо-калмыцкого языка И. И. Ястребовым активно сотрудничал с переводческим комитетом христианского братства св. Гурия при издании книг на калмыцком языке [Баянова, Санджиев 2012: 171]. С целью определения возможно более точной передачи устной речи при письме в 1887 г. в Калмыцкую степь были командированы преподаватели монгольского и калмыцкого языков Казанской духовной академии В. М. Миротворцев, М. В. Бадмаев и К. Данилов, студент 2-го курса данного учебного заведения. В результате поездки ими было издано 5 книг на калмыцком языке: букварь, учебники, сборник молитв [Баянова 2012: 53].

М. В. Бадмаев занимался вопросами изучения и преподавания родного и русского языков в калмыцких школах. Он составил два учебных пособия для учащихся, которые были опубликованы в изданиях переводческого комитета православного миссионерского общества. Главный попечитель калмыцкого народа И.С. Картель сообщал, что в 1892 г. стипендиат Калмыцким Народом студент М. В. Бадмаев Управления 8 экземпляров «Первоначального учебника русского языка» 25 экземпляров «Букваря для калмыцких улусных школ» в подарок библиотеке Астраханского Калмыцкого училища. Оба учебника были составлены на калмыцком языке с применением русского алфавита и разосланы в улусные школы с предложением испытать их на практике, в учебном процессе. После того, как были получены положительные отзывы об учебниках М. В. Бадмаева, главный попечитель сделал заказ почти на весь тираж «Букваря» и на 300 экземпляров «Первоначального учебника русского языка» [НАРК. Ф. Р-560. Оп. 1. Д. 42. Л. 2].

В период сотрудничества с переводческим комитетом православной миссии студент-медик М. В. Бадмаев написал на старокалмыцкой письменности «тодо бичиг» медицинское сочинение «Общепонятное наставление калмыкам, и о том, как должно жить, чтобы не заболеть холерой, и как подать первоначальную помощь заболевшим холерой до прибытия врача», сам же выполнил перевод на русский язык и издал в Казани в 1893 г. Главный попечитель калмыцкого народа счёл полезным и этот труд: он приобрёл весь тираж «Наставления» (1 000 экз.) для распространения среди калмыцкого населения [НАРК. Ф. Р-560. Оп. 1. Д. 42. Л. 2].

В 1894 г. были переизданы эти два учебных пособия для калмыцких школ, и автор намеревался составить «Русско-калмыцкий словарь». Работы по составлению учебных пособий для калмыцких школ, составление словаря М. В. Бадмаев вёл в интересах просвещения калмыцкого народа, выполняя свой гражданский долг.

Истинным призванием М. В. Бадмаева, главной целью его устремлений была всё-таки медицина, которую он изучал в стенах Казанского университета и практиковал в терапевтической клинике, готовясь к самостоятельной врачебной деятельности.

На этом поприще М. В. Бадмаев хотел с наибольшей пользой отдать все свои силы и знания на благо калмыцкого народа. Но врачебная деятельность врача М. В. Бадмаева сложилась для него крайне неудачно.

Вместо Калмыцкой степи Астраханской губернии, куда он так стремился, М. В. Бадмаев вынужден был устроиться врачом при Управлении кочующим народом Ставропольской губернии. С присущей ему энергией, чувством ответственности и желания приносить пользу кочевому народу

М. В. Бадмаев готов был сразу выехать в степь, приняться за работу. «Употребить все свои усилия, — как писал он, — для того, чтобы, помогая соотечественникам, отблагодарить Россию за все то, что она для меня сделала...» [НАРК. Ф. Р-560. Оп. 1. Д. 42. Л. 2]. Безвестный «инородец», врач М. В. Бадмаев не вписался в чиновничью систему Ставропольского губернатора. Существовал только один выход из создавшегося положения: уйти в отставку.

М. В. Бадмаев, получив отставку, поселился в Ростове-на-Дону. В 1911 г. М. Б. Бадмаев все же вернулся в Калмыцкую степь. К моменту возвращения М. В. Бадмаева в Калмыцкой степи работала экспедиция микробиологов во главе с И. И. Мечниковым, изучавшая проблему распространения туберкулёза среди калмыцкого населения. М. В. Бадмаев сразу же подключился к работе группы. В самом начале первой мировой войны в 1914 г. доктор М. В. Бадмаев был мобилизован на военную службу. Дальнейшая судьба одного из первых представителей калмыцкой интеллигенции, внёсшего большой вклад в развитие образования калмыцкого народа, к сожалению, не известна.

Источники

НАРК — Национальный архив Республики Калмыкия

Литература

Баянова А. Т. Первые калмыцкие буквари как источники духовной культуры калмыков // Вестник Калмыцкого университета. 2012. № 3. С. 50–55.

Баянова А. Т., Санджиев Ч. А. Роль Казани в истории книгопечатания на калмыцком и монгольском языках // Тюркоязычная книга: наследие веков.: Мат-лы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. истории тюркоязычной книги. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ, 2012. С. 169–172.

О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ НКВД В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ НА ТЕРРИТОРИИ КАЛМЫКИИ (1941–1943 гг.)

Е. Н. Бадмаева

Великая Отечественная война 1941–1945 гг. стала серьёзным испытанием силы духа, стойкости, единства советского народа, устойчивости национального жизнеустройства государства, прочности существовавшего общественно-политического строя. В условиях военного времени подверглась изменениям политическая система советского общества, изменились

характер и содержание работы всех государственных органов (см., например: [Сартикова 2015]), в том числе и НКВД.

Вопросами деятельности органов НКВД в годы Великой Отечественной войны занимались исследователи проф., д-р ист. наук К. Н. Максимов и д-р ист. наук У. Б. Очиров [Максимов 2013; Очиров 2015; 2014]. Они с новых позиций осветили и дали объективную оценку неизвестных страниц деятельности органов государственной безопасности.

В целях обеспечения общественной и государственной безопасности в стране, концентрации всех усилий по борьбе с вражеской агентурой и преступностью, Народный комиссариат государственной безопасности СССР и Народный комиссариат внутренних дел СССР 20 июля 1941 г. были объединены в единый Народный комиссариат внутренних дел СССР (НКВД).

С первых дней войны отделы НКВД республики перестраивали свою работу применительно к условиям военного времени. На территории Троицкого и Кетченеровского улусов эффективно действовала разведывательно-диверсионная группа НКВД старшего лейтенанта П. И. Барабанова (бывшего начальника Троицкого улусного отделения НКВД), состоявшая из сотрудников милиции [Бадмаева 2013: 294; Очиров 2014: 126]. Кроме того, НКВД КАССР принимал активное участие в формировании отрядов народного ополчения, 110-й национальной кавалерийской дивизии, мобилизации граждан республики на строительство оборонительных сооружений, стратегически важной железнодорожной ветки Астрахань — Кизляр.

Одной из основных служебных обязанностей органов НКВД Калмыцкой АССР в годы Великой Отечественной войны являлось информирование партийных и советских органов республики обо всех позитивных и негативных процессах в экономической и социальной сферах региона. Так, органы НКВД в постоянном режиме информировали партийногосударственные органы республики о панических настроениях в обществе. Непосредственной обязанностью органов республиканской милиции являлся розыск дезертиров и выявление лиц, уклонившихся от воинской службы.

После изгнания немецко-фашистских войск с территории Калмыкии сотрудники органов НКВД выполняли задачу поддержания правопорядка на освобождённой территории, вели работу по выявлению и аресту гитлеровских пособников, не успевших эвакуироваться с фашистскими захватчиками. Некоторые из них, скрыв сотрудничество с немцами, пытались по-новому адаптироваться к советской действительности, жить, как до войны, привычной повседневной жизнью. Это были в основном граждане, служившие у немцев в годы оккупации Калмыкии простыми рабочими, конюхами, поварами и т. д.

Органы НКВД Калмыкии непосредственно участвовали в двух карательных операциях, проведённых на территории республики. Первая из них — переселение лиц немецкой национальности с территории Калмыцкой АССР в ноябре 1941 г. Данная задача выполнялась ими на основании распоряжения СНК СССР № 84-кс от 2 ноября 1941 г. «О переселении немцев из Калмыцкой АССР» и приказа Народного Комиссара Внутренних дел СССР — генерального комиссара государственной безопасности Л. Берия № 001543 от 3 ноября 1941 г. Общее руководство операцией по переселению немцев из Калмыцкой АССР было возложено на наркома внутренних дел республики, капитана госбезопасности Г. Я. Гончарова. Всего выселено лиц немецкой национальности с территории Калмыцкой АССР и направлено на поселение в Казахскую ССР — 5 965 чел. [Оконова, Лиджиева 2014].

Вторая масштабная карательная операция с участием органов НКВД республики — выселение калмыцкого народа 28 декабря 1943 г. Эти две репрессивные операции проводились по схожей схеме, но отличались друг от друга по ряду обстоятельств. Для калмыцкого населения, в отличие от немецкого, факт переселения был неожиданным, так как оно практически не знало о карательных планах властей.

Органы НКВД, с тенденциозными преувеличениями доносившие в своих информационных сообщениях в партийно-государственные органы республики о сотрудничестве калмыцкого населения с фашистским режимом, вне сомнения, сыграли роковую роль в решении сталинского руководства о высылке калмыцкого народа из мест постоянного проживания. Именно их донесения легли в основу докладных записок партийногосударственной верхушки республики в высшие инстанции страны. «Политическое решение о выселении калмыков из родных мест руководство советского государства приняло, как отмечается в «Истории Калмыкии...», до октября 1943 г., когда официально началась активная и планомерная подготовка к депортации калмыков [Максимов 2009: 581].

Деятельность органов НКВД КАССР в 1941–1943 гг. носила сложный, многоплановый и вместе с тем противоречивый характер. Она была направлена на укрепление правопорядка и законности в республике, на ликвидацию последствий вражеской оккупации. Но, наряду с огромной созидательной работой, в деятельности органов НКВД в годы войны имелись и негативные стороны, обусловленные характером и особенностями политического развития страны.

Литература

- Бадмаева Е. Н. Не оккупированные районы Калмыцкой АССР в период военных действий (лето и зима 1942 г.) // Проблемы истории массовых политических репрессий в СССР. 1953–2013: 60 лет без Сталина. Осмысление прошлого советского государства. Мат-лы VIII Междунар. науч. конф. Краснодар, 2013. С. 294.
- Максимов К. Н. Калмыкия в советскую эпоху: политика и реалии. Элиста: Изд. дом «Герел», 2013. 464 с.
- Максимов К. Н. Репрессии против калмыцкого народа и его реабилитация (1943—1950-е гг.) // История Калмыкии с древнейших времён до наших дней: в 3-х тт. Т. II. Элиста, 2009. С. 581.
- Оконова Л. В., Лиджиева И. В. Реконструкция истории депортации немцев Калмыкии [электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. 2014. № 4. URL: http://www.tuva.asia/journal/issue_24/7550-okonova-lidzhieva.html (дата обращения: 28.03.2015).
- Очиров У. Б. Важный источник по истории органов госбезопасности Калмыкии. Рецензия на книгу «"Во имя безопасности России"». Элиста, 2005. 288 с. // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2015. № 4. С. 206–209.
- Очиров У. Б. Партизанское движение на территории Калмыкии // Боевые действия на территории Калмыкии в период Великой Отечественной войны: неизвестные страницы и новые подходы. Сб. науч. ст. Элиста: КИГИ РАН, 2014. С. 210–213.
- Очиров У. Б. Руководители органов госбезопасности Калмыкии в 1921–1943 гг. // Вклад регионов и народов юга России в победу в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. Элиста, 2015. С. 147–152.
- Сартикова Е. В. Перестройка работы профсоюзов Калмыкии в годы Великой Отечественной войны 1941–1943 гг. [электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1. URL: http://www.science-education.ru/121-17825 (дата обращения: 13.03.2015).

АНАЛИЗ СОХРАННОСТИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КОЛЛЕКЦИЙ ИЗ РАСКОПОК МОГИЛЬНИКА ВОСТОЧНЫЙ МАНЫЧ, ХРАНЯЩИХСЯ В НАЦИОНАЛЬНОМ МУЗЕЕ ИМ. Н. Н. ПАЛЬМОВА РЕСПУБЛИКИ КАЛМЫКИЯ

Е. Г. Буратаев

Раскопки в долине р. Восточного Маныча были проведены в 1965—1967 гг. под руководством И. В. Синицына и У. Э. Эрдниева. За время раскопок изучено 7 курганных групп, вошедших в научную литературу

под общим названием «Восточный Маныч». Всего было исследовано 329 курганов с 1 541 погребением.

Целью данного доклада является описание сохранности археологических коллекций из раскопок могильника *Восточный Маныч*, которые по окончанию полевых работ были переданы в Калмыцкий республиканский краеведческий музей (Национальный музей Республики Калмыкия им. Н. Н. Пальмова, г. Элиста), Государственный исторический музей (Москва).

Проведённые исследования могильника *Восточный Маныч* описаны в научных отчётах [Архив ИА РАН. Р-1 3321, 3321а, 3321б, 3321в, 3321г; Р-1 4223, 4223а, 4223б] и опубликованы в виде двух монографий и серии статей [Синицын 1978; Синицын, Эрдниев 1979; 1981; 1982; 1985; 1987а; 1987б; 1991; Эрдниев 1982]. В ходе подготовки материалов базы данных по опубликованным отчётам была создана таблица-опись в программе MS Excel, состоящая из более 40 столбцов:

- могильник, год, автор, номер кургана, диаметр насыпи кургана, высота насыпи кургана, конструкция кургана, номер погребения, конструкция погребения, сохранность погребения, погребение: основное или впускное;
- количество погребённых, пол, возраст погребённого, положение погребённого, ориентировка по сторонам света, культурно-хронологическая принадлежность по отчёту;
- номер находки, наименование находки, месторасположение находки, сохранность, материал, количество, цвет, форма, длина, ширина, толщина, диаметр, высота, диаметр сосуда верхний (венчик), диаметр сосуда нижний (дно), место хранения, музейный шифр, музейный номер и т. д.

Количество строк в таблице составило более 2 700, в неё вошли данные о 1 657 находках из 329 курганов, содержавших 1 539 погребений. 678 погребений из 1 539 изученных оказались безынвентарными: в их число вошли погребения, оказавшиеся ограбленными или разрушенными при устройстве впускных погребений. Соответственно учтённые в описи предметы (1 657 наименований) представлены более 4 400 экземплярами изделий, а также более 340 предметами из 979 инвентарных погребений (астрагал, кость и т. д.). Только небольшое количество предметов было найдено в насыпях курганов [Кекеев, Буратаев 2015].

Для выявления информации об археологических находках была проведена инвентаризация фондов Национального музея Республики Калмыкия.

-

 $^{^{1}}$ Данные предметы не рассматриваются нами как погребальный инвентарь.

Ранее была проведена подобная работа по коллекциям из раскопок 1961—1964 гг., были проанализированы археологические находки из могильников Лола 1 и 2, Архара и Элиста [Кекеев 2009; 2011; 2013; 2014]. В результате инвентаризации, проведённой в фондах Национального музея Республики Калмыкия, была выявлена 561 находка раскопок могильника Восточный Маныч.

Большая часть находок была представлена глиняными сосудами (горшками, кувшинами, курильницами, мисками и др.), их общее количество составило — 887 единиц. В процессе сверки фондов выявлен 501 сосуд, т. е. 56 % от общего числа. Вторым материалом по количеству находок были бронзовые изделия (319 единиц), однако в фондах обнаружено лишь 2 шила и 2 зеркала. Из 191 изделия из кости сохранилось 3 альчика и 2 кольца. Железных изделий обнаружено 23 из 158 (1 акинак, 3 меча, 1 наконечник копья, 2 наконечника стрелы, 4 ножа, 3 предмета, 8 стремян и 1 удила). Каменных изделий обнаружено 14 единиц (7 пестов, 6 орудий, один топор во фрагментах) из 113 в исследованных курганах. Из остальных 162 находок, изготовленных из стекла, кремния, пасты, меди и др., не обнаружено ни одной.

Проведённая работа дала представление о том, в каком количестве и какие именно находки хранятся в фондах Национального музея Республики Калмыкия. В процессе инвентаризации вспомогательным инструментом послужила база данных археологических находок из раскопок могильника Восточный Маныч, продемонстрировавшая свои широкие возможности при возникающей в некоторых случаях необходимости восстановления недостающей информации паспорта находки (номер кургана, погребения и т. д.). Так, для 52 находок были реконструированы отсутствующие элементы паспорта [Буратаев 2015: 20–35].

Таким образом, база данных археологических находок, существующая в виде таблицы-описи, показала свои положительные стороны в работе с находками с неполными паспортами или вообще не имеющие какой-либо информации о своём происхождении. В базе данных, кроме числовых и текстовых описаний находок, планируется широко представить их фотографии, рисунки, так как после первого этапа работы стало ясно, что фотография и рисунок даже невысокого качества даёт гораздо больше возможностей и ускоряет работу по идентификации предмета, даже чем самое подробное текстовое описание. Дальнейшее создание базы данных, а также её пополнение информацией о находках из других могильников, даст более широкие возможности идентификации безымянных находок, число которых в фондах Национального музея Республики Калмыкия составляет 1 378 находок из общего количества 6 580 (20,9 %).

Литература

- *Буратаев Е. Г.* Восстановление паспортов находок из археологических коллекций курганной группы *Восточный Маныч* // Актуальные проблемы современного монголоведения. Элиста: КИГИ РАН, 2015. С. 20–35.
- Кекеев Э. А. Анализ археологического материала раскопок курганной группы «Восточный Маныч» // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2011. № 1. С. 70–74.
- Кекеев Э. А. О материалах археологических раскопок из курганной группы Архара, хранящихся в фондах Национального музея Республики Калмыкия им. Н. Н. Пальмова // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2013. № 4. С. 27–30.
- Кекеев Э. А. О материалах археологических раскопок могильных групп Лола I и II, хранящихся в фондах Национального музея Республики Калмыкия (1961–1963 гг.) // Единая Калмыкия в единой России: через века в будущее. Мат-лы Междунар. науч. конф. (г. Элиста, 13–18 сентября 2009 г.). Ч. 1. Элиста: НПП «Джангар», 2009. С. 165–174.
- Кекеев Э. А. Спасательные археологические раскопки курганной группы Восточный Маныч // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2014. № 2. С. 73–77.
- Кекеев Э. А., Буратаев Е. Г. База данных археологических коллекций из раскопок курганной группы Восточный Маныч // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2015. № 3. С. 70–73.
- Очир-Горяева М. А. Археологические памятники волго-манычских степей (свод памятников, исследованных на территории Республики Калмыкия в 1929—1997 гг.); вступ. ст. А. С. Скрипкин, Г. Парцингер. Элиста: Изд. дом «Герел», 2008.
- Синицын И. В., Эрдниев У. Э. Древности Восточного Маныча // Археологические памятники Калмыцкой степи. Элиста: КНИИФЭ, 1979. С. 25–94.
- *Синицын И. В.* Древние памятники Восточного Маныча. Ч. 1–2. Саратов: Саратов. гос. ун-т, 1978. Ч. 1. 130 с. Ч. 2. 117 с.: ил.
- Синицын И. В., Эрдниев У. Э. Древности Восточного Маныча // Археологические памятники эпохи бронзы и средневековья. Элиста: КНИИФЭ, 1981. С. 29–49.
- *Синицын И. В.*, *Эрдниев У. Э.* Древности Восточного Маныча // Археологические исследования Калмыкии. Элиста: КНИИФЭ, 1987. С. 83–98.
- Синицын И. В., Эрониев У. Э. Древности Восточного Маныча // Древности Калмыкии. Элиста: КНИИФЭ, 1985. С. 43–78.
- Синицын И. В., Эрдниев У. Э. Древности Восточного Маныча // Материалы по археологии Калмыкии. Элиста: Калм. ин-т обществ. наук АН СССР, 1991. С. 4–21.
- *Синицын И. В.*, *Эрдниев У.* Э. Древности Восточного Маныча // Памятники Калмыкии каменного и бронзового веков. Элиста: КНИИФЭ, 1982. С. 59–92.
- *Синицын И. В.*, *Эрдниев У.* Э. Древности Восточного Маныча. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1987. 172 с.

Эрдниев У. Э. Курганный могильник Восточный Маныч (правый берег) // Археологические памятники Южных Ергеней. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1982. С. 6–52.

ИЗУЧЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАСКОПОК КУРГАННОЙ ГРУППЫ ВОСТОЧНЫЙ МАНЫЧ (1965–1967 гг.)

Э. А. Кекеев

Археологические раскопки в долине р. Восточного Маныча были самыми масштабными за всю историю археологических исследований на территории Республики Калмыкия. За три полевых сезона (1965–1967 гг.) было исследовано 329 курганов, содержавших 1 539 погребений. Для сравнения приведём данные М. А. Очир-Горяевой: с 1929 г., с самого начала научных археологических работ в Калмыкии, до 1998 г. исследовано более 150 курганных групп, в которых были раскопаны более 1 250 курганов, содержавшие более 3 900 погребений [Очир-Горяева 2008: 241–244], т. е. в исследуемый период раскопано 26 % курганов и 39 % погребений. Кроме количественных показателей, важно отметить качественные результаты раскопок. Довоенные работы носили чисто научный характер: памятники исследовались учёными точечно. Работы же в период восстановления республики (с 1961 г.) были спасательными раскопками и велись в зонах освоения целинной степи. Так, за период с 1961 по 1964 гг. исследовано 4 курганные группы (Лола 1 и 2, Архара, Элиста), 116 курганов, 331 погребение. Масштабные работы 60-70-х гг. XX в. дали массовый материал, который позволил подтвердить, уточнить имеющиеся и выявить новые данные об образе жизни древнего населения Волго-Манычских степей и их неразрывную связь с соседними территориями.

Целью работы является описание результатов спасательных археологических работ могильника *Восточный Маныч*. Археологические находки, полученные в ходе указанных экспедиций, были переданы в Калмыцкий республиканский краеведческий музей (Национальный музей Республики Калмыкия им. Н. Н. Пальмова, г. Элиста), часть находок хранится в Государственном историческом музее (Москва). С целью выявления коллекций из *Восточного Маныча* была проведена полная инвентаризация фондов Национального музея Республики Калмыкия и выявлено 589 находок [Буратаев 2015: 20–35]. Ранее была проведена подобная работа для коллекций из раскопок 1961–1964 гг., были проанализированы археологические на-

ходки из могильников Лола 1 и 2, Архара и Элиста [Кекеев 2009; 2011; 2013; 2014].

Результаты проведённых раскопок могильника *Восточный Маныч* были опубликованы в виде двух монографий и серии статей [Синицын 1978; Синицын, Эрдниев 1979; 1981; 1982; 1985; 1987a; 19876; 1991; Эрдниев 1982]. На основе опубликованных отчётов археологических раскопок был проведён количественный и статистический анализ курганных групп в долине р. Восточного Маныча.

Всего за три полевых сезона было исследовано 329 курганов с 1 541 погребением. При определении культурно-хронологической принадлежности курганной насыпи была взята датировка основного погребения, указанная в Научном отчёте по раскопкам. Более половины курганов было насыпано представителями ямной культуры — 197 (59,9 %), в три раза меньше курганных насыпей сооружено катакомбниками — 66 (20,1 %), 60 курганов (18,2 %) возвели скифо-сарматы и всего 6 курганов (1,8 %) построено поздними кочевниками.

Группы состояли из курганов разного размера: от 12 до 70 м в диаметре и высотой от 0,65 до 5,2 м. В результате проведённого анализа было сделано несколько выводов. Курганы, сооружённые позднее бронзового века, заметно меньше курганов ямной и катакомбной культур. Их размеры не превышают 14 м в диаметре и 1 м в высоту. Насыпи же курганов бронзового века варьируют от 12 до 65 м в диаметре и от 0,65 до 7 м высотой. Кроме того, размеры кургана могут рассказать нам о культурнохронологической принадлежности основного погребения, было выявлено, что лишь 12 из 329 курганов подвергались досыпке. Но даже без учёта досыпки первоначальные насыпи были довольно крупных размеров — 20 м в диаметре и 1 м в высоту.

После статистического анализа размеров и культурно-хронологической принадлежности курганов был проведён пространственный анализ. Так как в отчётах о раскопках отсутствовали чертежи курганных групп, было решено реконструировать данные чертежи по данным о взаиморасположении курганов из опубликованных отчётов.

Курганы, построенные представителями ямной культуры, являются костяком могильников. Позднее, в эпоху катакомбной культуры, курганы встраивались в уже существующие цепочки. В основном конструкция могильников представляла собой цепочки курганов, протянувшихся в широтном направлении, иногда располагавшихся параллельно [Кекеев 2015: 6–19].

Скифо-сарматы почти половину погребений сооружали под собственными небольшими насыпями. Вторым выявленным отличием данных кур-

ганов является то, что они не встраивали их в уже существующие цепочки, а располагали насыпи по иной системе, а в случае со 2-й группой левого берега 1966 г. (ВМ-2-66) группа из 44 небольших сарматских курганов представляла собой скопление, протянувшееся с Юго—Запада на Северо—Восток цепочкой длиной около 1 км.

В ходе проведённой комплексной работы по итогам археологических раскопок могильника *Восточный Маныч* были получены результаты, которые позволили создать каталог археологических находок, что предотвратит потерю данных коллекций. Также был проведён пространственный и статистический анализ, в результате которого удалось выявить особенности могильников и показать различия погребальных памятников сооружённых представителями различных культур.

Литература

- *Буратаев Е. Г.* Восстановление паспортов находок из археологических коллекций курганной группы Восточный Маныч // Актуальные проблемы современного монголоведения. Элиста: КИГИ РАН, 2015. С. 20–35.
- Кекеев Э. А. Анализ археологического материала раскопок курганной группы «Восточный Маныч» // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2011. № 1. С. 70–74.
- Кекеев Э. А. О материалах археологических раскопок из курганной группы Архара, хранящихся в фондах Национального музея Республики Калмыкия им. Н. Н. Пальмова // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2013. № 4. С. 27–30.
- Кекеев Э. А. О материалах археологических раскопок могильных групп Лола I и II, хранящихся в фондах Национального музея Республики Калмыкия (1961–1963 гг.) // Единая Калмыкия в единой России: через века в будущее. Мат-лы Межд. научн. конф. (г. Элиста, 13–18 сентября 2009 г.). Ч. 1. Элиста: НПП «Джангар», 2009. С. 165–174.
- Кекеев Э. А. Особенности взаиморасположения курганов могильника Восточный Маныч // Актуальные проблемы современного монголоведения. Элиста: КИГИ РАН, 2015. С. 6–19.
- Кекеев Э. А. Спасательные археологические раскопки курганной группы Восточный Маныч // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2014. № 2. С. 73–77.
- Очир-Горяева М. А. Археологические памятники волго-манычских степей (свод памятников, исследованных на территории Республики Калмыкия в 1929—1997 гг.). Элиста: Изд. дом «Герел», 2008.
- *Синицын И. В.*, *Эрдниев У.* Э. Древности Восточного Маныча // Археологические памятники Калмыцкой степи. Элиста: КНИИФЭ, 1979. С. 25–94.
- *Синицын И. В.* Древние памятники Восточного Маныча. Ч. 1–2. Саратов: Саратов. гос. ун-т, 1978. Ч. 1. 130 с. Ч. 2. 117 с.: ил.

- Синицын И. В., Эрдниев У. Э. Древности Восточного Маныча // Археологические памятники эпохи бронзы и средневековья. Элиста: КНИИФЭ, 1981. С. 29–49.
- *Синицын И. В.*, *Эрдниев У.* Э. Древности Восточного Маныча // Археологические исследования Калмыкии. Элиста: КНИИФЭ, 1987. С. 83–98.
- Синицын И. В., Эрдниев У. Э. Древности Восточного Маныча // Древности Калмыкии. Элиста: КНИИФЭ, 1985. С. 43–78.
- Синицын И. В., Эрдниев У. Э. Древности Восточного Маныча // Материалы по археологии Калмыкии. Элиста: Калм. ин-т обществ. наук АН СССР, 1991. С. 4–21.
- Синицын И. В., Эрдниев У. Э. Древности Восточного Маныча // Памятники Калмыкии каменного и бронзового веков. Элиста: КНИИФЭ, 1982. С. 59–92.
- *Синицын И. В., Эрониев У.* Э. Древности Восточного Маныча. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1987. 172 с.
- Эрдниев У. Э. Курганный могильник Восточный Маныч (правый берег) // Археологические памятники Южных Ергеней. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1982. С. 6–52.

ВОССТАНОВЛЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ КАЛМЫКОВ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX в.: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР ИССЛЕДОВАНИЙ УЧЁНЫХ КИГИ РАН

М. И. Кичеева

Постановлением Президиума ВЦИК от 22 октября 1935 г. Калмыцкая автономная область была преобразована в Калмыцкую автономную республику, что было закреплено в первой Конституции Калмыцкой автономной республики 1937 г. Несмотря на свою декларативность, она являлась важным документом, законодательно оформившим новую ступень национальной государственности, новый правовой статус Калмыцкой АССР в качестве субъекта РСФСР. Конституция КАССР 1937 г. послужила юридической основой для создания законодательства автономной республики и формирования её государственных органов власти и управления.

Целью данного доклада является проведение историографического обзора исследований учёных Калмыцкого института гуманитарных исследований по проблеме восстановления национальной государственности калмыцкого народа во второй половине XX в.

Одним из самых сложных и неоднозначных периодов в истории Российского государства, несомненно, вызывающий интерес со стороны учё-

ных историков, так и общественности, является депортация народов и последовавшая спустя более чем десятилетие их реабилитация.

В изучении политической реабилитации, то есть национальногосударственного строительства конца 1950–1990-х гг., ведущую роль играют работы проф. К. Н. Максимова [Максимов 1981; 2002; 2012; 2013]. В 1981 г., ещё до перестроечного периода вышла книга «Развитие советской национальной государственности (на материалах Калмыцкой АССР» [Максимов 1981], где автор охватывает период создания организационно-политических и экономических предпосылок образования автономии до 1980-х гг., обозначив начавшийся реабилитационный процесс.

Реконструкция образования и развития государственности калмыков в составе Российского государства на протяжении четырёх столетий на основе комплексного анализа различных источников проведена в статье «Генезис национальной государственности в составе России» [Максимов 2012]. Автор, подробно рассматривая восстановление государственности после исторических решений XX съезда КПСС, отмечает, что «в июле 1958 г. Президиум Верховного Совета СССР преобразовал Калмыцкую автономную область в автономную республику. Тем самым восстанавливалась ликвидированная в 1943 г. национальная государственность Калмыкии» [Максимов 2012: 8].

Процесс развития различных форм государственности калмыцкого народа в контексте общероссийской истории рассматривается в работе «История национальной государственности Калмыкии» [Максимов 2000]. Рассматриваемый в данной статье период характеризуется следующим образом: «ХХ съезд партии решил полностью исправить допущенную в отношении калмыцкого и ряда других народов несправедливость, восстановить их национальную государственность и тем самым обеспечить необходимые условия для их национального и культурного возрождения и развития» [Максимов 2002: 166; 2012].

Особое внимание проф. К. Н. Максимовым было уделено конституционным актам как основополагающим нормативным правовым документам, закрепляющим правовой статус человека и гражданина, полномочия автономной республики как субъекта советского государства, а также поэтапному формированию органов государственной власти. Детальный анализ архивных материалов позволил восстановить персональный состав органов исполнительной и законодательной власти, приведя их качественные и количественные характеристики.

Комплексный анализ процесса восстановления национальной государственности калмыцкого народа в результате реабилитации репрессированных народов проведён в работе И. В. Лиджиевой «Основные этапы реабилитации репрессированных народов. На материалах Калмыкии» [2012]. На основе анализа законодательных и подзаконных актов реконструирован процесс восстановления Калмыцкой автономной области, затем в последующем преобразование в Калмыцкую автономную республику.

Различные аспекты восстановления национальной государственности рассмотрены в ряде работ. Так, реформа школьного образования в указанный период — Е. В. Сартиковой [2005: 389–396], развитие здравоохранения — У. Б. Очировым [2009: 591–607].

Таким образом, историографический анализ по данной проблеме свидетельствует о том, что проблема восстановления национальной государственности во второй половине XX в. является одной из малоизученных страниц в истории Калмыцкой государственности.

Литература

- Лиджиева И. В. Основные этапы реабилитации репрессированных народов. На материалах Калмыкии. LAP LAMBERT Academic Publishing, 2012. 184 с.
- Максимов К. Н. Генезис национальной государственности в составе России // Участие калмыков в укреплении российской государственности. Мат-лы регион. науч.-практ. конф., посвящ. 1150-летию российской государственности и Году российской истории. Элиста: КИГИ РАН, 2012. С. 5–11.
- Максимов К. Н. Калмыкия в советскую эпоху: политика и реалии. Элиста: Изд. дом «Герел», 2013. 464 с.
- *Максимов К. Н.* Калмыкия в национальной политике, системе власти и управления России. М.: Наука, 2002. 524 с.
- Максимов К. Н. Парадоксы советской политики национально-государственного строительства // Национальная политика и модернизация системы управления на юге России: исторический опыт и современные вызовы: Мат-лы Всерос. науч. конф. (Ростов-на-Дону, 27–28 сентября 2012 г.) / отв. ред.: Г. Г. Матишов. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2012. С. 226–233.
- Максимов К. Н. Развитие советской национальной государственности (на материалах Калмыцкой АССР). Элиста, 1981. 191 с.
- Сартикова Е. В. Реформа школы в Калмыкии после восстановления национальной автономии (1958–1964 гг.) // Калмыкия субъект Российской Федерации: история и современность. Мат-лы Рос. науч. конф. Элиста, 2005. С. 389–396.

22

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В КАЛМЫЦКОЙ СТЕПИ В КОНТЕКСТЕ ПРАЗДНОВАНИЯ 300-ЛЕТИЯ ДОМА РОМАНОВЫХ

И.В.Лиджиева

В календаре России конца XIX — начала XX вв. существовали разнообразные праздники: государственные, религиозные, семейные, профессиональные. Каждый из них способствовал укреплению основ государственности, её авторитета на международном уровне. Ярким примером подобного празднования стало 300-летие Дома Романовых.

В 1910 г., за три года до предстоявших торжеств, был образован Комитет для устройства празднования трёхсотлетия царствующего Дома Романовых, председателем которого был назначен А. Г. Булыгин — на тот момент член Государственного совета.

Теоретической основой статьи послужили дореволюционные [Фарфоровский 1908, Бурдуков 1898] и современные монографические исследования [Максимов 2012; 2014; 2015; Батыров, Лиджиева, Оконова 2014]. Эмпирическую базу составили кодифицированные акты и документы официального делопроизводства. В статье проведён анализ материалов Национального архива Республики Калмыкия (НАРК). Путём использования основных методов исторического познания: проблемно-хронологического, историко-ситуационного и системного анализа — была рассмотрена деятельность института местного самоуправления Калмыцкой степи в контексте празднования 300-летия Дома Романовых.

27 ноября 1912 г. на очередном совещании по вопросу о праздновании 300-летия Дома Романовых при астраханском губернаторе принял участие «заведующий калмыцким народом» В. Е. Локтев. В ходе совещания была принята и утверждена общая структура программы празднования, которая предусматривала: «а) церковное чествование празднуемого события; б) чествование общего характера как праздника великого и радостного события; в) создание различного рода памятников в ознаменование 300-летия царствования Дома Романовых» [НАРК. Ф. И-9. Оп. 11. Д. 113. Л. 13].

Уже на следующий день, 28 ноября 1912 г., губернатор Астраханской губернии И. Н. Соколовский, рассмотрев проекты программ участковых комитетов, отметил, что ввиду серьёзности намеченных мероприятий они требуют обсуждения на общественных сходах. Приговоры сходов, утверждённые в соответствующем порядке, должны были быть представлены не позднее 1 января 1913 г. в «строгом соответствии со средствами, обес-

печивающими обязательное исполнение их», ввиду того, «что никаких воспособлений от казны на сей предмет не будет» [НАРК. Ф. И-9. Оп. 11. Д. 113. Л. 9].

Особой заботой как центральной власти, так и органов местного самоуправления была организация школьного дела. Согласно высочайше утверждённому Положению об училищах для калмыков от 23 апреля 1847 г. [Максимов 1995: 267], для распространения в Калмыцкой степи русского языка и подготовки толмачей при астраханской Палате государственных имуществ было учреждено училище на 50 воспитанников из числа калмыков. Во второй половине XIX в. в улусах стали открываться народные школы для калмыцких детей. «Понимая необходимость в получении навыков письма и чтения и сознавая пользу грамотности, калмыки, — отмечал современник, — охотно отдавали своих детей в народные школы. В общем, среди калмыков заметна сильная жажда образования, которая поддерживается местной администрацией. Калмыки учатся и в Ставропольской гимназии, и в духовном училище, и в высших учебных заведениях» [Фарфоровский 1908: 1].

Чиновник особых поручений Министерства земледелия и государственных имуществ Н. Бурдуков, занимавшийся преимущественно аграрными вопросами Калмыкии второй половины XIX — начала XX вв., уделял значительное внимание и институтам местного самоуправления как структурам, способствовавшим распространению грамотности среди калмыков. Он отмечал, что «в 1891 г. на улусном сходе калмыками был составлен приговор о постройке школы внутри улуса <...> Не довольствуясь этой школой, имея страстное желание обучать своих детей грамоте, калмыки в память священного коронования Их Императорских Величеств приговором всего улуса постановили в 1895 г. устроить четыре родовых школы и одно двухклассное училище, на что ассигновали средства из своих родовых сумм» [Бурдуков 1898: 34]. Делопроизводственная документация Управления калмыцким народом, материалы улусных и аймачных сходов, хранящиеся в Национальном архиве Республики Калмыкия, показывают, что указанное стремление максимально было использовано и отразилось в программе мероприятий в честь празднования 300-летия Дома Романовых в Калмыцкой степи.

В книге приговоров кетченер-шебенеровского аймачного управления за № 1 от 31 января 1913 г. записан приговор, в постановляющей части которого сказано: «Учредить начальную школу с интернатом на 25 человек учащихся, с квартирой при ней учителя, присвоив ей наименование: "В память 300-летия царствования Дома Романовых", — для чего ассигновать между нами раскладки, по количеству имеющегося скота, девять тысяч

рублей, сбор которых произвести в течение трёх лет начиная с текущего года и в настоящем году приступить к постройке названной школы» [НАРК. Ф. И-9. Оп. 5. Д. 2308. Л. 2]. Данный приговор был утверждён губернатором, но вопрос о присвоении ей наименования в память 300-летия Дома Романовых был отложен «до завершения постройки» [НАРК. Ф. И-9. Оп. 5. Д. 2308. Л. 9].

В марте 1913 г. эркетеновское улусное общество постановило ходатайствовать о присвоении новой улусной школе наименования «Школа в память 300-летия царствования Дома Романовых». Аймачные общества Эркетеновского улуса — овардыкское, гайдукское, кеке-усунское — 11 марта 1913 г. приняли решение об ассигновании ими по 1 000 рублей на учреждение стипендий «В память царствования Дома Романовых» для калмыков, обучавшихся в I астраханской гимназии, городском училище и фельдшерской школе. Волеизъявление аймачных сходов было зафиксировано в приговорах, которые в свою очередь получили одобрение астраханского губернатора, а 8 апреля — императора о высочайшем соизволении на присвоение указанного наименования как улусной школе, так и учреждённым стипендиям [НАРК. Ф. И-9. Оп. 5. Д. 2308. Л. 27]. Анализ приговоров улусных и аймачных обществ показывает, что празднование 300летия Дома Романовых на российском престоле стало поводом для проведения социально-ориентированных акций. Не стала исключением и Калмыцкая степь. Кроме указанных решений, постановлением сходов стало также делегирование депутатов «для принесения Его Императорскому Величеству всеподданнейших поздравлений». Так, в составе делегации от калмыцкого народа для поездки в Санкт-Петербург на средства общественного калмыцкого капитала были: зайсанг Малодербетовского улуса Санджи Лиджиевич Талтаев, зайсанг Александровского улуса Бадма Ара Шонхоров, от Яндыко-Мочажного улуса старшины Багутовского аймака Бабгуш Дензенов и Долбанского — Инджир Санджиев, яшкульский аймачный старшина Маныческого улуса Бальдюр Бельтриков.

21 февраля 1913 г. в телеграмме астраханского губернатора Соколовского на имя министра внутренних дел сообщалось: «Население Калмыцкой степи, вознеся в своих хурулах на торжественных молебнах по случаю 300-летия царствования Дома Романовых горячие молитвы о здравии и долголетии Его Императорского Величества Государя Императора и его августейшей семьи, просит меня повергнуть к стопам Государя Императора, их возлюбленного царя, чувства безграничной преданности и любви» [НАРК. Ф. И-9. Оп. 5. Д. 2308. Л. 66].

Канцелярия астраханского губернатора передала в Управление калмыцким народом свидетельство за № 1682 на юбилейный нагрудный знак,

выданный яшкульскому аймачному старшине Бальдюру Бельтрикову. В сопроводительном письме от 1 июля 1913 г. за № 7447 было указано, что он был утверждён для лиц, приносивших их императорским величествам личные верноподданнические поздравления по случаю 300-летия царствования Дома Романовых в дни юбилейных торжеств [НАРК. Ф. И-9. Оп. 11. Д. 113. Л. 139]. Памятный знак представлял собой оксидированный ажурный герб Дома Романовых, увенчанный императорской короной и окружённый вызолоченным лавровым венком. Лицам, которым был вручён памятный знак, давалось право помещать на его оборотной стороне своё имя, отчество и фамилию. Право на ношение знака переходило по наследству к старшему мужскому потомку пожалованного этим знаком [Правительственный 1913: 5]. Указанной медалью в Калмыцкой степи были награждены 12 аймачных старшин и 58 хотонных старост из четырёх улусов Калмыцкой степи — Александро-Багацохуровского, Эркетеновского, Малодербетовского, Яндыко-Мочажного.

Следует отметить, что и до юбилея Дома Романовых в Калмыцкой степи существовала практика наименования разного рода сооружений в честь высочайших особ и в память выдающихся исторических события. Так, в честь ознаменования столетнего юбилея Отечественной войны 1812 г. была построена на средства обществ Икицохуровского улуса больница, а также барак на 10 кроватей при Тинакской грязелечебнице. С разрешения Министерства внутренних дел от 4 сентября 1906 г. № 4447 штатному буддийскому малому хурулу Хашханерова рода присвоено наименование «Романовский» в честь наследника и великого князя Алексея Николаевича [НАРК. Ф. И-9. Оп. 11. Д. 113. Л. 127].

Таким образом, празднование 300-летия царствования династии Романовых послужило поводом к активизации строительства социально-ориентированных объектов — таких, как школы и больницы, — а также для учреждения стипендий для учащихся различных учебных заведений. Все это имело важное значение для развития Калмыцкой степи в указанный период и позволяет уточнить имеющиеся представления об особенностях осуществления социальной политики на национальных окраинах Российской империи.

Источники

НАРК — Национальный архив Республики Калмыкия

Положение о наследственном нагрудном знаке для лиц, приносивших Их Императорским Величествам личные верноподданнические поздравления по случаю 300-летия царствования Дома Романовых в дни юбилейных торжеств 21–24 февраля 1913 года // Правительственный вестник. 21 февраля 1913.

Литература

- Батыров В. В., Лиджиева И. В., Оконова Л. В. Сословная структура калмыцкого общества в контексте государственной политики Российской империи XIX в. // Известия Алтайского государственного университета. 2014. № 4–2 (84). С. 26–30.
- Бурдуков Н. Ф. Доклад его превосходительству господину министру земледелия и государственных имуществ чиновника особых поручений Н. Бурдукова по командировке в Большедербетовский улус осенью 1898 г. СПб.: Типография кн. В. П. Мещёрского, 1898. 126 с.
- Максимов К. Н. Административные реформы на Дону и организация системы управления калмыцким социумом в XVIII начале XIX вв. // Краеведческие записки Министерства культуры Ростовской области. Ростов н/Д, 2014. С. 80—87.
- Максимов К. Н. Генезис национальной государственности в составе России // Участие калмыков в укреплении российской государственности. Мат-лы регион. науч.-практ. конф., посвящ. 1150-летию российской государственности и Году российской истории. Элиста: КИГИ РАН, 2012. С. 5–11.
- Максимов К. Н. Калмыки Области Войска Донского на рубеже XIX–XX вв. // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2015. № 3. С. 20–28.
- Фарфоровский С. В. Калмыки Ставропольской губернии. Ставрополь: Типография губернского правления, 1908. 32 с.

КАЛМЫКИЯ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1941 г.

К. Н. Максимов

Накануне Второй мировой войны подавляющая часть советского народа, в том числе и Калмыцкой республики, положительно воспринимая проводимые государством меры по подъёму уровня социально-экономической и культурной жизни в стране, с энтузиазмом и большим напряжением занималась созидательной деятельностью.

Положительные тенденции, отмечавшиеся в предвоенные годы в сельском хозяйстве, зарождение отдельных отраслей промышленности, развитие социальной инфраструктуры, рост грамотности населения, значительное сокращение необоснованных репрессий способствовали подъёму настроения у преимущественной части народа Калмыкии, создавая общую атмосферу энтузиазма и патриотизма.

Однако население республики чувствовало приближение войны и осознавало её смертельную опасность, понимало, какие беды она может принести стране. Государственные и партийные органы республики в соот-

ветствии с общими требованиями начали принимать мобилизационные меры, стали создавать специальные фонды на нужды обороны страны, осуществлять переподготовку военных кадров и т. д. В стране приступили к перестройке работы общественно-политических, хозяйственных организаций, предприятий [Сартикова 2015: 182; Лиджиева 2014: 188].

В первый же день войны многие граждане Калмыкии, не дожидаясь повесток, пошли в военкоматы и добровольно отправлялись на фронт. К концу 1941 г. в Калмыцкой АССР были призваны на войну 13 778 (30,2 % мобилизационного ресурса) уроженцев Калмыкии. За это же время Калмыкия поставила в фонд обороны более 9 тыс. лошадей, тракторов, автомашин, изготовила и отправила на фронт около 24 тыс. пар валенок, более 9 тыс. полушубков и фуфаек и др. вещи. Республика в значительных размерах передавала государству продукты сельскохозяйственного производства, рыбной промышленности, мяса, молока, брынзы, кожсырье для нужд армии [Очиров 2013: 55; 2014а; 20146; Максимов 2013: 90; Бадмаева 2013а: 318; 20136: 65].

Население сдало в фонды строительства военной техники более 13 млн руб., отправило бойцам на фронт 8 вагонов подарков, около 9 тыс. индивидуальных посылок. Государственные органы проявили большую заботу о семьях военнослужащих, подготовке сандружинниц, медицинских сестёр, а также кадров массовых профессий, взамен ушедших на фронт мужчин.

Население приняло активное участие в строительстве объектов военностратегического назначения (строительство грунтовых дорог, мостов, оборонительных сооружений, железной дороги Кизляр — Астрахань, военных аэродромов, линий связи и др.).

Помимо всего этого, республике в 1941 г. пришлось принять эвакуированное население в составе более 7 тыс. чел., а также осенью из других краёв и областей — более 300 тыс. голов различного вида эвакуированного скота. Весь этот скот необходимо было не только обеспечить кормами, помещением, но и организовать лечение, сохранить поголовье в суровую зиму 1941 г., подготовить его к дальнейшему перегону через Волгу.

Калмыцкая АССР, наряду с другими республиками Поволжья, Средней Азии, Северного Кавказа, в соответствии с решением ГКО СССР от 13 ноября 1941 г. за № 894 "с" приступила к формированию двух кавалерийских дивизий в составе 6 полков. Общая численность личного состава обеих дивизий должна была быть 7 тыс. чел., а лошадей — 7 676.

Таким образом, самые трудные первые шесть месяцев войны не привели к отчаянию и неверию в победу, не сломили волю абсолютного большинства советского народа, в том числе и жителей Калмыцкой АССР. Не-

смотря на материальные и моральные тяготы, лишения, жертвы, почувствовав огромную опасность, которую несли фашисты, люди ещё теснее сплотились перед общей бедой, проявили самоотверженность, организованность. Контрнаступление советских войск в начале декабря 1941 г. под Москвой, означавшее провал молниеносной войны немцев, подняло боевой, моральный дух, придало уверенность в победе не только воинам, но и труженикам тыла, народам СССР.

Литература

- Бадмаева Е. Н. О реализации продовольственной политики Советского государства в 1941–1943 гг. (на примере Калмыцкой АССР) // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2013б. № 3. С. 63–689.
- Бадмаева Е. Н. Сельское хозяйство Калмыкии в годы Великой Отечественной войны // Коренной перелом в Великой Отечественной войне: к 70-летию освобождения Дона и Северного Кавказа. Мат-лы Междунар. науч. конф. (г. Ростов-на-Дону, 6–7 июня 2013 г.). Ростов н/Д: изд-во ЮНЦ РАН, 2013а. С. 316–320.
- Лиджиева И. В. Местные советы Калмыцкой АССР в годы Великой Отечественной войны // Боевые действия на территории Калмыкии в период Великой Отечественной войны: неизвестные страницы и новые подходы. Сб. науч. ст. Элиста: КИГИ РАН, 2014. С. 181–195.
- Максимов К. Н. Калмыкия в советскую эпоху: политика и реалии. Элиста: Изд. дом «Герел», 2013. 464 с.
- Очиров У. Б. Военные мобилизации в Калмыцкой АССР в 1941–1943 гг. // Коренной перелом в Великой Отечественной войне: к 70-летию освобождения Дона и Северного Кавказа. Мат-лы Междунар. науч. конф. (г. Ростов-на-Дону, 6–7 июня 2013 г.). Ростов н/Д: изд-во ЮНЦ РАН, 2013. С. 53–60.
- Очиров У. Б. Наступление 28-й армии и освобождение Калмыкии в ноябре 1942 г. январе 1943 г. // Боевые действия на территории Калмыкии в период Великой Отечественной войны: неизвестные страницы и новые подходы. Сб. науч. ст. Элиста: КИГИ РАН, 2014а. С. 68–83.
- Очиров У. Б. Партизанское движение на территории Калмыкии // Боевые действия на территории Калмыкии в период Великой Отечественной войны: неизвестные страницы и новые подходы. Сб. науч. ст. Элиста: КИГИ РАН, 2014б. С. 124–150.
- Сартикова Е. В. Перестройка работы профсоюзов Калмыкии в годы Великой Отечественной войны 1941–1943 гг. [электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1. С. 85–88. URL: http://www.science-education.ru/121-17825 (дата обращения: 13.03.2015).

29

МАТЕРИАЛЫ ПЕРВОЙ ВСЕОБЩЕЙ ПЕРЕПИСИ 1897 г. КАК ИСТОЧНИК ПО ИЗУЧЕНИЮ РЕЛИГИОЗНОГО СОСТАВА НАСЕЛЕНИЯ КАЛМЫЦКОЙ СТЕПИ АСТРАХАНСКОЙ ГУБЕРНИИ

Л. В. Оконова

Для изучения исторических процессов и явлений большое значение имеют статистические источники, которые являются наиболее точным инструментарием познания процессов, происходящих в обществе. Среди опубликованных статистических источников по отечественной демографии конца XIX в. наиболее информативными являются материалы Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. [Первая всеобщая ... 1899]. Рассмотрением некоторых аспектов данной проблематики по демографической истории калмыков-кочевников касались исследователи [Максимов 2002; Лиджиева 2015; Оконова 2008; 2014].

Проведённый источниковый анализ «Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г.» позволил выявить составные данные религиозных конфессий населения Астраханской губернии, её уездов и национально-территориальных образований — Внутренней Киргизской (Казахской Орды) и Калмыцкой степи: 1) христиане — православные и единоверцы, старообрядцы, уклоняющиеся от официального признания православия, армяно-григориане, католики — армяно-католики, римско-католики, лютеране, реформаторы, баптисты, меннониты; 2) иудеи — караимы, иудеи; 3) магометане; 4) буддисты-ламаиты; 5) остальные представители христианского и нехристианского исповедания.

Детальный анализ источниковых данных показывает, что Калмыцкая степь по численности православных и единоверцев (5 544 или 1,05 %) занимала предпоследнее место в Астраханской губернии. По числу армяногригориан (59 чел., или 1,4 %) находилась на втором месте, уступая Астраханскому уезду. Армяно-католики и реформаторы в материалах переписи не указаны. По числу лютеран Калмыцкая степь (13 чел., или 0,28 %) стояла на пятом месте. Меннониты были зарегистрированы по 1 чел. только в двух уездах — Астраханском и Черноярском. По численности иудеев (8 чел., или 0,29 %) и магометан (1 051 чел., или 0,34 %) Калмыцкая степь занимала последнее место, уступая всем уездам Астраханской губернии и Внутренней Киргизской Орде. По численности ламаитов Калмыцкая степь (121 880 чел. или 88,98 %) стояла на первом месте. Следует отметить, что лица, исповедавшие остальные христианские и нехристианские исповедания, в материалах переписи не были указаны.

Анализируя в целом по губернии конфессиональный, т. е. вероисповедный, состав, можно прийти к выводу, что большинство православных и единоверцев, старообрядцев и уклонявшихся от православия, лютеран проживало в уездах, а затем по убыванию в городах, Калмыцкой степи и Внутренней Киргизской Орде. По численности армяно-католиков, армяногригориан, римско-католиков, иудеев, первое место занимали города, за которыми следовали уезды, Калмыцкая степь и Внутренняя Киргизская Орда, причём армяно-католики собственно национальных районах губернии в Калмыцкой степи и Внутренней Киргизской Орде не были зарегистрированы. Реформаторы и лица, исповедовавшие остальные христианские и нехристианские исповедания, меньше всего проживали в уездах, больше всего — в городах, а в Калмыцкой степи и Внутренней Киргизской Орде они вообще отсутствовали. Баптисты проживали только в уездах, менониты — поровну в уездах и городах, т. е. по одному в каждом из них. По численности караимов на первом месте были уезды, а затем следовали города. По численности магометан, ламаитов в числе первых были Внутренняя Киргизская Орда и Калмыцкая степь, на втором — уезды и на третьем — города.

Таким образом, результаты проведённой переписи впервые позволили получить достаточно полную картину о структуре населения по религиозному признаку. Опубликованные материалы Первой всеобщей переписи населения России являются весьма ценным статистическим источником, позволяющим представить в деталях религиозное состояние населения не только Калмыцкой степи, но и в целом всей Астраханской губернии в конце XIX в. Источниковедческий анализ материалов переписи показал, что на момент её проведения большая часть населения Калмыцкой степи исповедовала в силу своей этнической особенности ламаизм. При этом население в Калмыцкой степи постепенно становилось поликонфессиональным. Проведённое исследование констатирует большую информативную насыщенность данного вида источника, открывающего широкие возможности его использования в конкретных исторических исследованиях с различными целями и задачами.

Литература

Лиджиева И. В. Финансово-хозяйственная деятельность органов местного самоуправления Калмыцкой степи в XIX в. // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2015. № 1. С. 16–21.

Максимов К. Н. Калмыкия в национальной политике, системе власти и управления России. М.: Наука, 2002. 524 с.

- Оконова Л. В. Материалы по демографическому учёту калмыков волжских кочевий последней трети XVIII–XIX вв. как исторические источники: дис. ... канд. ист. наук. Волгоград, 2008. 199 с.
- Оконова Л. В. Этноконфессиональная структура населения Калмыцкой степи Астраханской губернии по материалам переписи 1897 г. (в свете квантитативного подхода) // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2014. № 2. С. 22–29.
- Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Астраханская губерния. Тетр. II. СПб., 1899.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ СРУБНОЙ КУЛЬТУРЫ В ВОЛГО-МАНЫЧСКИХ СТЕПЯХ

М. А. Очир-Горяева

До 1980-х гг. в российской археологии бытовало мнение об отсутствии памятников срубной культуры в Волго-манычских степях. Это было одним из основных аргументов о возникновении кочевого скотоводства ещё в эпоху ранней бронзы в наиболее засушливом участке Восточноевропейских степей — между рр. Волгой, Манычем и Салом. Академик М. И. Артамонов в статье «Возникновение кочевого скотоводства» [Артамонов 1977: 4-13] рассматривал главные аргументы: во-первых, в сальскоманычских степях нет поселений бронзового века; во-вторых, срубная культура с её ярко выраженной земледельческой отраслью хозяйства обошла прикаспийские степи; в-третьих, оседлый образ жизни невозможен в условиях сухих степей; и, наконец, невозможность заготовки кормов приводил к круглогодичному содержанию скота на подножном корму. Все это вместе взятое, по мнению М. И. Артамонова, свидетельствует о том, что в силу особенно засушливого климата кочевое скотоводство возникло в сальско-манычских степях ещё в неолите и бронзовом веке [Артамонов 1977: 11].

В 1980 г. вышла в свет полемическая статья Л. С. Клейна «Возникновение кочевого скотоводства», в которой основные положения о кочевом образе жизни в эпоху бронзы и неолита были подвергнуты, хотя и поверхностной, но критике и сомнению. Л. С. Клейн, ссылаясь на работы В. А. Сафронова, отрицал факт отсутствия в курганах Калмыкии срубных погребений, опираясь на исследования Г. Е. Маркова, отрицал постепенность увеличения стада, а также прогрессивность кочевого скотоводства [Клейн 1980: 34].

При более внимательном рассмотрении оказывается, что первое погребение срубной культуры на территории Волго-манычских степей было раскопано ещё в 1929 г. экспедицией профессора П. С. Рыкова в кургане около хурула Ханата [Рыков 1931: 51–79]. В последующие годы единичные погребения срубной культуры были открыты в курганных группах Элиста-2, Три брата-1 [Рыков 1936: 115–157]. В 1962 г. в курганной группе Балкин в 7 км от центральной усадьбы совхоза «Красносельский» (ныне п. Ики-Бухус Малодербетовского района) были раскопаны 4 срубных погребения [Шилов 1982: 24–54].

Наиболее значительная серия погребений происходит из раскопок на севере Республики Калмыкия, в районе Сарпинских озёр. В 1976 г. в могильнике Заханата из раскопанных 64 погребений 22 относились к срубной культуре [Шнайдштейн 1985: 79–84]. Заханатинские погребения были впускными, безынвентарными или только с одним сосудом. В могильнике Цаца на территории Волгоградской области, также расположенном в зоне Сарпинских озёр, погребения срубной культуры также составили большинство — 36 комплексов [Шилов 1985: 94–157]. Исключительный случай необычайного количества лошадей, принесённых в жертву во время похорон, зафиксирован в погребении № 5 кургана № 1 могильника Цаца. На западном заплечике могильной ямы этого погребения было обнаружено 16 плохо сохранившихся черепов и позвонков лошадей. На восточном заплечике ямы — 14 черепов лошадей. В засыпи могилы от уровня погребённой почвы до дна могилы обнаружено ещё 10 черепов лошадей также очень плохой сохранности, три из которых лежали почти на дне могилы [Шилов 1985: 94–157]. Итого в одном погребении было обнаружено 40 черепов лошадей. На дне могилы рядом с погребённым были найдены остатки заупокойной пищи в виде костей ног овцы. Погребальный инвентарь состоял из фрагмента бронзового ножа и глиняного сосуда, вся поверхность которого, включая дно сосуда, была покрыта ёлочным орнаментом, нанесённом мелкозубчатым штампом. Погребённый был положен скорченно, на левом боку, головой на Северо-Восток. Само погребение отличалось значительными размерами могильной ямы и наличием заплечиков.

В каждом погребении могильника *Цаца* было найдено по сосуду и ещё 10 сосудов происходят из насыпей курганов. Устройство жертвенников с керамическими сосудами является одной из характерных черт срубной культуры. В погребении из кургана 7 могильника *Цаца*, кроме сосуда, была найдена сурьмяная подвеска ромбической формы с петелькой для подвешивания на одном из углов. Лицевая сторона ромбовидного щитка украшена по краю рельефными валиками, поле в центре заполнено двумя перекрещивающимися валиками, напоминающими бегущую волну. Сурь-

мяные подвески найдены в целом ряде погребений Нижнего Поволжья и датируются в пределах XIII–XI вв. до н. э. Наиболее вероятным центром изготовления сурьмяных подвесок является Северный Кавказ и Закавказье [Шилов 1985: 152].

В сводке погребений, раскопанных на территории Калмыкии с 1929 по 1979 год, учтено 134 погребения срубной культуры [Цуцкин 1985: 17. Таблица 1]. В базе данных с электронной картой, опубликованной в 2008 г. числится 159 погребений срубной культуры, раскопанных с 1929 по 1997 гг. [Очир-Горяева 2008. Таблица 2]. Срубные погребения встречаются не только в прилегающих к Волге районах, но и далеко на юге Ергенинской возвышенности, например, в могильнике *Хар Зуха* [Очир-Горяева 1991]. Срубные погребения встречаются и намного южнее на Ставрополье и на Северном Кавказе [Державин 1991; Nagler 1995].

Значительное внимание срубным памятникам рассматриваемого региона было уделено в монографии Р. А. Мимохода «Лолинская культура Северо-западного Прикаспия на рубеже среднего и позднего периодов бронзового века» [2013]. Согласно исследованиям последних лет, памятники Волго-манычских степей включены в Бережновско-маевский вариант срубной культуры, распространённой в степной и лесостепной зоне от р. Ингулец на западе до р. Волги на востоке. Общие хронологические рамки бережновско-маевских срубных памятников определены в пределах XVII–XII вв. до н. э. [Отрощенко 2002: 1–33].

В 1976 г. Е. В. Шнайдштейн исследовала 13 курганов могильника Заханата на западном берегу озера Ханаты. Попутно ею было обследовано поселение, названное ею также Заханата. На поселении было заложено четыре раскопа, выявившие наличие двух культурных слоёв. Нижний слой (0,10–0,35 м) светло-жёлтой супеси с включением фрагментов лепной керамики и костей автор датировала эпохой поздней бронзы и отнесла к срубной культуре. Верхний перекопанный слой (0,10–0,50 м), который содержал обломки гончарной сероглиняной керамики, иногда украшенной волнистым и линейным орнаментом, а также многочисленные обломки железных предметов, автор отнесла к средневековью. Это было первое поселение срубной культуры и вообще эпохи бронзы с сохранившимся культурным слоем, найденное в Волго-манычских степях [Шнайдштейн 1980: 182–183]. К сожалению, информация о работе на поселении дана только в кратком сообщении в «Археологических открытиях», но в полевом отчёте эта часть работы не отражена [Шнайдштейн 1976].

Дополнительные исследования, проведённые автором строк, показали, что там находятся два поселения срубной культуры. В 2002 г. автором доклада был заложен разведочный шурф на поселении Заханата. Был об-

наружен культурный слой мощностью 40 см, развал костей свиньи и многочисленный керамический материал. Орнаментация фрагментов сосудов типична для срубной культуры: прямые горизонтальные полосы и насечки. Найдено костяное орудие и кремнёвые отщепы. В 1 км южнее шурфа на распаханной противопожарной полосе обнаружены следы разрушенного культурного слоя с аналогичной керамикой, кремнёвым отщепом и двумя зольниками. Картина типичная для более северных районов Нижнего Поволжья, когда поселения срубной культуры располагались друг от друга в пределах видимости [Очир-Горяева, Бросседер 2008: 42–47; 2009: 111–116].

В 2010–2013 гг. в рамках совместного проекта Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Россия) и Археологического Ландесамта земли Шлезвиг-Гольштайн (Германия) «Поселения в степи» были открыты новые поселенческие памятники с регулярным культурным слоем и проведены комплексные исследования на них и ряде ранее открытых памятников. На поселении среднего бронзового века Ергенинский были проведены комплексные исследования [Очир-Горяева, Кекеев, Карнап-Борнхейм, Фассбиндер 2011: 81–85; Очир-Горяева, Кекеев 2014: 18–27].

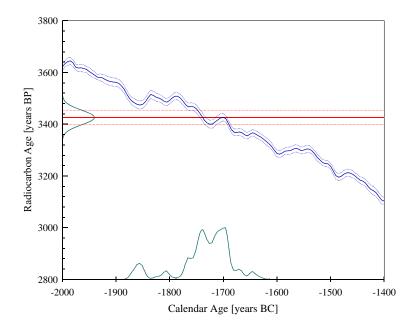
На поселении эпохи неолита Джангарбыл составлен топографический план и проведены поверхностные сборы [Буратаев 2014: 73–74]. Были проведены также поверхностные сборы на поселении Заханата эпохи поздней бронзы, и в рамках проекта был сдан образец кости овцы из шурфа А-2002 в Лабораторию Лейбница по определению возраста и изотопных исследований при Кристиан Альбрехт университете в г. Киль (Германия). Согласно полученному результату, образец из поселения Заханата датируется в хронологическом диапазоне 1779–1659 гг. до н. э.

Таким образом, срубные памятники на территории Калмыкии представлены типичными для остального ареала распространения культуры курганными погребениями и поселениями. Хронологические рамки бытования поселения Заханата соотносятся с общей хронологией срубной культуры Нижнего Поволжья.

KIA45811Zahanata I 2002; Schnitt A 14/0 Knochen, Russland, RepublicKalmykien, Zahanata, Entnahmetiefe: 0,12–0,18 m

Fraktion	PMC (korrigiert)†	Radiokarbonal- ter	\Box^3 C(‰)‡
Knochen, Kollagen, 3,0 mg C	$65,28 \pm 0,23$	$3425 \pm 30 \text{ BP}$	-19,69 ± 0,17

Radiocarbon Age: BP 3426 ± 28 One Sigma Range: cal BC 1756–1687 (Probability 68,3 %) Two Sigma Range: cal BC 1874–1843 (Probability 7,7 %)

Литература

- Nagler A. Kurgane der Mozdok-Steppe in Nordkaukasien // Archäologie in Eurasien. Band. 3. Espelkamp:Leidorf, 1996. 80 c.
- *Артамонов М. И.* Возникновение кочевого скотоводства // Проблемы археологии и этнографии. Вып. 1. Л., 1977. С. 4–13.
- *Буратаев Е. Г.* К истории изучения *поселения Джангар* // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. № 2. 2014. С. 73–77.
- *Державин В. Л.* Степное Ставрополье в эпоху ранней и средней бронзы. М., 1991. 186 с.
- *Клейн Л. С.* Возникновение кочевого скотоводства // Скифо-сибирское культурноисторическое единство. Кемерово, 1980. С. 30–36.
- Мимоход Р. А. Лолинская культура Северо-западного Прикаспия на рубеже среднего и позднего периодов бронзового века. Материалы охранных археологических исследований. Том 16. М. 2013. 568 с.
- *Отрощенко В. В.* Історія племён зрубної спільності: автореф. дис. докт. іст. наук. Киев, 2002. 33 с.

- Очир-Горяева М. А. Археологические памятники Волго-Манычских степей (свод памятников, исследованных на территории Республики Калмыкия в 1929—1997 гг.). Элиста: Изд. дом «Герел». 2008. 298 с.
- Очир-Горяева М. А. Отчёт об исследованиях курганного могильника Хар-Зуха в Приютненском районе КАССР в 1991 г. // Научный архив КИГИ РАН. Ф. 14. Оп. 2. Д. 68.
- Очир-Горяева М. А., Бросседер У. Археологические исследования на поселении Заханата-I // Единая Калмыкия в единой России: через века в будущее: Мат-лы междунар. науч. конф. Элиста: ЗАОР НПП «Джангар», 2009. С. 111–116.
- Очир-Горяева М. А., Бросседер У. Поселения в степи: проблемы изучения и интерпретации // Вестник Прикаспия: археология, история, этнография. Элиста: Калмыцкий государственный университет. 2008. Вып. 1. С. 42–47
- Очир-Горяева М. А., Кекеев Э. А. Археологические раскопки поселения эпохи бронзы Ергенинское // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2013. № 4. С. 18–27.
- Очир-Горяева М. А., Кекеев Э. А., Карнап-Борнхейм К., Фассбиндер И. Комплексные исследования на поселении Ергенинское // Гуманитарная наука Юга России: международное и региональное взаимодействие. Мат-лы Междунар. науч. конф. (г. Элиста, 20–23 сентября 2011 г.). Ч. ІІ. Элиста: КИГИ РАН, 2013. С. 81–85.
- Памятники срубной культуры. Волго-уральское междуречье. САИ. Вып. 1–10. Том 1. Саратов, 1993. 198 с.
- *Рыков П. С.* Археологические раскопки курганов в урочище Три Брата в Калмыцкой области, произведённые в 1933-1934 гг. // Советская археология. Вып. 1. 1936. С. 115–157.
- Рыков П. С. Отчёт об археологических работах, произведённых в Нижнем Поволжье летом 1929 г. // Известия Нижне-Волжского института краеведения им. М. Горького. Т. IV. Саратов. 1931.
- *Цуцкин Е. В.* Археологические исследования Калмыкии // Древности Калмыкии. Элиста: КНИИ ИФЭ, 1985. С. 3–18.
- *Шилов В. П.* Курганный могильник у с. Цаца // Древности Калмыкии. Элиста, 1985. С. 94–157.
- *Шилов В. П.* Проблема освоения открытых степей Калмыкии от эпохи бронзы до средневековья // Памятники Калмыкии каменного и бронзового веков. Элиста. 1982. С. 24–54.
- *Шнайдитейн Е. В.* Исследование в Калмыкии // Археологические открытия 1976 г. М.: Наука, 1977. С. 182–183.
- Шнайдитейн Е. В. Отчёт о раскопках зоны строительства Сарпинской оросительной системы в 1976 г. // Научный архив КИГИ РАН. Ф. 14. Оп. 2. Π . 4.

КАЛМЫЦКАЯ МИЛИЦИЯ В 1918–1925 гг.: КРАТКИЙ ОБЗОР ИСТОРИОГРАФИИ

У. Б. Очиров

Первые попытки создания народной милиции в Калмыкии имели место ещё при Временном правительстве. Уже I съезд представителей калмыцкого народа, собравшийся 26 марта 1917 г., вынес постановление о создании улусной народной милиции, перед которой сразу поставили задачу усиления борьбы со скотокрадством. Однако средств на её формирование, обучение и вооружение не было, и к началу установления Советской власти в Калмыкии народная улусная милиция так и не завершила своего формирования.

Новый орган Советской власти в Калмыцкой степи — Калмыцкая секция (позже преобразованная в Калмыцкий исполком) Астраханского губисполкома — практически сразу после своего создания в феврале 1918 г. упразднила все органы власти Временного правительства, в том числе и милицию. Тем не менее задача защиты населения и скота от бандитских налётов, количество которых начало резко возрастать, являлась одной из наиболее актуальных, и новые органы власти в улусах — Советы и исполкомы — начали организовывать отряды «народной охраны». Вскоре на их базе были сформированы 8 участков милиции.

Первоначально советская милиция в Калмыкии, как и по всей стране, фактически состояла из самодеятельных добровольческих отрядов, формируемых местными Советами. Они, как и их предшественники, не имели обмундирования, были плохо вооружены и не могли противостоять все более нараставшей волне бандитизма. Советская власть быстро осознала необходимость профессионализации этого органа правопорядка и его воссоздания как государственной организации со штатной структурой и бюджетным финансированием. 10 мая 1918 г. коллегия НКВД РСФСР приняла решение о том, что «милиция существует как постоянный штат людей, исполняющих специальные функции». 13 октября 1918 г. НКВД и наркомат юстиции утвердили инструкцию «Об организации Советской Рабоче-Крестьянской милиции», окончательно покончившей с идеей милиции как «вооружённого народа» и закрепила функционирование штатной профессиональной милиции в РСФСР. 4 ноября 1918 г. Астраханский губисполком вынес постановление о реорганизации милиции по новым требованиям, в том числе в Калмыцкой степи. Калмыцкий исполком утвердил штат милиции в составе 8 районных начальников, 33 старших милиционеров и 116 младших милиционеров (всего 157 милиционеров). Для координации её деятельности в составе Калмисполкома (в Астрахани) был образован подотдел милиции, состоявший из 4 чел. Первым начальником калмыцкой милиции стал коммунист Даниил Митрофанович Шагоров, назначенный на эту должность 27 октября 1918 г. и проработавший в этой должности с небольшим перерывом до августа 1919 г.

В 1919 г. по мере усиления Гражданской войны происходит военизация милиции. Калмыкия втягивается в сферу боевых действий, большая часть её территории была захвачена белыми. Военкомы улусов становятся начальниками милиции, а милиционеры вливаются в состав улусных сотен военкоматов и начинают принимать участие в боевых действиях в составе частей Красной армии. К концу 1919 г. подотдел милиции имел в своём распоряжении лишь 3 районные милиции, в которых насчитывалось 49 милиционеров. Остальные районы продолжали оставаться под властью белых. Летом 1919 г. был назначен новый начальник калмыцкой милиции — коммунист Мухара Мунянович Мунянов, с именем которого принято связывать её реальное формирование.

После изгнания белогвардейцев из Калмыкии и провозглашения автономии калмыцкого народа на съезде в Чилгире (на котором М. М. Мунянов был избран членом КалмЦИК) калмыцкая милиция получила новый толчок для развития. Было создано областное управление милиции, состоявшее из 5 отделов: общего, уголовного розыска, снабжения, инспекторского, промышленной милиции (последний отдел реально не функционировал) — и утверждён новый штат милиции Калмыкии в количестве 500 чел., в том числе 154 конных милиционера, распределённые по 8 районам: Приволжский (Багацохуровский, Хошеутовский, Калмбазаринский), Икицохуро-Харахусовский, Яндыковский, Эркетеневский, Малодербетовский, Манычский, Сальский). Кроме того, улучшилось снабжение и вооружение, которое теперь калмыцкая милиция стала получать непосредственно из Главного управления милиции НКВД РСФСР.

Впрочем, несмотря на изгнание белогвардейцев, наиболее приоритетной задачей для милиции оставалась борьба с бандитизмом, теперь уже «зелёным», вызванным политикой «военного коммунизма», голодом 1921 г., перегибами НЭПа. На территории Калмыкии действовали «зелёные» банды, вооружённые пулемётами и даже пушками. Милиция не могла сама справиться с такими бандами, поэтому борьбу с ними вели в основном улусные конные сотни, куда вливались и отряды милиции.

Изучение историографии проблемы показало, что по истории калмыцкой милиции 1918—1925 гг. монографические исследования отсутствуют, и имеется лишь одна статья, посвящённая данной проблеме и охватывающая часть исследуемого периода [Цакиров 1972]. Отдельные сведения и упоминания о различных аспектах деятельности и работниках калмыцкой милиции имеются в работах общего плана, освещающих историю Калмыкии в указанный период [Бадмаева 2006; 2010; Максимов 2002; 2004; Очиров 2006]. Также были опубликованы отдельные статьи, в которых рассматривались различные аспекты развития бандитизма в Калмыкии и борьбы с ним (в том числе и органами милиции) [Бадмаева 2003; Очиров 2014; Очиров 2015].

История калмыцкой милиции в 1918–1925 гг. является одной из наиболее малоизученных страниц в истории правоохранительных органов Калмыкии

Литература

- Бадмаева Е. Н. Калмыкия в начале 1920-х годов: голод и преодоление его последствий. Элиста: АОр «НПП «Джангар», 2006. 182 с.
- Бадмаева Е. Н. Нижнее Поволжье: опыт и итоги реализации государственной политики в социально-экономической сфере (1921–1933 гг.). Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2010. 544 с.
- Бадмаева Е. Н. О деятельности различных формирований по борьбе с советской властью и участии в них крестьянства в Калмыкии в 1921–1924 гг. // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. Вып. 18. Элиста: АПП «Джангар», 2003. С. 156–164.
- Максимов К. Н. Калмыкия в национальной политике, системе власти и управления России (XVII–XX вв.). М.: Наука, 2002. 524 с.
- *Максимов К. Н.* Трагедия народа: Репрессии в Калмыкии. 1918–1940-е годы. М.: Наука, 2004. 311 с.
- *Очиров У. Б.* Калмыкия в период Гражданской войны (1917–1920 гг.). Элиста: 3AOp «НПП «Джангар», 2006. 448 с.
- *Очиров У. Б.* Три этапа «политического бандитизма» на территории Калмыкии (1918–1927 гг.) // Русская старина. 2015. № 3 (15). С. 156–167.
- Очиров У. Б. Улусные сотни как правоохранительные органы Калмыкии в период Гражданской войны // Вторые Всероссийские (с международным участием) историко-этнографические чтения, посвящённые памяти профессора Магомедова Расула Магомедовича. Сб. статей. Махачкала: Изд-во ДГУ, 2014. С. 210–213.
- *Цакиров В. Г.* Из истории образования и деятельности милиции в Калмыцкой степи (1918–1921 гг.) // Вестник института [КНИИЯЛИ]. Вып. 6. Сер. «Историческая». Элиста, 1972. С. 183–192.

40

ОЙРАТСКИЕ ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII–XIX вв.

В. П. Санчиров

Предки калмыков ойраты, или западные монголы, сложились в особую монголоязычную народность к началу XVII в. В период XIII—XV вв. они не представляли собой нечто устойчивое и этнически однородное. Крайне скудные и разноречивые сообщения источников долгое время не позволяли внести должную ясность в чрезвычайно тёмный и запутанный исследователями вопрос об этническом составе ойратов XIII—XVI вв. Положение изменилось только в последние десятилетия прошлого века и в начале XXI в., когда были открыты и введены в научный оборот новые историколитературные памятники ойратов [Санчиров 2011; 2012; 2014; 2015а; 2015б].

При написании этих сочинений их авторы имели возможность использовать попавшие к ним устные предания и родословные ойратских ханов и нойонов, иначе они не сумели бы так достоверно рассказать о событиях за предшествующие 300–400 лет. Это даёт возможность описать происхождение, формирование и историю главных этнополитических объединений в составе ойратов XVII–XVIII вв.: хошутов, джунгаров, дэрбэтов, торгутов и хойтов. Как можно видеть, эти новые этнополитические образования начали выдвигаться со второй половины XV в., вытесняя на задний план остатки былой родоплеменной организации. Они поглотили и растворили в своём составе многие прежние родоплеменные группы средневековых ойратов, проявив себя как своеобразный этнообразующий фактор.

В послеюаньский период, во времена так называемой «гегемонии ойратов» в Монголии, в их состав вошли также некоторые племенные объединения восточных монголов. Об этом свидетельствуют данные наших источников о хошутах. Их знатная верхушка считалась принадлежавшей к монгольскому «Золотому роду» Борджигин, так как возводила своё происхождение к младшему брату Чингис-хана Хабуту-Хасару. Сообщается, что князь — родоначальник хошутов по имени *Öрöгmöмöр* (потомок Хасара) — откочевал к ойратам и поступил на службу к ойратскому правителю Тогону-тайши.

К этому же периоду относится и появление у ойратов нового крупного этнополитического объединения — торгутов. Недавно стала известна легенда о происхождении торгутов, которая входит составной частью в родословную торгутских ханов и князей. В ней сообщается, что предок торгутов, некто Ван-хан, откочевал на запад и там перешёл под власть ойрат-

ского Тогона-тайши. Встречающиеся в ойратских сочинениях объяснения происхождения названий этих объединений представляют собой типичные примеры народной этимологии, в которых отразились несомненные исторические факты.

Несмотря на чрезмерную краткость приводимых ойратскими авторами сообщений, большинство их все же можно считать достоверными, так как они подтверждаются сведениями из других источников. После проверки и сопоставления полученная информация может способствовать уточнению и дополнению источниковой базы исторических исследований.

Литература

- Санчиров В. П. Анонимное «Сказание о дурбен-ойратах» как исторический источник // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2011. № 1. С. 19–22.
- Санчиров В. П. Новые ойратские историко-литературные памятники второй половины XVIII–XIX вв. // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2015а. № 4. С. 16–20.
- Санчиров В. П. Новый источник на «ясном письме» по истории Джунгарского ханства (1635–1758) // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2014. № 2. С. 8–15.
- *Санчиров В. П.* О новом издании «Родословной торгутов» // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2012. № 2. С. 85–89.
- Санчиров В. П. Об ойратском историческом сочинении «История о том, как управляли государством владыки Чингиса и поддерживали ханское правление» // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2015б. № 2. С. 8–13.

ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОФСОЮЗА РАБОТНИКОВ ЗЕМЛИ И ЛЕСА (РАБЗЕМЛЕС) (на материале Калмыкии, 1920–1928 гг.)

Е. В. Сартикова

Современные условия требуют поиска новых форм и методов работы профсоюзов для эффективного выполнения ими своих функций по обеспечению защиты интересов работников. Это актуально как для федеральных, так и региональных органов российских профсоюзов. Целью работы является анализ истории создания и деятельности профсоюза работников земли и леса в 1920–1928 гг. Основным источником для написания работы послужили архивные материалы Национального архива Республики Калмыкия. При подготовке исследования применялся метод анализа, с помо-

щью которого удалось изучить различные формы и методы деятельности профсоюза работников земли и леса в 1920–1928 гг.

Анализ исторической литературы показывает, что в освещении многих проблем истории профсоюзного движения в масштабе всей страны были достигнуты значительные успехи. В историографии Калмыкии определённый материал о деятельности профсоюзов Калмыкии содержится в исследованиях К. Н. Максимова [2013] и Е. Н. Бадмаевой [2011; 2014а; 2014б]. Деятельность профсоюзов региона (кроме периода 1960-х гг.) ещё не стала предметом специального исследования. Обращение к историческому прошлому профсоюзов позволит критически осмыслить имеющийся опыт, избежать ошибок в настоящем и будущем.

Первый этап профсоюзного движения в Калмыкии охватывает период с 1920 по 1928 гг. В Калмыцкой области профсоюзные организации возникли в 1920 г. в Малодербетовском улусе. Первое объединение батраков и служащих носило название «Волжского Секретариата профсоюзов», которому удалось организовать 4 отделения союзов: советских служащих, работников просвещения, медицинских работников, работников земли и леса [Сартикова 2014: 23]. Значительное место в системе профсоюзного движения занимал профсоюз сельскохозяйственного и лесного производства — Рабземлес. Профсоюз работников сельскохозяйственного производства был организован в 1920 г. [НАРК. Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 142. Л. 113] с целью проведения идей партии большевиков в деревне, улучшения условий жизни сельского населения, активизации деятельности деревенской бедноты и батрачества. Организация профсоюза осложнялась особенностями Калмобласти: мешала дисперсность проживания сельского населения по широкой степи, плохие средства передвижения, феодальнородовые отношения, низкий образовательный уровень крестьянских масс. К концу 1924 г. Облотдел объединял 4 улуссекции, 8 аймсекретариатов, 4 волсекретариата и 1 местком. Общее количество учтённого батрачества по области было выявлено до 4 303 чел., из них членов Союза — 345 чел. Кроме того, из общего вышеуказанного числа учтённых работающих по найму, но не вовлечённых в союз — 552 чел., безработных — 3 406 чел. [НАРК. Л. 114]. Состав Правления Облотдела состоял из Председателя Михайловского и членов Кромского, Каменского, Покровского и Вавилина [НАРК. Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 142. Л. 14].

Вопрос охраны труда, а также регулирования зарплаты наёмных рабочих занимал самое серьёзное место в работе профсоюза. По заключённым тарифным соглашениям, ставка для первого разряда технических работников при 17 разрядной сетке с соотношением 1 к 8 была установлена в 10 руб. Так, например, взрослый мужчина-батрак получал от 12 до 15 руб.

в месяц, подросток пастух от 3 до 7 руб., женщины-батрачки от 2 до 5 руб. [НАРК. Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 142. Л. 115].

Культурно-просветительная работа протекала слабо, несмотря на то, что этот вопрос имел колоссальное значение для союза. Среди членов союза и среди учтённого батрачества по Области процент безграмотности доходил до 75 %. Облотдел в первую очередь приступил к ликвидации неграмотности среди членов союза. Открывались школы, в которых ликвидировалась неграмотность. Облотдел союза также принимал все меры по созданию при улусных секциях библиотек, снабдив их соответствующей литературой по профдвижению. Выписывались газета «Батрак», а также журнал работника земли и леса. Проведённый в 1924 г. первый съезд союза Рабземлеса внёс ещё большее оживление в работе союза и количество его членов стало значительно расти. К середине 1927 г. профсоюз работников земли и леса насчитывал в своих рядах 1 298 чел., являясь надёжным защитником интересов батрачества Калмыцкой степи.

Подводя общий итог проделанной работы, необходимо констатировать несомненный факт того, что в организационной области была проделана громадная работа и заложен прочный фундамент профсоюзной работы среди батрачества области.

Источники

НАРК — Национальный архив Республики Калмыкия. Ф. Р-13.

Литература

- *Бадмаева Е. Н.* Индустриальное развитие Калмыкии 1920–1930-х гг.: особенности и результаты // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2014а. № 3. С. 23–29.
- Бадмаева Е. Н. Нижнее Поволжье: опыт и итоги реализации государственной политики в социально-экономической сфере (1921–1933 гг.): автореф. дис. ... докт. ист. наук. Астрахань, 2011. 39 с.
- *Бадмаева Е. Н.* Социально-культурная модернизация в Калмыкии в 1920–1930-е гг. // Монголоведение. 2014б. № 7. С. 134–144.
- Максимов К. Н. Генезис национальной государственности в составе России // Участие калмыков в укреплении российской государственности. Мат-лы регион. науч.-практ. конф., посвящ. 1150-летию российской государственности и Году российской истории. Элиста: КИГИ РАН, 2012. С. 5–11.
- Максимов К. Н. Калмыкия в советскую эпоху: политика и реалии. Элиста: Изд. дом «Герел», 2013. 464 с.
- Максимов К. Н. Парадоксы советской политики национально-государственного строительства // Национальная политика и модернизация системы управления на юге России: исторический опыт и современные вызовы: мат-лы

Всерос. науч. конф. (Ростов-на-Дону, 27–28 сентября 2012 г.) / отв. ред.: Г. Г. Матишов. Ростов н/Д: ЮНЦ РАН, 2012. С. 226–233.

Сартикова Е. В. Становление и развитие профсоюза работников просвещения в Калмыкии: 1921–1928 гг. // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2014. С. 23–26.

СОСТОЯНИЕ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ г. ЭЛИСТЫ ПОСЛЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКОЙ ОККУПАЦИИ

3. Г. Согданова

Целью данного доклада является рассмотрение ущерба, нанесённого материальной базе в сфере образования в г. Элисте Калмыцкой Автономной Союзной Социалистической Республики в период немецкофашистской оккупации. Различные аспекты проблемы оккупационных территорий в годы Великой Отечественной войне рассматривались в работах учёных Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН [Максимов 2012; 2014а; 20146; 2014в; Сартикова 2012; Лиджиева 2014].

В 20–30-е гг. XX в. в Советском Союзе, в том числе и в Калмыкии, сложилась система школьного образования, достижения которой общепризнанны. Процесс создания государственной советской школы сопровождался возникновением препятствий как объективного, так и субъективного характера. Вместе с тем именно эти годы характеризуются расширением школьного строительства, развитием системы образования. В 1940 г., к двадцатой годовщине автономии Калмыкии в республике было 302 школы, или почти в 9,5 раза больше, чем в 1920 г. Из них 70 семилетних и средних школ. Формы и методы работы школ совершенствовались, росла численность учащихся, повышалась их успеваемость, улучшилось обеспечение школ учебниками на родном языке, развернулась работа по подготовке учительских кадров, было положено начало преподаванию в школе родного языка [цит. по: Сартикова 2008: 157].

Государство выделяло значительные средства на школьное строительство. В 1938–1941 гг. за счёт государственных ассигнований было построено более 30 новых типовых зданий семилетних и средних школ, которые имели, как правило, хорошо оборудованные учебные кабинеты по физике, химии и другим предметам. Это позволило улучшить учебновоспитательную работу, готовить учащихся к самостоятельному труду [Очерки истории КАССР 1970: 245].

В середине 1930-х гг. шло интенсивное строительство школьных и интернатных зданий. Так, в 1935 г. в Элисте было построено здание средней школы № 1, в 1936 г. — здание семилетней школы № 1, в 1937 г. — здание средней школы № 2, в 1938 г. — средней школы № 3, в 1939 г. — средней школы № 4 и в 1940 г. — здание средней школы № 5.

В 5 начальных школах обучалось 386 детей, в одной неполной средней школе — 746 детей, в четырёх средних полных школах — 2 413. Всего насчитывалось 10 школ с 3 545 учениками и 110 учителями. На строительство этих школ было затрачено 3 650 000 руб. Все эти школы, построенные в современном для того времени архитектурном стиле и оснащённые новым для того времени оборудованием, вполне удовлетворяли основным требованиям учебно-воспитательной работы с подрастающим поколением.

Таким образом, к 1940 г. в Элисте были в основном созданы необходимые условия для получения детьми семилетнего и среднего образования. Были созданы необходимые условия и для подготовки педагогических кадров для школ республики и столицы, причём особое внимание было обращено на подготовку учителей калмыков.

В 1919—1920 учебном году Калмыцкий отдел народного образования организовал краткосрочные педагогические курсы для подготовки учителей школ 1-й ступени. На базе педагогических курсов 26 октября 1920 г. открылись постоянные курсы, которые должны были системно готовить учителей школы 1-й ступени. Одновременно приказом по отделу народного образования Калмыцкой области были организованы в Астрахани двухгодичные курсы. 1 июля 1921 г. курсы были преобразованы в 3-хгодичные. Постепенно накапливался опыт по организации деятельности курсов, на основе которых в 1923 г. был создан Калмыцкий педагогический техникум. Его программа была рассчитана на 4-хгодичный срок обучения. Педагогический техникум готовил квалифицированных учителей начальных школ [цит. по: Максимов 2009: 397].

Здание педагогического училища было построено в Элисте ещё в 1928 г., но в связи с острой нехваткой помещений в нем до 1933 г. размещались руководящие областные учреждения и организации, а до 1937 г. — различные школы города. С 1937 г. в этом здании начали учебную работу 250 будущих учителей начальной школы.

Работавший в Элисте педагогический рабфак успешно выполнял задачу подготовки молодёжи в педагогический институт. Он имел свой учебный корпус, общежитие и другие служебные помещения. С 1 сентября 1939 г. в Элисте начал работу первый вуз Калмыкии — Калмыцкий педагогический институт, который до этого некоторое время размещался в г. Астрахани.

К 1941 г. все семилетние и средние школы Элисты были укомплектованы молодыми учителями с высшим и средним образованием. Естественно, это принесло значительные успехи в учебно-воспитательной работе школ нашего города.

В связи с началом Великой Отечественной войны потребовалась перестройка всех сфер жизни страны на военный лад. С первых же дней перед школой был поставлен ряд задач: усилить идейно-политическое воспитание учащихся, улучшить общеобразовательную и военно-физическую подготовку школьников, организовать помощь колхозам и совхозам в уборке урожая, развитии животноводства, обеспечить полный охват обучением детей школьного возраста.

V пленум Калмыцкого обкома ВКП(б) постановил: обеспечить полный охват обучением всех детей, отсеявшихся в течение первого полугодия 1940–1941 учебного года, и обеспечить повседневный контроль над осуществлением закона о всеобуче и семилетнем образовании; обязать Наркомпрос организовать систематическую работу по повышению квалификации учителей [Максимов 2009: 401–403].

До временной оккупации в Калмыцкой АССР насчитывалось 225 начальных, 44 неполных средних и 27 средних школ, в которых обу-920 учителей 39 784 детей, работали 560 учителей предметников. 12 августа 1942 г. между 7 и 8 часами фашисты силой до моторизованного полка и 40 танков вошли в Элисту. 14 августа 1942 г. прибыло командование 111-й и 370-й пехотной дивизий, основные их подразделения, имея с собой уже готовую военную комендатуру во главе с гауптштурмфюрером СС Мауэром. 15 августа жители Элисты были собраны на собрание, где Мауэр объявил об упразднении советской власти и её государственных учреждений, зачитал приказ об установлении «нового порядка» и о формировании местных органов управления. Присутствующим он сообщил о том, что главой города назначен В. Ф. Биленко, начальником полиции — Курахтонов, его заместителем — Савельев. Последние уже 17 августа приступили к комплектованию полиции [цит. по: Максимов 2007: 111].

Таким образом, по данным разведки 28-й армии, на 18 августа 1942 г. в Элисте противник располагал почти двумя полками пехоты, 12—18 крупными танками и несколькими танкетками и 40 бронемашинами [цит. по: Максимов 2007: 160].

Так, на оккупированных территориях были разрушены и закрыты 118 начальных школ на 5 803 учащихся 5–7 классов; 17 средних школ на 1 046 учащихся 8–10 классов, 3 детдома на 280 воспитанников,13 детсадов на 325 детей, 21 библиотека, 8 Домов культуры, 72 избы-читальни, музей,

республиканская библиотека. Рассмотрим причинённый ущерб материальной базе в сфере образования г. Элисте КАССР в период временной оккупации и во время отступления немецко-фашистской армии. Об этом свидетельствуют Акты о разрушениях и ущербе, причинённом немецкофашистскими захватчиками за время оккупации в г. Элисте Калмыцкого народного комиссариата Просвещения КАССР.

10 января 1943 г. в г. Элисте комиссия в составе Наркома Просвещения КАССР Н. Ш. Ташнинова, ст. инспектора наркомпроса И. Г. Шнырева, главного бухгалтера Н. Ф. Годяева от ГОРОНО Никитиной, от школ учителя Соловьёва и Мадиевская, директор дома пионеров И. Г. Жаворонкин составили настоящий акт ущерба, причинённого немецко-фашистскими войсками за время оккупации г. Элисты по линии Народного Образования.

Таким образом, общий ущерб, причинённый немецко-фашистскими войсками в сфере образования, составил 7 584 500 руб. Выли взорваны и сожжены здания всех семилетних и средних школ города. Это варварское уничтожение всех школ Элисты надолго нарушило нормальную работу школ города, восстановление которых началось сразу же после освобождения нашей столицы от фашистских захватчиков и закончилось лишь после возвращения калмыцкого народа в родные края в 1957 г.

Источники

НАРК — Национальный архив Республики Калмыкия

Литература

- Лиджиева И. В. Местные Советы Калмыцкой АССР в годы Великой Отечественной войны // Боевые действия на территории Калмыкии в период Великой Отечественной войны: неизвестные страницы и новые подходы. Сб. науч. ст. Элиста: КИГИ РАН, 2014. С. 181–195.
- Максимов К. Н. Анализ историографии потерь населения СССР в новейшей интерпретации // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2013. Т. 6. № 5 (31). С. 144–151.
- *Максимов К. Н.* Великая Отечественная война: Калмыкия и калмыки. М.: Наука, 2007. 374 с.
- Максимов К. Н. Восстановление экономики после эвакуации // Боевые действия на территории Калмыкии в период Великой Отечественной войны: неизвестные страницы и новые подходы. Сб. науч. ст. Элиста: КИГИ РАН, 2014в. С. 151–180.
- Максимов К. Н. Вторжение немецких войск в Калмыкию и оккупация части её территории // Боевые действия на территории Калмыкии в период Вели-

_

² Данные подсчитаны автором.

- кой Отечественной войны: неизвестные страницы и новые подходы. Сб. науч. ст. Элиста: КИГИ РАН, 2014а. С. 151–180.
- Максимов К. Н. Калмыкия в годы форсированного строительства социализма // История Калмыкии с древнейших времён до наших дней: в 3 тт. Т. 2. Элиста: Изд. дом «Герел», 2009. С. 363–405.
- *Максимов К. Н.* Установление оккупационного режима нацистов в Калмыкии (август декабрь 1942 г.) // Российская история. 2012. № 1. С. 116–130.
- Максимов К. Н. Установление оккупационного режима нацистов в Калмыкии // Боевые действия на территории Калмыкии в период Великой Отечественной войны: неизвестные страницы и новые подходы. Сб. науч. ст. Элиста: КИГИ РАН, 2014б. С. 84–123.
- Очерки истории КАССР. Эпоха социализма. М.: Наука, 1970. 432 с.
- Сартикова Е. В. Государственная политика в сфере школьного образования в Калмыкии в XX веке: компаративный анализ и оценка: дисс. ... докт. ист. наук. Волгоградский государственный университет, 2012. 475 с.
- *Сартикова Е. В.* Развитие школьного образования в Калмыкии в XX веке / отв. ред. К. Н. Максимов. Элиста: НПП «Джангар», 2008. 407 с.

О НОГАЙСКОМ ПОСОЛЬСТВЕ К КАЛМЫКАМ 1625 г.

В. Т. Тепкеев

Начальный период истории калмыцко-ногайских взаимоотношений³ во многом до сих пор остаётся малоизученным в историографии из-за недостатка источников. В данной работе на основе уже известных публикаций и недавно обнаруженных архивных материалов автор подробно рассматривает отношения двух кочевых народов в начале XVII в., в своё время серьёзно изменивших политическую расстановку в Северном Прикаспии и соседних регионах.

В начале XVII в. восточные границы Большой Ногайской Орды пролегали в районе Эмбы. Движение калмыков в яицком направлении не встретило сильного сопротивления. Первоначально они представляли собой всего лишь небольшие разведывательные отряды, которые искали пути для возможной миграции на запад в случае неудачных военных действий на восточном направлении. Другой причиной, заставившей калмыков устремиться в западном направлении, было и то, что вследствие больших снегов скот не находил себе подножного корма и практически весь вымер [Тепкеев 2014: 17]. Действительно, осенью 1615 г. и зимой 1615–1616 г. в

³ Имеются работы по данной проблематике только в аспекте описания тюркоязычных этнических групп [Очиров 2008а; 2008б].

регионе наблюдались сильные заморозки, и, как отмечали очевидцы, «многие с стужи помирают и лошади падут» [Санчиров 2011: 77].

Наступление войск монгольского Алтын-хана вынуждало тайшей не только поддерживать мирные отношения с Московским государством, но и искать жизненное пространство в западном направлении, особенно в случае возможного поражения и отступления. В мае 1622 г. ногаец Ишбердей сообщил в Астрахани, что в районе развалин городка Сарайчика на Яике объявился отряд в 800 калмыков под началом Ишима, сына Кучума, и хошутского тайши Тлеченбая — брата Байбагаса. Они разгромили кочевавших здесь татар-тумаков. Сам Ишбердей в числе 32 чел. был взят в плен, но через 3 дня ему удалось сбежать, объявился он в улусе Каная. Калмыки перешли в Волго-Яицкое междуречье и кочевали в урочище Насыр Хабырге. Главной целью Тлеченбая и Ишима были алтыульские татары мирзы Султаная, но, узнав, что те приняли царское подданство и кочуют под защитой Астрахани, они отменили свой набег и ушли за Яик, на урочище Кайнар Сагызу. Астраханские власти так и не решились отправить посланцев к калмыкам, тем более, что они быстро исчезли из зоны видимости [Тепкеев 2014: 17, 18].

Действия калмыков вызвали такую волну паники у ногайских мирз, что для их успокоения царской администрации пришлось расставить в улусах стрелецкую охрану. Подобные свои действия в степях Северного Прикаспия калмыки считали оправданными, поскольку этот регион представлялся им вполне безопасным, так как находился на весьма отдалённом расстоянии от неприятельских сил.

В сентябре 1625 г. ногайский бий Канай сообщал в Астрахани, что был инициатором отправки Алей-мирзы к калмыцким тайшам. Подобная самостоятельность ногайского князя не вызвала одобрения у астраханских властей, и ему впредь было запрещено без ведома администрации контактировать с калмыками. Канай же попытался договориться с тайшами, предложив им заключить мирное соглашение и установить торговые отношения. Дорога в калмыцкие улусы, располагавшиеся в это время на Иртыше, заняла у Алея около 14 недель, а пробыл он там в общей сложности 2 месяца. Согласно данным Алея, «начальными людьми» у калмыков были хошутский Чокур, дербетский Далай-Батур, торгутский Мерген-Темене и Батур. Тайши довольно приветливо встретили мирзу, который, по указанию Каная, предлагал, чтобы они «со всеми калмыцкими людьми были под... царского величества высокою рукою в прямом холопстве навеки неотступны». Калмыцкие владельцы подтвердили своё желание поддерживать с Канаем мирные отношения и выразили желание отправить в Астрахань на продажу 3 тыс. лошадей. С городами Московского государства тайши поддерживали мирные отношения, например, Алей был свидетелем возвращения из Уфы 40 калмыцких посланцев, успешно там продавших лошадей. Калмыки также помирились с Казахской ордой, а с ургенцами и бухарцами находились в состоянии перманентного мира. Хивинский хан Исфендиар прислал к тайшам своих послов с предложением выкупить своих людей, захваченных калмыками в ходе их набега на Ургенч весной 1625 г. [Тепкеев 2014: 55].

Калмыцкая сторона была заинтересована в договорённостях с ногаями, чтобы обеспечить безопасность своих кочевий на юго-западном участке. Но единственным из тайшей, кто вступил в непосредственные переговоры с ногайской стороной, был Батур. Он подарил Алею 3 калмыцких коня, а вместе с ним к Канаю отправил своего посланца Алатая, послав «в поминках» одного коня. Канай подарок принял и уже с калмыцким представителем отправил к тайшам Кулука. В ноябре 1625 г. Кулук благополучно вернулся с новым калмыцким посольством и заверением калмыцкой стороны в мирных намерениях. В непосредственной близости к ногайским кочевьям калмыцкие улусы располагались на урочищах Иргиз и Сауке, в 25 днях пути от Астрахани. Й, несмотря на заключение мирного договора между калмыцким посланцем и Канаем, вскоре 700 улусных людей под командой Тордугала из ногайского клана Тинмаметевых угнали лошадей из близлежащих калмыцких улусов. Спустя месяц в повторный набег направились люди Хан-мирзы Тинмаметева. Все это обеспокоило русские власти, так как из-за ответных действий калмыков могло начаться массовое бегство ногаев на правый берег Волги. Правительство строго предупредило мирз, чтобы они своими необдуманными действиями не раздражали калмыков, а инициатора угона калмыцких лошадей посадили в тюрьму [Тепкеев 2015: 1661.

Как видно из свидетельств мирз, первыми мирное соглашение всё-таки нарушила ногайская сторона. Ради справедливости отметим, что клан Тинмаметевых не имел договорённостей с калмыцкой стороной. Но именно их действия подорвали в целом доверие тайшей к мирзам, и впоследствии они негативно отразились в дальнейшем на развитие калмыцконогайских отношений. Вспыхнувшая в 1625 г. междоусобная война среди калмыков вызвала новую волну миграции части калмыцких улусов в западном направлении. Военные неудачи, как правило, сопровождавшиеся значительными потерями скота и имущества, побуждали кочевников искать новые возможности поживиться за счёт более слабого соседа.

Литература

- Очиров У. Б. Динамика численности народонаселения и этнический состав улусов Калмыцкого ханства // Калмыкия в многонациональной России: опыт четырёх столетий. Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2008б. С. 108–124.
- Очиров У. Б. Тюркоязычные этнические группы в составе Калмыцкого ханства (XVII–XVIII вв.) // Вестник Института комплексных исследований аридных территорий. 2008а. № 2. С. 98–102.
- Санчиров В. П. К изучению топонимики ойратов и калмыков (XVII–XVIII вв.) // Новый исторический вестник. М., 2011. № 29. С. 67–73.
- Тепкеев В. Т. Калмыки в Северном Прикаспии во второй трети XVII века: проблемы политических взаимоотношений. Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2014. 448 с.
- Тепкеев В. Т. Калмыцко-ногайские отношения в начале XVII в. // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2014. № 2. С. 16—21.
- Тепкеев В. Т. Ойраты в начале в XVII века. Элиста: КИГИ РАН, 2015. 198 с.

52

БУДДИЙСКАЯ КОЛЛЕКЦИЯ МУЗЕЯ КИГИ РАН: КОНЦЕПТ ТРАДИЦИИ В МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОМ АСПЕКТЕ ИЗУЧЕНИЯ

С. Г. Батырева

Изобразительное искусство буддизма как часть культурного наследия Калмыкии представлено в постоянной экспозиции Музея им. Зая-пандиты Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. Постановка и решение проблемы искусства в системе традиционной культуры предполагает культурологический анализ художественной традиции. Последнее возможно в междисциплинарном аспекте изучения изобразительного искусства буддизма, рассматриваемого в качестве наследия [Батырева 2013: 382–389]. Предметом исследования являются произведения живописи и скульптуры, представленные в буддийской коллекции из собрания Музея им. Зая-пандиты. Задачей ставится выявление традиции, обуславливающей локальную выразительность иконографии буддизма. Специфика средств воспроизведения канона может служить основанием в атрибуции произведений живописи и скульптуры Калмыкии. Это позволит вплотную подойти к обоснованию этнической школы искусства северного буддизма.

Основополагающим в решении этой фундаментальной проблемы в сфере калмыцкого искусствознания мы видим концепт традиции как связующего звена искусства и культуры. Это наглядно представлено в опыте авторской реконструкции калмыцкой традиционной культуры. В музее КИГИ РАН создана постоянная экспозиция, собравшая предметы культа и произведения изобразительного искусства [Батырева 2015: 54–59]. Буддийская коллекция отражена в специфике музейной публикации, реализованной в подходах и особенностях экспонирования культурного наследия Калмыкии. Музейными средствами структурированы время и пространство традиционной культуры [Бакаева 2003: 144], что предоставляет возможность анализа художественной традиции изобразительного искусства.

В культурологической концепции искусства буддизма, наглядно проецируемой произведениями музейной коллекции, создан разнообразный предметный ряд экспозиции. Выразительными средствами иконописи и скульптуры воссоздана знаковая картина мироздания. Иконография произведений конца XIX — начала XX вв., сохраняя мифопоэтический архетип традиции, воспроизводят согласно канону вертикальную структуру образа Вселенной [Батырева и др. 2015: 345–356]. В синтезе пластических искусств представлен иерархический ряд персонажей, выстроенный в плоскостной и объёмной выразительности алтарной композиции. Многооб-

разный пантеон учения воспроизводит буддийскую модель мира как духовное средоточие бытия калмыцкого этноса.

В структурно-функциональном анализе произведений, иллюстрирующих положения учения, особую важность имеют исследования в области тибетской иконографии, принципиально значимой в восприятии буддийского искусства монгольских народов [Бакаева 2015]. Не менее важным является опыт научной каталогизации музейных коллекций и систематизации пантеона северного буддизма в трудах отечественных и зарубежных исследователей [Огнева 1979: 117–124; Герасимова 1971: 102; Грюнведель 1905: 15; Terentyev 1981–2004; Gordon 1952: 11–13].

Искусство позволяет установить закономерности исторического процесса в анализе и реконструкции художественного образа, сформированного этноинтегрирующими и этнодифференцирующими функциями традиции, осуществляющей преемственность в развитии культуры. Изобразительное искусство буддизма, выполняя миссию «самосознания культуры», проецирует антропоморфную модель мира. В анализе образов буддийской коллекции убеждаемся: культура и искусство взаимообусловлены в историческом развитии, связующим звеном в преемственности культурного наследия является традиция. В художественно-образной форме экспонатов, составляющих духовную сферу бытия народа, воплощён культурный смысл его творческого потенциала. Бытие традиционной культуры осуществляется через механизм «социального наследования» из поколения в поколение. Накапливаемый этносом опыт выделяется в самостоятельное предметное существование искусства, в котором концентрируются знания, духовные и эстетические ценности, умения, определяемые традицией. В изучении буддийского искусства необходим многоаспектный анализ художественной традиции, объединяющей искусство и культуру в понятии культурное наследие. Оно требует комплексного изучения, сочетающего в междисциплинарном направлении приёмы искусствознания с подходами других научных дисциплин — истории, этнокультурологии, социологии и философии.

Литература

Gordon A. Tibetan religuos art. New York: Columbia Univ. Press, 1952. 104 p.

Terentyev A. Buddhist Iconography Udentification Guide. St. Peterburg: Narthang Publishers, 1981–2004. 302 p.

Бакаева Э. П. Категории Пространства и Времени в культуре калмыков: маркеры // V конгресс этнографов и антропологов России (Омск, 9–12 июня 2003 г.): Тезисы докладов. М., 2003. С. 144.

Бакаева Э. П. Этническая специфика образа божества Белый старец у ойратов Монголии и калмыков России и современные тенденции в иконографии

- монгольского буддизма (по материалам полевой экспедиции по Убсунурскому аймаку Монголии) // Проблемы этнической истории и культуры тюрко-монгольских народов. Сб. науч. трудов. Вып. 3. Элиста: КИГИ РАН, 2015. С. 43–78.
- Батырева К. П., Батырева С. Г. Этническая картина мира как культурное наследие калмыков // Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия: сборник научных статей / отв. ред. И. И. Горлова. Геленджик, 2015. С. 345–356.
- Батырева С. Г. Калмыцкое изобразительное искусство XIX начала XX вв. Из опыта историко-культурной реконструкции традиции // Буддизм Ваджраяны в России: исторический дискурс и сопредельные культуры / отв. ред. Е. В. Леонтьева; сост. В. М. Дронова. М., 2013. С. 382–389.
- Батырева С. Г. Экспозиционные основы музейной деятельности: от мемориального кабинета к концепции музея традиционной культуры КИГИ РАН // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2015. № 1. С. 54–59.
- Герасимова К. М. Памятники эстетической мысли Востока. Тибетский канон пропорций. Трактаты по иконометрии и композиции. Амдо, XVIII в. АН СССР. СО Бур. филиал БИОН. Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1971. 301 с.
- *Грюнведель А.* Обзор собрания предметов ламайского культа кн. Э. Э. Ухтомского. СПб., 1905. 138 с.
- Огнева Е. Д. Тибетский средневековый трактат по теории изобразительного искусства: (о трактате Цзонхавы Лобзан-дракпы «Восприятие видимого») // Народы Азии и Африки. М.,1979. № 1. С.103–112.

ИНСТИТУТ ЛЕВИРАТА У КАЛМЫКОВ В XIX В.

В. В. Батыров

Левиратные браки применялись многими народами Евразии и Америки в древности и применяются по настоящее время. Левират (от лат. levir — деверь, брат мужа) — это одна из форм брака, по которой вдова была обязана или имела право вступить вторично в брак с ближайшими родственниками своего умершего мужа, в первую очередь — с его братьями. Институт левирата позволял оставить женщину в роду её покойного мужа, сохранить за родом её имущество и фертильный потенциал. Известный исследователь семьи и брака у калмыков Д. Шалхаков указывал, что сохранение института левирата у калмыков в XIX — начале XX вв. было «следствием правовых норм патриархально-родового быта, устойчивости

его обычаев и традиций, следствием экономических отношений внутри семейно-родственных групп» [Шалхаков 1982: 25].

Женщины, выходя замуж, переходили в локальную группу мужа, поэтому у калмыков даже замужняя дочь хозяина считается посторонней, и она ни в коем случае не может умереть в кибитке своих близких (по отцовскому роду). Надо отметить, что в отечественной исторической литературе институт левирата у калмыков до настоящего времени является не до конца исследованным явлением. Долгое время общепризнанным считалось, что левират — это «архаизм» и «пережиток» патриархальнородового строя, который не имел большого распространения в истории семьи и брака у калмыков в XIX в. Случаи левиратных браков упоминались как довольно редкие, без анализа их происхождения и механизмов функционирования в обществе [Эрдниев 1985; Шалхаков 1982; Батмаев 2008; Шараева 2011; Омакаева 2014].

Более подробно функционирование левиратного брака в XIX в. можно проследить в материалах различных судебных решений. Так, в 1837 г. калмыцкий суд Зарго решал вопрос, кому управлять аймаком Гурбуг-Зур, оставшимся после смерти Эркетеневского зайсанга Церен-Убуши Мазанова. Данное дело послужило причиной довольно детального рассмотрения в Совете калмыцкого управления о законности браков в случаях «замужества вдов за кого-либо из родственников умершего мужа» [НАРК. Ф. 42. Оп. 1. Д. 29. Л. 1].

Имея противоречивые сведения о законности левиратных браков, Совет калмыцкого управления 18 июня 1843 г. обратился в Ламайское духовное правление с просьбой «уведомить Совет о порядке перехода вдовствующих женщин за родственников их мужей, и сообразны ли отзывы владельцев Тюменева, Тундутова и Правителя Багацохуровскаго улуса с правилами ламайскаго исповедания, обычаями и обрядами калмыков», а также о том, «точно ли при сочетании браком людей значительных на вдовах их родственников, точно ли нужно согласие общества улуснаго и родственников? И если то действительно нужно, то могут ли быть признаны законными браки не сохранившие сих условий?» [НАРК. Ф. 42. Оп. 1. Д. 29. Л. 3об.].

26 июня 1843 г. Астраханское Ламайское духовное правление отправило ответное письмо в Совет калмыцкого управления, в котором уведомляло:

57

⁴ Ламайское духовное правление, административный орган по вопросам управления духовной деятельностью калмыков, находился в г. Астрахани (1836–1848 гг.).

- 1. «По древним Калмыцким обычаям, и ныне существующих младшие братья по смерти старших братьев имеют полное право брать за себя в замужество вдовых снох своих, хотя бы и сверх желания их; Это право дозволяет и родственникам мужей их как то: дядьям, племянникам и деверям мужеска колена, но только с согласия вдовствующих женщин. Старшим же братьям после смерти меньших братьев иметь в супружестве младших снох своих, мужеска колена, ни каким правом не дозволяется».
- 2. «При сочетании браком, людей значительных, на вдовах их родственников, испрашивает согласия улуснаго общества и родственников добрая воля самих вступателей в браки, хотя бы и не сохранены были условии с родственниками и обществом признаются законными и, принимаются в Ламайском исповедании за действительныя брачныя союзы».
- 3. «Отзыва, по сему предмету Хошоутовскаго владельца Полковника князя Тюменева, Малодербетовскаго владельца капитана Тундутова и Правителей Багацохуровскаго улуса, о порядке бракосочетания и перехода в замужество вдовых жён за родственников мужеска колена Ламайское духовное правление находит сообразными с правилами Ламайскаго исповедания, обычаям и обрядам Калмыков» [НАРК. Ф. 42. Оп. 1. Д. 29. Л. 7–8].

Следует отметить, что разбирательство по вопросу о законности рождения Цеде Манжи, сына Тугуджи Ончикова, позволило определить основные условия левиратного брака у калмыков в XIX в. Так, по калмыцким обычаям младшие братья имели право брать в замужество своих овдовевших снох после смерти старших братьев даже против их желания [Шараева 2015: 143]. Это же право предоставлялось и другим родственникам мужа (дядьям, племянникам и деверям), но уже с предварительного согласия самих женщин. И, наконец, полностью запрещалось брать в замужество жён после смерти младших братьев старшим братьям.

Выявленные материалы по условиям функционирования левирата у калмыков приводят нас к мысли, что левиратный брак с древности являлся в основном привилегией знати, которая использовала его для решения своих экономических и политических целей. В этих условиях левиратный брак был всецело направлен на подавление центробежных процессов в Калмыцком ханстве. По калмыцкой традиции было принято делить свои улусы и аймаки между всеми сыновьями, но перманентное дробление наследства между многочисленными наследниками приводило к утрате материальных и людских ресурсов. Среди калмыков-простолюдинов левиратные браки были преимущественно формой экономического брака с целью не допустить дробления семейного хозяйства большой патриархаль-

ной семьи. В суровых условиях кочевого образа жизни калмыцкая семья могла легко растерять все своё материальное благополучие.

В начале XIX в. русское правительство произвело некоторые изменения в наследственном праве калмыков, введя в обиход кочевой знати понятие майората Положением об управлении калмыками 1834 г. Положение об управлении калмыцким народом запрещало дробить улусы или аймаки между наследниками, а предписывало передавать их старшему в роду. Фактически Положение 1834 г. привело к прекращению условий для дальнейшего функционирования левирата в среде калмыцкой аристократии. В конечном итоге это привело к тому, что случаи левиратных браков стали сохраняться только среди простых калмыков как средство сохранения своего хозяйства.

Источники

НАРК — Национальный архив Республики Калмыкия. Ф. 42. Оп. 1. Д. 29.

Литература

- *Батмаев М. М.* Семья и брак в традициях калмыков. Элиста: Изд. дом «Герел», 2008. 256 с.
- Омакаева Э. У., Борлыкова Б. Х. Благопожелание ерөөл/йөрэл: вербальный ритуал и текст в контексте свадебной обрядности ойратов Монголии и калмыков // Полевые исследования Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. Элиста, 2014. С. 37–48.
- *Шалхаков Д. Д.* Семья и брак у калмыков (XIX начало XX вв.). Историкоэтнографическое исследование. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1982. 86 с.
- *Шараева Т. Й.* Обряды жизненного цикла калмыков (XIX начало XXI вв.). Элиста: $H\Pi\Pi$ «Джангар», 2011.224 с.
- Шараева Т. И. Свадебный полог у тюрко-монгольских народов: ритуал, функции, семантика (сравнительно-сопоставительный аспект) // Проблемы этнической истории и культуры тюрко-монгольских народов. 2015. № 3. С. 141—164.
- Эрдниев У. Э. Калмыки: Историко-этнографические очерки. 3-е изд., перераб. и доп. Элиста: Калм. кн. изд-во. 1985. 282 с.

К ВОПРОСУ О ТРАНСФОРМАЦИИ РОДОВЫХ СИМВОЛОВ У КАЛМЫКОВ

Т. И. Шараева

Социально-исторические процессы за последние сто лет способствовали значительной утрате знаний о родовых маркерах у калмыков, однако в настоящее время интерес к ним возрос в связи с происходящими в совре-

менном калмыцком обществе процессами «возрождения» этнической культуры, вопросами, связанными с идентичностью, исследованиями этнической истории и этногенеза. Это нашло отражение в работах А. Г. Митирова [1998], Г. О. Авляева [2002], А. Н. Команджаева [1999], У. Б. Очирова [2008а; 2008б], Э. П. Бакаевой [2011; 2013], В. В. Батырова [2014], В. В. Батырова и др. [2014], Л. В. Намруевой [2011; 2012], Л. В. Оконовой [2014] и др.

Тавро — знак собственности, которым метили животных кочевые народы. У тюрко-монгольских народов значения «тавро», «клеймо», «печать» объединены термином «тамга». Сведения о калмыцких тамгах фрагментарны разрозненны. Рассматривая И калмышкие тамги. Г. О. Авляев подчёркивал, что типы калмыцких тамг, их наименования и семантический смысл очень разнообразны и заслуживают специального научного изучения. Это связано в первую очередь со сложной родовой структурой и этнической историей калмыков. Тамга как родовой маркер калмыков, наряду с ураном (родовым кличем), родовым божеством, родовой территорией, сакральными цветовыми маркерами олги и легендой рода, составляет своеобразный комплекс родовых маркеров, все элементы которого связаны между собой и базируются на родовой структуре, социальной организации и традиционном мировоззрении.

В традиционной форме калмыцкие тамги, отражавшие родовую структуру калмыков, использовались вплоть до начала XX в. Тамгой в качестве тавра чаще всего метили лошадей на лопатке или крупе, крупный рогатый скот — на рогах. Нанесённое таким образом тавро облегчало поиск скота в случае его потери или кражи. Крупный рогатый скот и овец метили также надрезами на ушах животных им, практика которых характерна для скотоводческих народов. Представители одного рода, но разных семей могли использовать различные варианты тамги, например, меняя угол рисунка или не обозначая какой-то элемент. Анализ сохранившихся традиционных типов тамг у калмыков позволяет высказать мнение, что разнообразие тамгообразных знаков и тамг указывает на их древнее происхождение, а одинаковое начертание в большинстве, лишь с небольшими дополнительными элементами, тамг, связанных с буддийской символикой, указывает на более позднее их происхождение.

С переходом на оседлость, затем с приходом советской власти, а вместе с ней нового типа хозяйствования (образования совхозов и колхозов) значение тамги как знака собственности стало уменьшаться. Длительное пребывание калмыков в восточных районах страны в результате насильственного переселения надолго прервало традицию нанесения родовых тамг на животных.

Начиная с конца 1990-х гг. на волне этнокультурного «возрождения» и возросшего интереса к родовым маркерам проблема изучения тамг вновь актуализировалась. В настоящее время отмечается тенденция возникновения тамг-«новоделов», когда берут за основу общие сведения о родовой тамге представителей старшего поколения и на их основе пытаются «восстановить» свою тамгу, или же, имея устное описание родовой тамги, полученное от старшего поколения, изготавливают в виде печати и хранят в архиве своей семьи. Если тамга рода известна, то она может выполнять функцию геральдического символа: неиспользование её в повседневной жизни в качестве тавра (изменение форм хозяйствования) привело к форме её сохранения как геральдического символа.

Также в настоящее время тамги как символы рода наделяются сакральной символикой с обережной функцией. Её изображение, нанесённое, например, на бумагу или металлическую поверхность, используют как символику рода на общеродовых праздниках, так называемых родовых молениях, проводимых ежегодно на родовом месте. После изображения тамги чаще всего хранят на алтаре как сакральный предмет, способствующий благополучию вообще и отдельно взятой семьи в частности, т. е. происходит трансформация статуса тамги: переход из родовой в семейную. Это указывает на то, что, несмотря на важность родовой принадлежности и сохранение знаний об этом, близкородственные отношения поддерживаются больше во втором и третьем поколении, так как в настоящее время более дальние родственники встречаются довольно редко, например только на свадьбе, проводах, поминках и т. д., что нашло также отражение в статусе тамг. Главное значение в данном случае имеет понятие «тамга предков» — предков, которые призваны оберегать своих потомков. Тамга как символ, связанный с повседневной жизнью калмыков многих поколений, может способствовать исследованию процессов социальных изменений на протяжении нескольких столетий.

В сознании представителей калмыцкого этноса тамги продолжают выполнять объединительную функцию внутри рода для всех его представителей, а также определительную и различительную функцию для представителей других родов. В современном калмыцком обществе тамга как полифункциональный символ, связанный и с геральдикой, и с сакральный сферой (символ с обережными функциями), имеет общеродовое и семейное значение.

Литература

Авляев Γ . O. Происхождение калмыцкого народа. Изд. 2-е, перераб. и исправл. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2002.

- Бакаева Э. П. Калмыки-цаатаны: к проблеме происхождения этнической группы и этимологии этнонима // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2011. № 2. С. 68–74.
- Бакаева Э. П. Об этнических группах калмыков и буддийских хурулах малодербетовского улуса калмыцкой степи астраханской губернии в конце XIX века // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2013. № 2 (10). С. 91–112.
- Батыров В. В. Очерки истории традиционной культуры калмыков последней трети XVIII— первой половины XIX вв. (По материалам фондов Национального архива Республики Калмыкия). Элиста, 2014.
- Батыров В. В., Лиджиева И. В., Оконова Л. В. Сословная структура калмыцкого общества в контексте государственной политики российской империи XIX в. // Известия Алтайского государственного университета. 2014. № 4–2 (84). С. 26–30.
- Команджаев А. Н. Хозяйство и социальные отношения в Калмыкии в конце XIX начале XX века: исторический опыт и современность. Элиста: Джангар, 1999.
- Максимов К. Н. Калмыкия в советскую эпоху: политика и реалии. Элиста, 2013.
- *Митиров А.* Γ . Ойраты-калмыки: века и поколения. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1998.
- Намруева Л. В. Молодёжные организации и проблемы сохранения этнической культуры (на примере Республики Калмыкия) // Устойчивое развитие: проблемы, концепции, модели. Материалы международного симпозиума, посвящённого 20-летию КБНЦ РАН. Том III. Нальчик: изд-во КБНЦ РАН, 2013. С. 195–197.
- Намруева Л. В. Молодёжь и возрождение этнической культуры в Калмыкии // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2012. № 4. С. 76–80.
- Намруева Л. В. Региональное телевидение как механизм этнической социализации (на примере Калмыкии) // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2011. № 2. С. 167–172.
- Очиров У. Б. Динамика численности народонаселения и этнический состав улусов Калмыцкого ханства // Калмыкия в многонациональной России: опыт четырёх столетий. Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2008б. С. 108–124.
- *Очиров У. Б.* Тюркоязычные этнические группы в составе Калмыцкого ханства (XVII–XVIII вв.) // Вестник Института комплексных исследований аридных территорий. 2008а. № 2. С. 98–102.

62

ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЯ В КАЛМЫЦКОМ ГЕРОИЧЕСКОМ ЭПОСЕ «ДЖАНГАР»

Н. Б. Бадгаев

В корпусе фольклорных текстов монгольских народов особое место занимает эпос «Джангар», который является базовым эпическим текстом ойратоязычных этносов, имеющим региональные и локальные версии [Отвакаеva 2014]. Лингвисты КИГИ РАН второй год работают над составлением Толкового словаря языка калмыцкого героического эпоса «Джангар», основные концептуальные положения которого изложены в ряде публикаций [Омакаева 2014; 2015].

В эпическом тексте цветовая гамма занимает особое место, что, конечно, не случайно. Лексика, номинирующая цвет, представлена в основном прилагательными [Бачаева 2015]. Сплошная выборка из эпоса слов-цветообозначений, прежде всего прилагательных, позволяет говорить о насыщенности эпического текста колоризмами и выявить наиболее употребительные из них.

Объектом исследования являются прилагательные, относящиеся к семантическому полю «цвет» и функционирующие в текстах героического эпоса «Джангар». Их выбор обусловлен частотным употреблением в эпическом цикле.

Отличительным признаком семантического поля цвета в любом языке является особое членение цветового континуума. Речь идёт об этнокультурной специфике лексики, объективирующей представления о цвете. Прежде всего важно определить набор базовых цветообозначений [Омакаева 2009а; 2009б], составляющих эпическую цветовую картину мира калмыков.

О значимости цветообозначений в поэтической системе эпоса свидетельствует и частотность их употребления. По данным Γ . Ц. Пюрбеева, в тексте эпоса «Джангара» преобладают слова с семантикой белого (*цаhан*), жёлтого (*шаp*), чёрного (*хаp*), синего (*көк*) и красного (*улан*) цветов [Пюрбеев 2015: 73]. Кроме основных пяти цветовых номинаций, также встречаются обозначения других цветов, например *бор* 'серый'.

Хотя колоративная лексика эпоса не раз привлекала внимание учёных с точки зрения частотности, их статистические данные несколько разнятся. Так, по данным Б. Х. Тодаевой, среди колоризмов в цикле Ээлян Овла доминируют обозначения жёлтого цвета [Тодаева 1976]. Другие исследователи [Очирова, Бачаева, Мулаева 2015: 143] дают иной результат: больше всего словоупотреблений у лексемы хар 'чёрный' (153), на втором месте

— *цаһан* 'белый' (92), на третьем — *шар* 'чёрный' (54). Замыкает цветовой ряд $\kappa \theta \kappa$ 'синий'.

Колоризм *улан*, обозначающий красный цвет, используется в цикле Ээлян Овла 42 раза. Коллокациям с лексемой *улан* 'красный' посвящена статья В. В. Кукановой и Э. У. Омакаевой [2011].

Данное цветообозначение довольно часто входит в состав эпических антропонимов (имён богатырей и кличек животных), а также активно употребляется в функции эпитета при описании внешности человека, растений и их частей. Так, любимого богатыря Джангара зовут Улан Хоңһр (Алый Хонгор). Приведём другие примеры из эпоса «Джангар», где фигурирует лексема улан: улан чирэ 'румяное лицо'; улан зандн 'красный сандал'.

Очень важен вопрос о вещных коннотациях цветообозначений, т. е. о связи с предметом-реалией, своего рода «эталоном» цвета. Модель описания семантики цветообозначений любого языка построена, как правило, на сходстве с прототипом: «...цвета...».

Цветообозначение *улан* часто встречается вместе с номинациями реалий и предметов, имплицитно содержащих сему цвета. Это позволяет охарактеризовать красный цвет как имеющий окраску одного из цветов радуги, цвет крови, огня, сандала.

Красный цвет сравнивается в эпосе с кровью и огнём. Употребление цветообозначения красный, усиленного лексемами кровь и огонь, глубоко символично. Образ крови очень значим в эпосе. Это символ жизни. На этой ассоциации основано такое устойчивое сравнение, как *цусн улан* 'красный, как кровь'. Кровь, как и огонь, является прототипом красного цвета. Огонь, пламя связаны с яркостью, солнцем: *hал улан шил* 'огненно-красное стекло'.

Проведённый нами анализ основных цветообозначений, встречающихся в «Джангаре» (цикл Ээлян Овла), показал, что специфика калмыцкой эпической цветовой картины мира заключается в том, что здесь доминируют ахроматические цвета (чёрный и белый), используемые для создания контрастной картины. При составлении словарной статьи колоризма в толковом словаре эпоса в семантической структуре цветообозначений необходимо чётко различать исходное (прямое) и производные (в т. ч. переносные) значения, унифицировать дефиниции, т. е. лексемы, входящие в одну микрогруппу (например, красного цвета) толковать через ядерное прилагательное улан.

Адекватное лексикографическое описание и семантическое толкование колоризмов возможны только с учётом знания символики цвета в эпической традиции калмыков.

Литература

- Omakaeva E. U. Regional versions of the heroic Jangar epic in Russia and China: problems of epic figurative and formulaic language study // Epic Jangar and Beyond. Urumchi, 2014. P. 228–231.
- Бачаева С. Е. Формулы-толкования цветообозначающих имён прилагательных (на материалах песен эпоса «Джангар») // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2015. № 1. С. 80–85.
- Куканова В. В., Омакаева Э. У. Фразеологические и онимические единицы с компонентом-цветообозначением улан в калмыцком языке в свете лингвокогнитивного подхода // Научная мысль Кавказа. 2011. № 1. Ч. 2 (65). С. 44—48.
- Омакаева Э. У. Основные проблемы составления толкового словаря языка эпического текста (на материале калмыцкого героического эпоса «Джангар») // XLIV Международная филологическая научная конференция. Тезисы докладов. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2015. С. 107–109.
- Омакаева Э.У. О проекте составления Словаря языка эпического текста: к постановке проблемы в ареальном и типологическом ракурсе (на материале калмыцкого героического эпоса «Джангар») // Кавказские языки: генетико-ареальные связи и типологические общности. IV Международная научная конференция (г. Махачкала, 19 июня 2014 г.). Махачкала, 2014. С. 140–142.
- Омакаева Э. У. Колоративный образ этнической культуры: лингвоцветовая картина мира и базовая хроматическая лексика в монгольских языках (к постановке проблемы) // Единая Калмыкия в единой России: через века в будущее. Мат-лы Междунар. науч. конф., посвящ. 400-летию добровольного вхождения калмыцкого народа в состав Российского государства (Элиста, 13–18 сентября 2009 г.). В 2 ч. Ч. 2. Элиста: ЗАОр «НПП "Джангар"», 2009а. С. 269–276.
- Омакаева Э. У. Цветовые представления калмыков сквозь призму типологии языков и типологии культур // Культурно-историческое взаимодействие русского языка и языков народов России. Мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. (9–12 ноября 2009 г.). Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2009б. С. 84–88.
- Очирова Н. Ч., Бачаева С. Е., Мулаева Н. М. Цикл песен эпоса «Джангар» в записи Ээлян Овла: опыт количественной обработки // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. № 4. 2014. С. 137–145.
- Пюрбеев. Г. Ц. Эпос «Джангар»: культура и язык = Жаңһр дуулвр: сойл болн келн. 2-е изд., перераб. (на русском и калмыцком языках). Элиста, 2015. 280 с.
- *Тодаева Б. Х.* Опыт лингвистического исследования эпоса «Джангар». Элиста: Калм. кн. изд-во, 1976. 530 с.

66

МИКРОСТРУКТУРА ТОЛКОВОГО СЛОВАРЯ ЯЗЫКА КАЛМЫЦКОГО ГЕРОИЧЕСКОГО ЭПОСА «ДЖАНГАР»

С. Е. Бачаева

Калмыцкий язык в последние десятилетия уже определённо относят к группе исчезающих языков, именно это обуславливает настоятельную необходимость компилирования (составления) толковых словарей. В Калмыцком институте гуманитарных исследований Российской академии наук продолжается работа по созданию Толкового словаря языка калмыцкого героического эпоса «Джангар»⁵. По данной теме опубликован ряд статей Э. У. Омакаевой [2014; 2015а, 2015б], Н. М. Мулаевой [2015а; 2015б], С. Е. Бачаевой [2015а; 2015б].

Необходимость создания Толкового словаря языка калмыцкого героического эпоса «Джангар» назрела уже давно, учитывая тот факт, что многие лексические единицы в силу специфики, архаики жанра отсутствуют в словарях калмыцкого языка и нужная информация не всегда оказывается доступной читателю. Работа над Толковым словарём языка калмыцкого героического эпоса «Джангар» осложняется тем, что отсутствует Толковый словарь современного литературного калмыцкого языка.

Как пишет Н. П. Денисов, структура словарной статьи зависит от типа словаря, однако всем словарным статьям присущи какие-то общие части, например: 1) заглавное слово; 2) его формальная характеристика; 3) его семантизация; 4) указание на «соседей» заглавного слова в лексической системе языка по разным осям семантического пространства языка; 5) примеры употребления заглавного слова в речевом контексте; 6) отсылки и справки разного характера и назначения [Денисов 1977: 208].

По мнению В. В. Морковкина, в качестве элементов словарной статьи необходимо выделить: 1) заголовочную единицу; 2) её фонетическую характеристику; 3) её грамматическую характеристику; 4) характеристику семантической структуры (многозначности заголовочной единицы); 5) характеристику значения отдельного лексико-семантического варианта; 6) характеристику словообразовательной ценности; 7) отсылки; 8) примечания; 9) справки (в том числе и библиографические) [Морковкин 1990: 36].

Опираясь на предыдущий лексикографический опыт с привлечением существующих современных толковых словарей, мы определили структуру словарной статьи для Толкового словаря языка калмыцкого героиче-

⁵ Предварительно была проведена работа фольклористами Института по подготовке Свода калмыцкого фольклора [Басангова 2013; Манджиева 2013].

ского эпоса «Джангар»⁶. Микроструктура Толкового словаря состоит из реестрового слова и метатекста, описывающего его основные характеристики и заключающего его толкования.

Левая часть словарной статьи Толкового словаря начинается с заглавного слова (по-другому — заголовочная единица, заголовочное слово, лемма и т. д.). Основным критерием включения слова в Толковый словарь является его фактическое использование в текстах песен эпоса «Джангар». В Толковом словаре языка эпоса «Джангар» слова даны в алфавитном порядке и снабжены информацией о частотности употребления в эпосе, что косвенно свидетельствует о специфических особенностях языка в целом. Все слова приводятся в исходной (начальной) форме: для имён существительных это форма именительного падежа, единственного числа, для глаголов — форма причастия в будущем времени по традиции.

Правая часть Толкового словаря объясняет значения заголовочного слова и включает следующие зоны:

- 1) транскрипция;
- 2) абсолютная частота;
- 3) частеречная помета;
- 4) стилистическая помета;
- 5) тип значения (прямое, переносное);
- б) толкование;
- 7) иллюстрации;
- 8) источник;
- 9) ◊ фразеологизмы;
- 10) □ коллокации;
- 11) > сложные слова;
- 12) → дериваты.

Совокупность всех словарных статей образует корпус Толкового словаря. В словарной статье после толкования значения обязательно даются примеры через пробел курсивом, словоформа выделяется жирно. В квадратных скобках указывается источник данного словоупотребления, в котором приводится название версии эпоса «Джангар» в сокращённой форме (см. список сокращений), через двоеточие номер песни — римскими цифрами, например: [ЭО: V], [МБ: I], [БЦ: II]. Примеры отделяются один от другого точкой с запятой. В некоторых случаях для правильного понимания читателем фрагмента текста в фигурных скобках {...} даются пояс-

 $^{^6}$ Для составления словарных статей используется программа TextAnalyzer [Куканова, Каджиев 2014].

няющие замечания от редакции (кто говорит, кому говорит, о ком говорит, по какому поводу).

Фразеологические обороты и сочетания даются за символом «◊» и чаще всего иллюстрируются (если выражение имеет несколько значений или существуют особенности в употреблении, которые не отмечаются в пометах).

В цитатах, если она даётся не полностью, пропущены слова, идут сокращения, пропуски — обозначаются одним из знаков препинания многоточием, состоящим из трёх точек (...). Многоточие может стоять вместо пропущенной части текста в начале, середине или в конце цитаты. Многоточие заключают и в угловые скобки, если при цитировании пропущена одна или несколько конструкций <...>.

Особым видом иллюстрации являются коллокации — статистически устойчивые сочетания двух и более лексических единиц, характерные для определённого текста или для всего языка. Список таких сочетаний даётся за символом « \square », например: \square *долан дуңһра* — семь кругов; \square *хар арзин сүүр* — обильное пиршество, \square *далһа шар шаазң* — большая жёлтая фарфоровая чаша.

К иллюстрациям относятся и дериваты — производные слова. Например: $xap \to xap \mu hy$; $3\theta pz \to 3\theta pz m \partial$; $3yp \to 3ypz$.

Все выделенные иллюстрации позволяют более лаконично назвать предмет или явление, способствуют созданию более ясной структуры и облегчению поиска необходимого слова в словаре.

Таким образом, мы постарались учесть традиции исконной русскоязычной и монгольской лексикографии, а также опыт составления англоязычных словарей. В Толковом словаре языка калмыцкого героического эпоса «Джангар» самым главным, на наш взгляд, элементом, где содержится вся информация о языковой единице, является словарная статья, в которой наиболее важным и сложным является передача адекватного, точного истолкования значения слова.

Литература

Басангова Т. Г. О своде калмыцкого фольклора // Нартоведение на рубеже XX– XXI вв. 2013. № 2. С. 13–23.

Бачаева С. Е. Грамматические и стилистические пометы в Толковом словаре языка калмыцкого героического эпоса «Джангар» // Монголоведение в начале XXI века: современное состояние и перспективы развития. Мат-лы Междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию Б. Х. Тодаевой. Элиста, 2015б. С. 182–185.

- Бачаева С. Е. О дефинициях в Толковом словаре калмыцкого героического эпоса «Джангар» (на примере имён прилагательных) // XLIV Международная филологическая научная конференция. Тезисы докладов. 2015а. С. 90–91.
- *Денисов П. Н.* Об универсальной структуре словарной статьи // Актуальные проблемы учебной лексикографии. М.: Русский язык, 1977. С. 205–225.
- Куканова В. В., Каджиев А. Ю. Алгоритм работы морфологического парсера калмыцкого языка // Писменото наследство и информационните технологии. ElManuscript—2014. Материали от V международна науч. конф. Отговорни редактори В. А. Баранов, В. Желязкова, А. М. Лаврентьев. 2014. С. 116—119.
- *Морковкин В. В.* Основы теории учебной лексикографии: автореф. ... докт. фил. наук. М., 1990. 72 с.
- Мулаева Н. М. Дефиниции растений в толковом словаре языка калмыцкого героического эпоса «Джангар» // Урало-алтайские исследования. 2015б. № 3 (18). С. 64–74.
- Мулаева Н. М. К вопросу о возрастных числительных (на материале Толкового словаря языка калмыцкого героического эпоса «Джангар») // XLIV Международная филологическая научная конференция. Тезисы докладов. 2015а. С. 106–107.
- Омакаева Э.У. О проекте составления Словаря языка эпического текста: к постановке проблемы в ареальном и типологическом ракурсе (на материале калмыцкого героического эпоса «Джангар») // IV Международная научная конференция «Кавказские языки: генетико-ареальные связи и типологические общности» (г. Махачкала, 19 июня 2014 г.). Махачкала, 2014. С. 140–142.
- Омакаева Э. У. Основные проблемы составления толкового словаря языка эпического текста (на материале калмыцкого героического эпоса «Джангар») // XLIV Международная филологическая научная конференция. Тезисы докладов. 2015а. С. 107–109.
- Омакаева Э. У. Проблемы лексикографической фиксации многозначности глагола и имени в толковом словаре языка калмыцкого героического эпоса «Джангар»: типологические и идиоэтнические аспекты [электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования. 2015б. № 2. URL: http://www.science-education.ru/129-21788 (дата обращения: 01.12.2015).

70

«ОЙРАТСКИЙ ПЕРЕВОД «СУТРЫ ЗОЛОТОГО СВЕТА». ИССЛЕДОВАНИЕ ТЕКСТА, ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ, ПЕРЕВОД С ОЙРАТСКОГО, КОММЕНТАРИИ

Б. А. Бичеев

В буддизме к категории сутр относятся тексты, которые представляют собой проповеди самого Будды Шакьямуни [Торчинов 2000]. При этом считается, что сутры, сохранившиеся на языке пали, принадлежат традиции хинаяны, а санскритские сутры образуют наследие другого направления буддизма — махаяны. Исследователи выделяют четыре периода в создании праджняпарамитских текстов буддизма махаяны. На рубеже І в. до н. э. — І в. н. э. появляется текст «Аштасахасрика сутра» («Сутра в восемь тысяч шлок»). На втором этапе появляются большие тексты, к примеру «Шатасахасрика» («Сутра в сто тысяч шлок»). На заключительных этапах (600–800 г. н. э.) формируется свод кратких праджняпарамитских сутр.

Ступенью высшего уровня освоения учения Будды являются сутры праджняпарамиты [Бат 2012; Бичеев 2015д]. Современные буддийские учителя утверждают, что в контексте того, что принято называть буддизмом махаяны, есть много различных сутр, но особое место занимает почитание девяти основных махавайпурья сутр, или «девяти провозглашений Дхармы». Считается, что в сутрах, которые относятся к категории «махавайпурья», т. е. масштабным или великим, изложен особый аспект учений, и в этом смысле данная сутра отлична от других сутр, превосходит их. Одной из таких сутр «девяти провозглашений Дхармы» является «Сутра Золотого блеска», которая была переведена на ойратский язык в середине XVII в. [Бичеев 2015б; 2015в; 2015г].

Ойратский перевод сутры «Altan gerel» [Яхонтова 1981; 2014; Кага 1960] был инициирован Ахалай Алдар (Алдар зайсанг, Алдар-тайши). По данным исторических источников, Ахалай Алдар — сын дербетского Чуутайши, внук дербетского Далая-тайши. Раднабхадра в своём сочинении пишет, что в 1655 г. Зая-пандита отправился к волжским калмыкам. По пути он был приглашён Алдар-тайши, который «из благоговения и большого почитания [к Учению Будды] переписал много [переведённых Заяпандитой] религиозных книг. Чтобы чествовать и поклоняться [Заяпандите после его отъезда], он выпросил для себя полное одеяние хутугты, преподнёс ему 300 лошадей и 30 верблюдов» [Раднабхадра 1999]. Алдартайши является также инициатором перевода ещё двух сочинений — «Хитиqти ölzöi dabxurlaqsan yeke külgüni sudur» и «Süzügiyin zemestü modon delgereküi ceceq kemekü zalbaril» [Лувсанбалдан 1975].

В середине XVIII в. сутра была дважды ксилографирована (Джунгарском ханстве и Калмыцком ханстве) [Лувсанбалдан 1975; Бадмаев 1970]. Более 50 экземпляров этой сутры на «ясном письме» хранятся в научных архивах и частных коллекциях на территории Китая, Монголии и России [Сазыкин 1988; Gerelmaa 2005; Yakhontova 2006; Erdemtu 2014]. Один экземпляр ойратского ксилографа, издание которого было осуществлено в Джунгарском ханстве в 1741 г. во время правления Галдан-Церена (1727– 1745), до недавнего времени хранился в архиве Институте языка и литературы АН Монголии. Экземпляр калмыцкого ксилографа, изданного в Калмыцком ханстве в период правления Дондук-Даши (1741–1761), находится в личной коллекции Ш. Увелзенг-генге (г. Текес, СУАР КНР). В фонде ойратских рукописей Института языка и литературы АН Монголии хранится 30 списков «Altan gerel», три из которых являются рукописными копиями ойратского ксилографа. В личных коллекциях олетов СУАР КНР хранится 8 рукописных текстов «Алтан Герел», 1 ксилограф и 5 текстов «Altan gerelivin xurāngyui orošibo» («Краткий свод «Сутры Золотого света») [Osamu 2009].

Для сравнительного анализа ойратского текста нами использовались шесть рукописей «Altan gerel». При этом две из них рукописные копии с ойратского ксилографа и одна рукопись — копия калмыцкого ксилографа. Также нами использовался текст калмыцкого ксилографа, оригинал которого хранится в личном архиве Увелзенг-генге (г. Текес, СУАР КНР), и транслитерация калмыцкого текста рукописи, опубликованная в 1929 г. в Лейпциге.

«Сутру Золотого света» называют энциклопедией философии махаяны [Розенберг 1918]. Текст сутры можно распределить по трём содержательным уровням. К первому уровню следует отнести рассуждения о важнейших вопросах догматики махаяны: учение о пустоте, «вечной жизни» Будды, нирване, Трёх телах Будды. Второй уровень отражает сотериологический аспект учения махаяны. И, наконец, третий уровень — это наставление правителям по управлению государством (отношение правителя и духовного наставника).

«Сутра Золотого света» («Алмн герл») состоит из 5 разделов. Первый раздел (uridu baq) состоит из четырёх глав. Второй раздел состоит из двух глав. В этот же раздел включена первая часть седьмой главы «Четыре великих махараджи». Третий раздел состоит из второй части седьмой главы «Четыре великих махараджи» и четырёх глав. Четвёртый раздел состоит из пяти глав. Пятый заключительный раздел состоит из четырёх глав. Заключительная глава представляет собой ещё одну хвалу Будде, в содержании которой кратко напоминаются основные идеи сутры: во-первых, уче-

ние о пустоте [Бичеев 2015а]; во-вторых, сотериологический аспект учения махаяны.

Таким образом, «Сутра Золотого света» возвещает фундаментальные положения учения махаяны о всеобщности спасения. В этом плане «Сутра Золотого света» является одним из самых авторитетных текстов. В сутре описываются многообразные средства достижения святости и спасения живых существ, которыми располагает махаяна: практика десяти благих деяний, отречение от десяти неблагих деяний; произнесение дхарани; следование парамитам; развитие в себе сострадания и достижение особого состояния сознания — бодхичитты; десять ступеней, которые необходимо пройти бодхисатве, и, наконец, достижение состояния будды.

Главы «Сутры Золотого блеска», в которых высказываются принципиально важные для махаяны положения, можно рассматривать в качестве самостоятельных законченных философских трактатов лаконичного содержания. Таким образом, центральной темой «Сутры Золотого блеска» выступает неизменное сочетание мудрости и сострадания. Непосредственное осознание пустоты, есть «абсолютная бодхичитта», т. е. осознание пустоты в союзе с бодхичиттой — устремлением стать буддой, во благо всех существ. Следовательно, в «Сутре Золотого блеска», являющейся составной частью основного корпуса сутр праджняпарамиты, глубоко закреплено альтруистическое устремление к освобождению во благо всех существ, являющееся фундаментальным мотивом духовного поиска в будлизме махаяны.

Литература

- Gerelmaa G. Brief Catalogy of oirat manuscripts kept by Institute of language and literature bu Gerelmaa Guruuchin. Хэл зохиолын хүрээлэнгийн тод үсгийн номын товч бүртгэл [Каталог]. Ulaanbaatar, 2005.
- Haenisch E. Altan gerel. Dir Wesmongolischen Fassung des Goldglanzsutra nach einer handschrift der Kgl. Bibliothek in Kopenhagen. Leipzig: Verlag der Asia major, 1929. 122 p.
- *Kara G.* Le colofon de l'Altan Gerel oïrat // Acta orientalia Academiae scientiarum Hungaricae. Tomus X. Fasciculus 3. 1960. P. 255–260.
- Mingγad Erdemtu erkelen nayiraγulba. Qalimag bar-un «Altangerel»-un sudulul. Begejing: Ündüsüten-u keblel-un qoryi-a, 2014. 510 q.
- Osamu I., Erdemtu M., Amur genggei, Sayinbayar genggei, Dosan, Torubatu-nar nayiraγulbai. Šinjiyang-un Ili-yen qasag ündüsüten-u öberteken jasaqu-yeu-yin ögeled mongγolčud-un qadagalju bayiqa mongγol qaγičin nom bičig-un γarčag. Begejing, 2009. 209 x.
- Suvarnaprabhāsa (Сутра золотого блеска). Текст уйгурской редакции. I–II. СПб., 1913.

- *Yakhontova N.* Mongolian and Oirat Translations of the Sutra of Golden Light // Silk road documents: The transmission of the Suvarnaprabhasottamasutra. Symposium under the Ford Foundation. Beijing. 2006.
- *Бат Д.* Агваанчойдор гуайн ярьсан «Монгол, Төвд бурханы шашны аман түүх». Улаанбаатар хот: МУИС, 2012. 449 х.
- *Бичеев Б. А.* Глава «О Пустоте» из ойратского перевода «Сутры Золотого света» // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2015а. № 3. С. 166–176.
- *Бичеев Б. А.* История публикации ойратского перевода «Сутры Золотого света» // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2015б. № 4. С. 157–160.
- Бичеев Б. А. Монгольское предание о «Сутре Золотого света» // Актуальные проблемы современного монголоведения. Элиста: КИГИ РАН, 2015в. С. 149–156.
- Бичеев Б. А. О публикации памятников калмыцкой старописьменной литературы // Проблемы изучения национальных литератур: Мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. (25–26 июня 2015 г., Махачкала, Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы ДНЦ РАН). Махачкала, 2015 г. С. 544–550.
- *Бичеев Б. А.* Ойратские переводы сутр праджняпарамиты // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2015д. № 4. С. 152–156.
- *Бичеев Б. А.* Почитание «Сутры Золотого света» (Текст молитвы «Altan gereliyin xurāngyui orošibo») // Актуальные проблемы современного монголоведения. Элиста: КИГИ РАН, 2015е. С. 142–148.
- *Лувсанбалдан X.* Тод үсэг, түүний дурсгалууд. Улаанбаатар: Шинжлэх ухааны академийн хэвлэл, 1975. 356 х.
- *Лувсанбалдан X.*, *Бадмаев А. В.* Калмыцкое ксилографическое издание сутры «Алтан гэрэл» // 320 лет старокалмыцкой письменности: Материалы научной сессии. Элиста: КНИИЯЛИ, 1970. С. 80–93.
- Раднабхадра. Лунный свет. История рабджамбы Зая-пандиты / перевод с ойратского Г. Н. Румянцева и А. Г. Сазыкина; транслит. текста, предисл., коммент., прим. и указатели А. Г. Сазыкина. СПб.: Петербургское востоковедение, 1999. 176 с.
- *Розенберг О. О.* Проблемы буддийской философии. Пг., 1918. 257 с.
- Сазыкин А. Г. Каталог монгольских рукописей и ксилографов Института Востоковедения АН СССР [Каталог]: В 3 т. М.: Наука, 1988. Т. 1. 507 с.
- Сутра Золотого света. Двойная Сутра. Переводчик А. Кугявичус. Редакция: А. Терентьева. М.: ООО «Буки Веди», 2014. 254 с.
- *Торчинов Е. А.* Введение в буддологию: Курс лекций. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2000.304 с.
- Яхонтова Н. С. Переводы «Сутры Золотого блеска» на монгольские языки // Искусство и культура Монголии и Центральной Азии: Мат-лы конф. Тезисы докладов. М., 1981. С. 102–103.

Яхонтова Н. С. Ойратские рукопси и ксилографы в собрании Института восточных рукописей РАН // Мир «ясного письма». Сб. науч. ст. Элиста: КИГИ РАН, 2014. С. 5–26.

КАЛМЫЦКИЕ НАРОДНЫЕ ПРИМЕТЫ

И. М. Болдырева

Калмыцкие народные приметы — малоисследованный жанр фольклора. Характеристике данного жанра посвящены работы Т. Г. Борджановой [1999: 132–137; 2007], Э. У. Омакаевой [1994; 1999: 83–84; 2000: 82–85], И. М. Болдыревой [2014; 2015]. Приметы делятся на хорошие, т. е. имеющие охранительный характер, предрекающие хорошие события и явления, и плохие, являющиеся предвестниками печальных событий.

Приметы, являя собой своеобразную норму этикета, использовались в воспитании детей, предостерегая их от плохих деяний — телесных, духовных и словесных. Калмыки — знатоки культуры, языка и традиции, — тонко и умело используя пословицы, поговорки, рассказывая сказки, легенды, приметы, с ранних лет в детях воспитывали любовь к ближнему и к природе: «Нельзя бить кнутом по земле, показывать пальцем на небо, плевать в воду и огонь. Будешь играть с огнём — потеряешь скот. Нельзя складывать руки на животе — потеряешь родных».

Большая часть калмыцких народных примет носит религиозный характер. Например, считалось, что уничтожение одной лягушки равносильно убийству семерых духовных лиц. Нельзя было убивать кошек (они сидят возле божеств), как и нельзя было лишать жизни змею, заползшую в дом. Если получится, нужно было смазать ей голову маслом или же, брызгая перед ней молоко, направить к выходу. В таких случаях калмыки верили в то, что кто-то из предков, перевоплотившись в змею, пришёл повидаться с ними.

Существовали у калмыков и запреты, связанные с религиозными представлениями и суевериями [Пюрбеев 1966: 153]. В определённые дни нельзя было начинать важные дела, проводить свадебные и другие увеселительные мероприятия. Есть запреты, связанные со временем захода солнца. Так, на закате нельзя начинать какие-либо дела, мыть полы, выносить мусор, шить, спать и т. д. Нельзя также пересказывать другим свои сны. Они могут растолковать их неверно, и это, считалось, приведёт к плохому. К продуктам, запрещённым к употреблению во время болезни, относились свинина, яйца, рыба и пшено. Распространялся запрет и на

одежду — нельзя было носить одежду, сшитую из шкур хищников с рыжим окрасом меха — лис, хорьков, а также волков и собак. Одежда покойных, полученная в дар, подходила не каждому. Нельзя было иметь много одежды, так как бытовало поверье, что у человека количество носильных вещей предопределено свыше. Женщинам запрещалось ходить на кладбище, считалось, что к подолу платья может пристать нечистая сила. Нельзя было выносить с пожарища что-либо, иначе, как считалось, будут одолевать недуги.

О том, что у ойратов была распространена зоомантия, свидетельствует и небольшое сочинение «Могпі kele medekü», переданное в дар библиотеке КИГИ РАН гражданином Франции М. Чанчиновым в 1999 г. В нем говорится, что перед тем, как отправиться в путь, необходимо было совершить определённое действие (обтереть губы своего коня тряпкой) и по реакции судить о предстоящей дороге. К примеру, если дёрнется нижняя губа — будет эпидемия, далеко нельзя выезжать. Если отряхнётся — будет радость, добыча. Если обернётся — будет зло [Гедеева, Омакаева 2002: 108–111].

Родители, прекрасно знавшие повадки домашнего скота, говорили детям, что у животных тоже есть своё божество. Нельзя их бить, иначе не будет изобилия. Калмыки считали, что в каждом доме обязательно должны быть собака и кошка, которые могли не только предупредить хозяев о грозящей им опасности, но и даже «забрать» то плохое, что ожидало семью. Когда умирали эти животные, хозяева смазывали им рот маслом перед тем, как предать земле.

Существует ряд примет, связанных с небесными телами, с природными явлениями: рано пожелтевшие листья — к ранней осени; если туман стелется понизу — быть тёплой погоде; появление хвостатой кометы на небе — к началу гона у баранов и т. д.

Калмыки могли определить по бараньей лопатке, какой будет предстоящая зима, каким будет достаток у членов семьи и родственников и что будет со здоровьем. По форме пузыря, находящегося в брюшной полости овцы, и силе струи сливаемой из него жидкости можно было с точностью установить пол ребёнка, ожидаемого в семье, а по цвету крови человека — счастливый ли он. Чтобы рождались красивые дети, калмыки начисто обгладывали коленную чашечку овцы.

Существует немало примет, связанных с пищей: нельзя перешагивать через еду; если долго кипятить простую воду — хозяйка дома будет чахнуть; поев, нельзя было потягиваться — усвоенные знания изгладятся из памяти; после захода солнца остерегались давать молочные продукты — уходило счастье и богатство дома.

Сваренные баранья голова и ливер строго распределялись между членами семьи. Так, мясо вокруг глаз и челюстей предназначалось хозяину дома, главе семьи, чтобы тот берег детей как зеницу ока. Самка животного безошибочно узнает своих детей по запаху, поэтому матери предназначалось мясо с передней части головы. Чтобы девочки в семье росли добросердечными, им, соответственно, давали сердце, мальчикам как продолжателям рода — почки.

Приметы помогают лучше понять традиционный быт калмыков. Первинки приготовленной пищи и гостинцев подносят божествам с тем, чтобы в доме всегда был достаток. Если человек, пришедший в дом, попадает на свежесваренный чай, о нем говорят, что у него чистые помыслы. Калмыки, отправляясь в путь, движение начинают по ходу солнца, т. е. по часовой стрелке. На праздник весны Цаган Сар у калмыков полагается печь из теста разные по форме изделия — в виде солнца, бараньей головы, поводьев, животных и птиц. Так выражается хвала небу, солнцу, земле.

Наблюдая за повадками животных, за полётом птиц и их криком, калмыки многое примечали: забежавшая во двор собака — к добру, прогонять её нельзя; если собака перекатывается на спине — к перемене погоды; собака с бельмом на глазу или двумя пятнышками над глазами приносит удачу; протяжный вой собаки и мычание коровы — к беде. Человек, увидевший танец журавлей, непременно будет счастлив. Лунь, сопровождавший наших предков в долгом пути с исторической родины, воспринимается калмыками как священная птица. Если в пути встретится лунь или он пересечёт дорогу — быть добру; если ворона летит с криком вправо — дурная примета; влево — хорошая.

Приметы, связанные с домом, помогали приучать девочек к аккуратности, трудолюбию. Считалось, что в чистом доме поселяются божества, в нем царит достаток и счастье. Воспитывали калмыки в детях и уважение к старшим: в первую очередь угощение подносилось им; считалось, что тот, кто доедает за ними остатки еды, проживёт долгую жизнь. Мужчина как кормилец семьи, продолжатель рода, пользовался особым уважением: если первым встретится мужчина, то этот день будет удачным. Женщина не должна переходить дорогу перед мужчиной, ходить, заложив руки за спину, иначе храбрость мужчин в семье будет убывать. Запрещалось ей и мыть голову в ночное время, но если такое случалось, из предосторожности необходимо было положить перед собой нож.

Нож считался самым ценным сокровищем у калмыков. Мужчина всегда носил при его себе как символ мужской мощи. К примеру, если хозяин дома в отъезде, то нужно положить на ночь в кровать нож. Считалось, что в его отсутствие в доме может появиться нечистая сила [Шантаев 2004].

Калмыки — немногословный, сдержанный, сильный и мудрый народ. Воспитанию таких качеств способствовали также и приметы: нельзя сидеть, подперев щеки, иначе притянешь беды и переживания; необузданный гнев, как и безудержный смех, плохо влияет на здоровье человека.

Для устранения негативных последствий чего-либо калмыки проводили обряды охранительного характера. Если корова приносила двух телят, одного из них непременно отдавали в дар. Если человеку на голову попадал птичий помет, ему следовало обойти семь дворов, и там, во избежание болезни, его непременно должны были чем-нибудь угостить.

Приметы передавались из поколения в поколение на протяжении веков и помогали человеку жить.

Литература

- Болдырева И. М. Йиртмжин аюлла залһлдата йор болн авъясмуд = Хальмг амн үгин зөөрт // Монголоведение в начале XXI века: современное состояние и перспективы развития. Мат-лы Междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию Б. Х. Тодаевой (г. Элиста, 23–26 апреля 2015 г.). В 2-х ч. Ч. 2. Элиста: КИГИ РАН, 2015. С. 109–112.
- Болдырева И. М. Хальмг келн-улсин йорллһна тускар = О калмыцких народных поверьях // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2014. № 2. С. 91–96.
- *Борджанова Т. Г.* Магическая поэзия калмыков: исследования и материалы. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1999. 182 с.
- *Борджанова Т. Г.* Обрядовая поэзия калмыков. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2007. 500 с.
- Гедеева Д. Б., Омакаева Э. У. Ойратские гадательные сочинения. «Знание языка лошади» и «Гадание на 10 пальцах рук» как источник изучения // Монголоведение. Вып. 1. Элиста: АПП «Джангар», 2002. С. 108–111.
- Омакаева Э.У. Моделирование поведения в традиционной культуре калмыков (к прагматической классификации текстов правил и примет) // История и культура монгольских народов: источники и традиции: мат-лы Междунар. симпозиума. Ч. 2. Элиста: КИГИ РАН, 1999. С. 83–84.
- Омакаева Э.У. Регламентация поведения в повседневной культуре калмыков // Проблемы истории и культуры кочевых цивилизаций Центральной Азии. Мат-лы Межд. науч. конф. Археология, Этнология. Т. 1. Улан-Удэ, 2000. С. 82–85.
- Омакаева Э.У. Некоторые запреты и избегания у калмыков // Шамбала. 1994. № 2. С. 25.
- Пюрбеев Г. Ц. Хальмгудын заңшалта бәәцин тәәлвр толь (Толковый словарь традиционного быта калмыков). Элиста: Калм. кн. изд-во, 1996. С. 153.

Шантаев Б. А. Отношение к острым предметам в традиционной культуре калмыков // Молодёжь в науке. Сб. тр. молодых учёных. Вып. 1. Элиста: АПП «Джангар», 2004. С. 198–205.

КАЛМЫЦКИЕ НАРОДНЫЕ ПЕСНИ И МЕЛОДИИ В ЗАПИСЯХ А. Д. РУДНЕВА

Б. Х. Борлыкова

Как известно, калмыцкий песенный фольклор, богатый различными традициями и историей, все ещё остаётся малоисследованным в отечественном музыкознании. Имеющиеся научные труды носят преимущественно искусствоведческий характер (В. К. Шивлянова [1999], Г. А. Дорджиева [2000], Г. Ю. Бадмаева [2001]): они посвящены музыкальному анализу калмыцких народных песен. Более обстоятельный анализ различных проблем изучения калмыцкого и ойратского песенного фольклора содержится в фольклористических и этнолингвистических работах (Б. Б. Оконов [1989], Е. Э. Хабунова [1998], Т. Г. Басангова [1989; 2008], Н. Ц. Биткеев [2005], Э. У. Омакаева [2009; 2012], Э. У. Омакаева и Б. Х. Борлыкова [2012; 2013; 2014а; 20146, 2014в], Б. Х. Борлыкова [2010; 2012; 2013], Б. Х. Борлыкова и Э. У. Омакаева [2014], Б. Б. Манджиева [2014а; 2014б] и др.).

Начало изучения и популяризации калмыцкого песенного фольклора неразрывно связано с именем русского учёного, монголоведа, фольклориста А. Д. Руднева (1878–1958). В статье «Мелодии монгольских племён» учёный собрал все публикации мелодий монгольских народов, имевшиеся в различных описаниях путешествий, письмах миссионеров, музыкальных журналах, и, дополнил их собственными записями. В качестве эпиграфа к данной статье А. Д. Руднев дал слова Ю. Н. Мельгунова: «Музыка должна быть изучаема как отрасль знания, в связи с другими искусствами и науками» [Руднев 1909].

Автор включил 39 мелодий монголов (халхасцев — № 1–16, тумутов № 17, № 20, чахаров — № 18, № 19, дурбут бэйсэ — № 21–22, ару-хорчин цевъ — № 23, уджумцинцев — № 24, баргу-бурят — № 25, западных монголов — № 26–30, ордос — № 31–35, монгольские мелодии, записанные от китайцев — № 36–38 и китайская мелодия — № 39), 16 мелодий бурят (забайкальских и добайкальских бурят — № 40–56) и 73 мелодий калмыков (астраханских, ставропольских и донских — № 57–112).

Калмыцкий музыкальный фольклор А. Д. Руднев разделил на три группы: 46 песенных напевов, 16 наигрышей и 8 древних мелодий. Среди них — «Хара ланка бүшмүд» («Бешмет из чёрной нанки»), «Шара чиктэ хөн» («Овца с жёлтыми ушами»), «Андгарин-бакши» («Присяжный бакши»). К каждой мелодии А. Д. Руднев даёт комментарий, в котором указывает имя информанта, название мелодии и приводит краткую аннотацию содержания текста.

В связи с определённым заранее размером статьи А. Д. Руднев ограничивается приведением в нотах текста песен в одну или две строфы, содержание песен вынесено в приложение. Многие мелодии А. Д. Рудневым записаны в нескольких вариантах. По этому поводу автор в начале статьи пишет: «Как во всякой народной музыке, так же и в монгольских мелодиях можно было бы собрать бесчисленное множество вариантов, и, вероятно, многие будут оспаривать правильность приводимых записей, если им данные мелодии хорошо известны от других исполнителей. Каждый исполнитель вносит свой индивидуальный оттенок в исполняемую мелодию. Кроме того, нередко мелодия изменяется под влиянием текста так же, как и текст под влиянием мелодии» [Руднев 1909: 401].

А. Д. Руднев включил в свою работу записи И. В. Добровольского Онкоровны Тундутовой (1816 г.), княгини Эльзяты (1897 r.)Г. Й. Рамстедта (1903 г., 1904 г.), А. Д. Руднева (1904 г., 1908 г.), материалы экспедиции в станице Денисовской (1902–1903 гг.), а также записи факультета Восточных языков Императорского Петербургского университета Алексея Николаевича Кулькова, который летом 1908 г. совершил поездку с учебной целью в калмыцкую степь Астраханской губернии. Информантами же А. Д. Руднева были студент юридического факультета Императорского Санкт-Петербургского университета Санджи Баянов, студент Военно-Медицинской Академии Эренджен Даваев, студент юридического факультета Императорского Санкт-Петербургского университета, ученик Санкт-Петербургской консерватории, виолончелист Дорджи Манджиев, студент факультета восточных языков Императорского Санкт-Петербургского университета Ноха Очиров.

Музыкальные записи А. Д. Руднева по сей день хранятся в архиве Финно-Угорского Общества в Хельсинки. Финский учёный, профессор Харри Хален автору данной статьи прислал копии нескольких образцов нотных записей и текстов песен А. Д. Руднева «Танцы и песни калмыцкого народа»: «Бор мөрн тохата», «Александр II», «Хар лаңк бүшмүд» и др. В рукописи отмечено, что аранжировка калмыцких песен принадлежит

ученику Санкт-Петербургской консерватории по классу виолончели Дорджи Манджиеву.

Таким образом, фольклорные и нотные записи А. Д. Руднева представляют собой ценный источник по изучению песенного фольклора калмыков России конца XIX — начала XX вв. В дальнейшем предстоит более глубокий комплексный анализ исследуемых материалов.

Литература

- Бадмаева Г. Ю. Традиционная музыка калмыков в контексте культур Центральной Азии: дис. ... канд. искусствоведения. М., 2001. 200 с.
- *Басангова Т. Г.* Календарные песни калмыков // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Сер.: «Филологические науки». 2008. № 5 (29). С. 154–157.
- Басангова Т. Г. Калмыцкие заклинательные песни // Полевые исследования Институт этнографии АН СССР. Материалы ежегодной сессии. Сухуми: Институт этнографии РАН, 1989. С. 191–193.
- *Биткеев Н. Ц.* Калмыцкий песенный фольклор. Элиста: АПП «Джангар», 2005. 214 с.
- Борлыкова Б. Х. Вклад А. Д. Руднева и Г. Й. Рамстедта в историю собирания и изучения калмыцкого музыкального фольклора // Песня и видоизменяющаяся поэтика. Устные традиции в живом исполнении: Мат-лы междунар. науч. конф. (21–24 ноября 2013 г., Кухмо, Финляндия). Folkloristiikan toimite 20. Helsinki: Folkloristiikka, Helsingin Yliopisto, 2013. С. 24–27.
- Борлыкова Б. Х. Из истории собирания и изучения калмыцких танцевальных мелодий (XIX нач. XX вв.) // Танцевальный фольклор народов России. Мат-лы Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 70-летию со дня рождения и 50-летию творческой деятельности П. Т. Надбитова (г. Элиста, 17—18 декабря 2008 г.). Элиста: КИГИ РАН, 2010. С. 152–155.
- Борлыкова Б. Х. История собирания и изучения калмыцкого музыкального фольклора (XIX нач. XX вв.) // Проблемы музыкальной науки. Российский научный специализированный журнал. Уфа: Издательство «Нефтегазовое дело», 2012. № 2 (10). С. 122–125.
- Борлыкова Б.Х., Омакаева Э.У. Калмыцкий песенно-танцевальный фольклор в записях первой половины XX в. (по архивным материалам фольклорных экспедиций Г. Рамстедта, А. Руднева И А. Бурдукова) // Танец как историко-культурное наследие монголоязычных народов. Мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. Элиста, 2014. С. 51–61.
- Дорджиева Г. А. Калмыцкие протяжные песни. Опыт структурно типологического и историко-стилевого исследования: автореферат дис. кандидата искусствоведения. СПб., 2000. 188 с.
- *Манджиева Б. Б.* К вопросу изучения калмыцких колыбельных песен [электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования. 2014б. № 6.

- URL: http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=16940 (дата обращения: 28,11,2015).
- *Манджиева Б. Б.* К вопросу изучения калмыцких лирических песен // Культура, искусство, художественное образование: региональные особенности, традиции, новации. Махачкала, 2014а. С. 52–55.
- Оконов Б. Б. Предисловие // Төрскн hазрин дуд / сост. Б. Б. Оконов. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1989. С. 3–15.
- Омакаева Э. У. Проблемы текстообразования в фольклорном дискурсе: жанр калмыцкой песни в свете лексикографического и корпусного подходов // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2012. № 1. С. 21–27.
- Омакаева Э. У., Борлыкова Б. Х. 1930-гч жилмүдт А.В. Бурдуковын цуглулсн хальмг улсин дуд = Калмыцкие народные песни собранные А.В. Бурдуковым в 1930 году // Баруун монголын түүх соёлын асуудлууд. А.В. Бурдуков 130. Улаанбаатар, 2014в. С. 41-44.
- Омакаева Э. У., Борлыкова Б. Х. Из истории собирания и публикации песеннотанцевального фольклора калмыков (по архивным материалам фольклорных экспедиций Г. Й. Рамстедта, А. Д. Руднева и А. В. Бурдукова) // Музыка. Искусство, наука, практика. 2014б. № 3 (7). С. 47–51.
- Омакаева Э. У., Борлыкова Б. Х. Калмыцкие песни из коллекции финского монголоведа Г. Рамстедта: кластерное описание лексики // Бааза-багши и его духовное наследие. Коллективная монография. Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2013. С. 133–145.
- Омакаева Э. У., Борлыкова Б. Х. Песенный фольклор и тоталитарное общество: на материале калмыцких песен до и после депортации (30–50-е гг. ХХ в.) // Знать, чтобы не забыть: тоталитарная власть и народ в 20-начале 50-х годов ХХ века: Мат-лы междунар. науч.-практ. конф. (30–31 мая 2014 г.). Усть-Каменогорск: «Медиа-Альянс», 2014а. С. 387–396.
- Омакаева Э. У., Борлыкова Б. Х. Этнолингвистическое изучение песенного фольклора ойратов Синьцзяна: из экспедиционного опыта // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2012. № 4. С. 180–186.
- Омакаева Э.У. Фольклорный поэтический текст монголоязычных народов сквозь призму этнолингвистических и кросс-культурных контактов: история и современность // Монгол туургатны эрт ба эдугээ = Прошлое и настоящее монгольских народов. Олон улсын эрдэм шинжилгээний хоердугаар чуулган = Материалы II международной конференции. Токуо, 2009. С. 342—351.
- *Руднев А. Д.* Мелодии монгольских племён с рисунками и нотами. Сборник в честь семидесятилетия Г. Н. Потанина. ЗИРГО, по отд. этногр. Т. 34. 1909. С. 395–430.
- *Хабунова Е. Э.* Калмыцкая свадебная обрядовая поэзия. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1998. 224 с.

Шивлянова В. К. Калмыцкие песни, записанные в Денисовской станице Сальского округа в ноябре 1902 года // Из истории русской фольклористики. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. Вып. 4–5. С. 541–560.

ПРОБЛЕМЫ МОНГОЛО-ТЮРКСКИХ СВЯЗЕЙ И АЛТАИСТИКИ В ТРУДАХ УЧЁНЫХ КАЛМЫКИИ НАЧАЛА XXI в.

А. А. Бурыкин

Монголоведение в его сравнительно-историческом и ареальном аспектах всегда было тесно связано с алтайской теорией как теорией генетического родства алтайских языков — тюркских, монгольских и тунгусоманьчжурских языков, к которым позднее добавились корейский и японский языки. Не случайно именно монголоведы — прежде всего Г. Рамстедт и Н. Н. Поппе, и также В. Котвич в его работах до конца 1930х гг. достигли наибольших успехов в выстраивании и обосновании теории родства алтайских языков и понимании перспектив эволюции фонетики и грамматики отдельных групп алтайских языков. Важно помнить, что уже в 1910-е гг. благодаря работам Б. Я. Владимирцова стало ясно, какие именно языковые группы являются перспективными для изучения внешних родственных связей монгольских языков (это тюркские и тунгусоманьчжурские языки) и какие языковые группы явно не имеют родственных связей с монгольскими языками (индоевропейские, семитохамитские, сино-тибетские, палеоазиатские, айнский), — это однозначно весомое достижение основателей алтаистики незаслуженно недооценивалось и замалчивалось критиками алтайский теории (Г. Дерфер, А. М. Щербак), которые так и не смогли найти иных решений проблем, ставившихся в границах алтайской теории. Глубокий интерес к проблемам алтаистики, в которой практически все монголоведы видят безальтернативную перспективу исследования проблемы внешних генетических связей монгольских языков, характерен и для следующих поколений монголоведов и калмыковедов. В 1972 г. в Элисте состоялась конференция «Проблемы алтаистики и монголоведения» [Проблемы алтаистики ... 1975], материалы которой являются ценным вкладом в изучение проблем лексики алтайских языков и сравнительно-исторического изучения монгольских языков. Заметный вклад в изучение проблем алтаистики внесён в трудах Ц.-Д. Номинханова [1975], П. А. Дарваева [1989], практически каждая работа по калмыцкой лексикологии (публикации Э. Ч. Бардаева, Ц. К. Корсункиева и других учёных, специалистов по калмыцкой лексикологии) была замечена теми, кто занимался проблемами родства алтайских языков.

Вопросы взаимосвязей монгольских и тюркских языков [Бурыкин, Омакаева 2013] с разных сторон — как в отношении влияния монгольских языков на тюркские, так и в отношении воздействия тюркских языков на монгольские языки в разных ареалах и в разные периоды истории — с 1970-х гг. до настоящего времени являются областью научных занятий В. И. Рассадина, труды которого отличаются широтой охвата языкового материала, заметным количеством новых примеров, большим объёмом материала для авторских выводов [Рассадин 2007; 2008; Рассадин, Трофимова 2012]. Эта же проблематика характерна для работ Б. И. Татаринцева [1976; 2000—2008], благодаря которым мы получили объёмную картину влияния монгольского языка на тувинский язык.

Алтаистика как область научных, прежде всего лингвистических занятий, и алтайская теория как способ объяснения и средство понимания истории отдельных групп алтайских языков многообразны по формам реализации в научном континууме и по формам проявления в сфере научной продукции. С конца 1960-х гг., со времени первой конференции по алтаистике в Ленинграде [Проблема общности ... 1971] к числу алтаистических исследований относится все монографии и статьи, которые связаны по проблематике со сравнительно-историческим изучением монгольских, тюркских и тунгусо-маньчжурских языков по отдельным группам, с сопоставительным изучением лексики, морфологии и даже синтаксиса языков-представителей отдельных групп алтайских языков, с изучением лексических заимствований внутри отдельных групп алтайских языков и заимствований из одних групп алтайских языков в другие группы алтайской семьи, не говоря уже о работах в области сравнительно-исторической фонетики и морфологии алтайских языков в целом. Понятно, что разные направления исследований из числа тех, что перечислены выше, имеют различную популярность у современных исследователей, из которых собственно сравнительно-историческое изучение алтайских языков, предполагающее работу с общетюркской, общемонгольской и общетунгусомнаьчжурской реконструкциями, остаётся, к большой досаде, уделом небольшого числа лингвистов-представителей московской алтаистической школы (В. М. Иллич-Свитыч, С. А. Старостин, А. В. Дыбо, О. А. Мудрак) и петербургской алтаистической школы (И. В. Кормушин, Д. М. Насилов, А. А. Бурыкин).

Легкомысленное и отчасти скептическое отношение к алтайской теории и всему тому, что делается на её основе для частных монголоведческих, тунгусо-маньчжуроведческих и тюркологических исследований,

объясняется отчасти малой популярностью алтаистики среди монголоведов, тюркологов и тунгусо-маньчжуроведов, (что вполне объяснимо: любые сравнительно-исторические исследования на материале неиндоевропейских языков привлекают больше внимания профессиональных компаративистов, нежели специалистов по конкретным языкам), недостатком знаний в этой области (алтаистика ещё не стала предметом вузовского преподавания) и гипертрофированными представлениями о значимости работ скептиков, не признающих идеи генетического родства алтайских языков, но так и не предложивших ничего взамен этой идеи — в этом случае по итогам деятельности группы единомышленников самая идея или гипотеза отсутствия родства алтайских языков должна считаться научно некорректной: не случайно их ныне называют не «антиалтаистами», а «контралтаистами», и это понятно, они стремились не столько найти альтернативное решение дискуссионной проблемы, сколько снять самое проблему с повестки дня науки. Обращение к историографии проблемы показывает, что сторонниками алтайской теории были такие тюркологи, как Н. А. Баскаков, А. Н. Кононов, Б. А. Серебренников, Э. Р. Тенишев, тунгусо-маньчжуроведы В. И. Цинциус и О. П. Суник, монголоведы Б. Я. Владимирцов, Н. Н. Поппе, Г. Д. Санжеев. Что касается В. Котвича, то его работы 1020-1930-х гг. позволяют видеть в нем убеждённого алтаиста, а не вполне удачная — прежде всего по методам, сводящимся к простому сопоставлению — книга «Исследование по алтайским языкам» [Бурыкин 2015] породила среди его последователей иллюзию о том, что он якобы создал новую ареальную алтаистику, а алтайское языковое единство, согласно комментаторам В. Котвича и тем, кто отнёсся к такой идее с симпатией, имеет ареальную контактную природу и является следствием языковых взаимосвязей языков, происхождение которых остаётся неясным (как можно понимать самого В. Котвича, не исключавшего идеи генетического родства алтайских языков), или эти языки должны быть неродственными (так обычно трактуют взгляды В. Котвича контралтаисты): по нашему мнению, В. Котвич не был ни противником генетического родства алтайских языков и не создавал «нового учения» об алитаистике [Бурыкин 2015] — он недооценил степени дивергенции отдельных групп алтайских языков и посчитал достаточным для решения алтайской проблемы метод простого сопоставления, пригодный для монгольского и калмыцкого или турецкого татарского языков. Любопытный факт германист-компаративист, В. М. Жирмунский, ктох поддерживал А. М. Щербака в его исследованиях, но не проявлял скептицизма в отношении алтаистики.

Б. А. Серебренников критиковал алтаистические построения Г. Рамстедта и Н. Н. Поппе (новые идеи в алтаистике тогда не были озвучены, их авторы учились в аспирантуре) и писал так: Если теперь изъять из арсенала алтаистов все эти маловероятные формулы соответствий, то оставшиеся формулы соответствий окажутся крайне неконтрастными и маловыразительными. Они настолько неконтрастны, что алтаисты до сих пор не могут точно определить, какие сходные слова в монгольских и тюркских языках следует рассматривать как заимствованные из тюркских языков» [Серебренников 1982: 36–37], позже он также критиковал алтаистов за то, что сравниваемые ими слова оказываются слишком похожими и не проявляют процессов дивергенций [Серебренников 1988: 33-41]. Надо сказать, это замечание Б. А. Серебренникова справедливо вдвойне оно приложимо в равной мере и к тем примерам, которые по Рамстедту— Поппе иллюстрируют родство алтайских языков, и к тем примерам, которые по Щербаку—Татаринцеву—Рассадину показывают ареальные связи монгольских и тюркских языков. Если первая группа фактов поднимает вопрос «Общее наследие или заимствования?», то вторая группа фактов заставляет задуматься: почему все примеры тюркских заимствований в монгольских языках по форме соответствуют живым известным нам тюркским языкам? Исключения из этой тенденции есть, но они обычно не принимаются в расчёт и не приводятся.

Автору данной статьи удалось выявить нетривиальные соответствия между монгольскими и тюркскими языками, причём в основных проявлениях они касаются не корреспонденций фонем в разных группах языков, а линейной фонетической структуры слова, которая сохраняется в монгольских языках (в среднемонгольском и письменно-монгольском полностью, в современном монгольском языке с большой репрезентативностью), но упрощается в тюркских языках за счёт отпадения ауслаутного комплекса «гласный+согласный» и упрощения внутренней звуковой структуры слова за счёт тотальной утраты первого согласного в сочетаниях согласных. и иногда — второго слога в трёхсложных словах: ср. мо. mösun ~ тюрк. buz 'лёд', монг. dürsün 'изображение, образ, вид, форма, наружность, внешность'~ тюрк. juz 'лицо' (ещё монг. хэлбэр 'форма, вид' ~ тюрк. kep 'форма'), монг. deresün 'камыш' ~ тюрк. jiz 'тростник', монг. хорхинцог 'стручок' ~ *тамар*. кузак 'стручок' и др., сюда же попадает даже *монг*. büselegür [Бурыкин 2014]. Эти и аналогичные примеры, во-первых, многократно увеличивают число алтайских параллелей, во-вторых, снимают упрёк Б. А. Серебренникова, адресованный алтаистам. Во-вторых, они заставляют задуматься над вопросом, почему межгрупповые заимствования в тюркских и монгольских языках, особенно тюркизмы в монгольских языках, так похожи на слова современных тюркских языков? Ведь история тюрко-монгольских контактов явно могла бы выйти за 2000 лет — время дивергенции тюркских языков, но по фактам тюркизмов в монгольских языках мы этого не видим. Такие примеры, как монг. хусам 'берёза' при тюрк. дабіп 'берёза' не вписываются в алтайскую ареалистику, столь блестяще развиваемую В. И. Рассадиным: мы не знаем тюркского языка, в котором интердентальный б переходил в с, хотя огласовка слова и напоминает чуваш. хуран 'берёза'. Данный пример заставляет вспомнить об одной системной странности: контралтаисты и скептики считают слова с ротацизмом и ламбдаизмом типа *тырк*. az 'мало' ~ монг. arai 'едва'; *тырк*. taš 'камень' ~ чув. cul ~ монг. čilayun 'камень' [Серебренников 1982: 33], тюркизмами, вошедшими в монгольский язык из языка типа чувашского — с ротацизмом и ламбдаизмом, и с удовольствием обсуждают слова типа qudurya 'подхвостник' и nudurya 'кулак', как бы не замечая того, что в чувашском языке интердентальный б не сохраняется как d, а переходит в r, как и согласный z. В то же время в монгольских языках, как кажется, вообще не выявлены примеры слов с r- на месте интердентального δ .

Мы говорили, что к алтаистическим работам относятся и публикации тех наших коллег, в которых не содержатся реконструкции, но приводится материал, значимый для общеалтайских реконструкций и дающих основания для них.

Так, М. У. Монраев, рассматривая *калм*. арсн 'кожа, шкура' приводит несколько синонимов к нему: сәрсн, хәлсн, илгн, некә и др., среди которых присутствует слово хальсн 'оболочка, кожица, кожура, корка; шелуха; скорлупа' и др.' [Монраев 2014: 121], сравниваемое с *эвенк*. алукта 'мездра' < *халукта. и *торк*. qas ~ qaz (<**qaliz), qasiq ~ qasuq 'кора, кожура, кожа' (монгольские формы с финальным -sun исторически тождественны тунгусо-маньчжурским формам с финальным -кта/-ктэ/-кса/-ксэ на уровне целых производных слов).

А. Б. Лиджиев в своей статье обсуждает *п.-монг*. erekebči 'роговое кольцо на большом пальце для натягивания лука', *калм*. erkeeptši 'daumenring (wurde früher beim bogenschiessen angewendet)' [Лиджиев 2011: 115]. Мы не будем останавливаться тут на том, что это слово содержит общеалтайское наименование большого пальца: нам важнее что это слово по внутренней форме соответствует гнезду слов в тунгусоманьчжурских языках: *эвенк*. ун'акан 'палец', ун'акаптун 'кольцо, перстень, напёрсток, напальчник для стрельбы', *ульчск*. хон'ака(н-) ~ хун'ак; а(н-) 'кольцо, перстень'. Если сообразить, что перстень со щитком, защищающий руку лучника от удара тетивы — это один из самых древних предметов защитного вооружения, то можно увидеть, что как раз эта лек-

сема лежит в основе *торк*. qujaq 'панцирь', и тогда *монг*. хуяг 'панцирь' оказывается доказанным тюркизмом в монгольских языках — из-за полного сходства и из-за наличия интервокального -й- на месте тунгусоманьчжурского -н'-, изменяющегося в -й- только в тюркских языках.

Игнорирование или недоучёт общеалтайских лексических схождений, фонетических корреспонденций и сложной морфологической структуры слов, производных уже на общеалтайском уровне, нередко приводит к неточностям в историко-фонетических и историко-морфологических решениях. Так, Н. Б. Бадгаев во вполне содержательной теоретической работе выделяет конечный элемент -г в слове цецг (čečeg) 'цветок' [Бадгаев 2011: 109]. Однако это слово соответствует негидальск. чимчуктэ, орочск. и др чимчиктэ 'шишка лиственницы, ели; почка' — шишка хвойных деревьев цветком. Точным эквивалентом является их маньчжурского слова на уровне корня является монг. цоморлог 'почка, бутон': отсутствие поствокального -м- в монг. цэцэг и калм. цэцг однозначно указывает на то, что перед нами тюркизм — во-первых, мы впервые получаем возможность строго доказать это, разграничивая общеалтайские лексические единицы и заимствования на основе разных фонетических соответствий, во-вторых, эта возможность получена только при признании родства алтайских языков в рамках обновлённой реконструкции их архаических состояний.

В. И. Рассадин и Л. Болд расматривают на интересных примерах соответствия монг. эрвэлж, калм. эрвэлжн, п.-монг. erbeljin 'детское седло' ~ тоф. и др. эримәәш 'седло, предназначенное для перевозки колыбели и маленьких детей', п.-монг. qoryuljn ~ тюрк. qoryašin 'свинец', монг. eljigen ~ тюрк. еšäk 'осёл' [Рассадин, Болд 2015: 102], но, как и многие другие, не обращают внимание на тождество слов монг. juljayan 'детёныш животного, поросёнок' и тюрк. сосид 'поросёнок' — тут само количество примеров таких соответствий вместе с их нетривиальным характером исключает факты заимствований как в одну, так и в другую сторону. Сопоставление монг. emegel 'седло' с эвенк. эмэгэн 'седло' [Рассадин, Болд 2015: 101], отражающим тотальную замену конечных согласных на -н в тунгусоманьчжурских языках, бесспорно, однако нам все труднее и труднее признавать такие факты заимствованиями не только в силу фонетических тонкостей, но и потому, что в тюркских языках есть слово бтигий 'лука седла', содержащее, причём в предсказуемом варианте, суффикс, представленный в тунгусо-маньчжурских языках как -птун и -тинг, а в монгольском как -bci, хотя этот суффикс в тюркских языках и редок. Наконец, сравнение эвенк. эмэгэн 'седло' с тунгусо-маньчжурским глаголом эмэ- в принципе недопустимо. ибо этот глагол, вопреки авторам, имеет значение «приходить», а не «идти».

Не убедительными оказываются толкования тюрко-монгольских названий зайца от тюркского глагола tap- 'находить', названий суслика от глагола jum- 'сжимать в кулак' [Рассадин, Трофимова 2015: 106]. Вместе с тем удачны те пассажи, когда автор лишь предположительно говорит о возможности заимствования названий овцы (монг. qonin ~ mюpκ. *qoni) и козы (монг. yimayan ~ тюрк. *yïmga) [Рассадин 2015: 110], тем более, что о противоречиях в гипотезе о заимствовании монголами слов из булгарского языка с ротацизмом и ламбдаизмом, игнорирующей чувашские рефлексы интердентального δ , мы уже говорили выше. «Этимологизация» лексики, предполагающая её бесконечное членение, явно зашла в тупик.

Высказанные здесь соображения показывают большую сложность, и вместе с тем особую актуальность и перспективность теории генетического родства алтайских языков. О тупике, в котором оказалась контралтаистика, можно уже не говорить, остаётся только прояснить детали методики. В. И. Рассадин и С. М. Трофимова в своём сопоставительном исследований морфологии тюркских и монгольских языков, вопреки В. Котвичу обнаружили исчезающе малое число сходств в морфологии этих языков [Рассадин, Трофимова 2012: 170]. О чем это говорит? Во-первых, о том, что, по логике авторов, время становления ареальных взаимосвязей монгольских и тюркских языков ещё не наступило, материала, документирующего этот процесс, нет, а, следовательно, и лексические сходства монгольских и тюркских языков должны объясняться как-то иначе, нежели контактирование неродственных языков — нельзя найти в тёмном доме чёрного кота, если его там никогда не было. Во-вторых, чисто конфронтативный метод с полным игнорированием исторической фонетики, которым пользовался В. Котвич и который использовался позже по умолчанию для дискредитации алтайской теории, только и может дать исследователям, что небольшое количество максимально похожих суффиксов и некоторое число случайных совпадений морфем.

В целом на сегодняшний день алтайская теория может считаться доказанной, а методологические издержки в исследовании лексики и морфологии — навсегда преодолёнными. Это открывает хорошие перспективы для сравнительно-исторических исследований и этнолингвистических исследований в алтаистике в новом качестве.

Литература

Бадгаев Н. Б. Основные проблемы сравнительного изучения лексики монгольских языков: история вопроса и перспективы исследования // Вестник Кал-

- мыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2011. № 2. С. 107–110.
- Бурыкин А. А. Заметки на полях книги В. Котвича «Исследование по алтайским языкам»: к истории алтаистики и методике сравнительно-исторических исследований в алтаистике // Acta Linguistica Petropolitana. Том 11. Часть 3. СПб., 2015. С. 128–149.
- Бурыкин А. А. О взаимном соотношении отдельных групп алтайских языков и об относительном объёме изменений в отдельных группах алтайских языков: «древние», «новые» и «новейшие» алтайские языки // Вестник угроведения. 2014. № 4(19). С. 21–33.
- *Дарваев П. А.* Краткое введение в сравнительную монголистику. Элиста, 1989.
- Котвич В. Л. Исследование по алтайским языкам. М., 1962.
- Лиджиев А. Б. Материалы к изучению устаревшей военной лексики калмыцкого языка // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2011. № 1. С. 113–116.
- Монраев М. У. Названия кожи и кожаных изделий в калмыцком языке (этнолингвистический аспект) // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2014. № 3. С. 119–122.
- Номинханов Ц.-Д. Материалы по исторической лексике калмыцкого языка. Элиста, 1975.
- Проблема общности алтайских языков. Л., 1971.
- Проблемы алтаистики и монголоведения. Вып. 2. М., 1975.
- Рассадин В. И., Трофимова С. М. Тюрко-монгольские названия диких хищных и пушных зверей в монгольских языках // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2015. № 4. С. 102–106.
- Рассадин В. И. Очерки по истории сложения тюрко-монгольской языковой общности. Ч. 2: Монгольское влияние на лексику тюркских языков. Элиста: Калмыцкий государственный университет, 2008. 243 с.
- Рассадин В. И. Тюрко-монгольские названия крупного и мелкого рогатого скота в халха-монгольском языке // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2015. № 4. С. 107–111.
- Рассадин В. И., Болд Л. Тюрко-монгольские лексические параллели в составе названий транспортного использования скота в монгольских языках // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2015. № 4. С. 99–103.
- Рассадин В. И., Трофимова С. М. О соотношении монгольских и тюркских грамматических элементов в составе тюрко-монгольской языковой общности. Элиста: Издательство Калмыцкого университета, 2012. 179 с.
- Рассадин В. И. Очерки по истории сложения тюрко-монгольской языковой общности. Ч. 1: Тюркское влияние на лексику монгольских языков. Элиста, 2007. 165 с.
- Серебренников Б. А. Критерии выделения алтайской языковой общности // Проблемы монгольского языкознания. Новосибирск: Наука, 1988. С. 33–41.

Серебренников Б. А. Проблема достаточности основания в гипотезах, касающихся генетического родства языков // Теоретические основы классификации языков мира. Проблемы родства. М.: Наука, 1982. С. 6–62.

Татаринцев Б. И. Монгольское языковое влияние на тувинскую лексику. Кызыл, 1976.

Татаринцев Б. И. Этимологический словарь тувинского языка. Вып. 1–4. Новосибирск, 2000–2008.

ПЕРСОНАЖИ КАЛМЫЦКОЙ СКАЗКИ (на материале записей Г. И. Рамстедта)⁷

Б. Б. Горяева

В начале XX в. Г. Й. Рамстедт, находясь в Калмыцкой степи, в течение двух месяцев собрал обширный фольклорный материал: 22 сказки, около 100 загадок, 200 пословиц, 40 народных песен. Кроме того, он «записал 20 фонограмм калмыцких мелодий, а также сделал множество фотографических снимков из жизни калмыков» [Отчёт ... 1904: 13]. Калмыцкие сказки были изданы исследователем на калмыцком языке (в транскрипции) и в немецком переводе и послужили материалом исследования. Записи учёного представляют сюжеты волшебных, богатырских, бытовых и сказок животных (№ 2).

При анализе под *персонажем* подразумевается любое действующее лицо, субъект действия вообще, представлен он непосредственно или о нем рассказывается [Литературный энциклопедический словарь 1987: 276]. Трактуя термин в широком смысле, мы включаем в число персонажей и мифические существа (небожителей, обитателей нижнего мира), в том числе и божества (*Ноһан Дәрк*, *Цаһан Дәрк*, *Цаһан буурл өвгн*), а также канонизированных религиозных лиц (*пам Зуңква*, *Дала-лам*).

Персонажи фольклора и мифологии калмыков рассматривались в отдельных статьях Т. Г. Басанговой [2011; 2012], Б. Б. Манджиевой исследованы образы героев богатырской сказки и эпоса «Джангар» и его верного помощника — коня [Манджиева 2015]. Ставился вопрос об оцифровке фольклорных произведений [Куканова и др. 2013]; имеется опыт изучения образной системы сказок калмыков с использованием компьютерных технологий [Баянова и др. 2015; Горяева и др. 2015]. В монографиях по ска-

 $^{^7}$ Тезисы подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-14-08002/a(p) «Фольклорный текст сквозь призму компьютерных технологий (на материале записей калмыцких сказок Γ . Рамстедта)».

зочной традиции калмыков исследована система образов волшебной [Надбитова 2011] и богатырской [Сарангов 2015] сказок.

Круг персонажей в рассмотренных сказках достаточно широк. Причём в волшебных и богатырских сказках в отличие от бытовых персонажи связаны более разветвлённым кровным родством (эк-эцк 'родители', аав, эцк 'отец', ээж, эк 'мать', авh 'дядя', ах 'старший брат', ах-ду 'братья', ду 'младший брат', эгч 'сестра', баавhа 'жена', бер 'невестка', кургн 'зять', көвүн 'сын', күүкн 'дочь').

Помимо кровно-родственных отношений персонажей, в изученном материале представлены также межнациональные связи, персонажи имеют разную этническую принадлежность. В бытовых сказках персонаж по номинации *орс* представлен почти в половине текстов, в то время как в волшебных — использование единично. Однако в волшебных сказках широко встречаются наименования других этносов: *маңһд* 'татарин', *хальмг* 'калмык', *шеркс* 'черкес'.

Изученный материал даёт также картину социальных отношений между персонажами. Это представители знати (хан 'хан', хатн 'княгиня', нойн 'нойон', тушмл 'сановник', байн 'богач', эзн 'хозяин') и простолюдины (ялч 'батрак', сөөвң 'слуга'). Некоторые персонажи имеют религиозный сан: гегән 'геген', гелң 'гелюнг', лам 'лама', манж 'монах-послушник'.

В отдельную группу можно выделить тех, кто населяет верхний мир, — небожителей (арагнь 'небесная дева', Теңгрин көвүн 'сын Неба') и хтонические существа (маңhc 'демонический персонаж, чудовище', мус 'оборотень, чудовище', шулм 'черт, бес', эрлг 'злой дух, нечистая сила', Эрлг Номин хан 'владыка подземного царства, повелитель преисподней'), которые появляются только в волшебных и богатырских сказках.

В волшебных сказках можно встретить в качестве персонажей божества буддийского пантеона (Ноhан Дәрк, Цаhан Дәрк, Көгшн авh = Цаhан буурл өвгн), а также канонизированных религиозных деятелей (лам Зуңква, Дала-лам). Этот факт можно объяснить тем, что информантами Γ . Й. Рамстедта являлись представители духовенства (Босхомджи-гелюнг, послушник Бальдер).

Дальнейший анализ персонажей сказок с привлечением дополнительного материала калмыцкой и, шире, монгольской фольклорной традиции позволит выявить роль и место того или иного персонажа в системе образов, а также его культурную значимость.

Литература

- Kalműckische Sprachproben. Gesammelt und herausgegeben von G. J. Ramstedt. Erster Teil. Kalműckische Märchen. Helsingfors: Societe Finno-Ougrienne, 1909. 154 s.
- Kalműckische Sprachproben. Gesammelt und herausgegeben von G. J. Ramstedt. Zweiter Teil. Kalmuckische Märchen. Helsingfors: Societe Finno-Ougrienne, 1919, 155–237 s.
- *Басангова Т. Г.* Культурный герой в мифологии калмыков // Мир Центральной Азии 3. Улан-Удэ, 2012. С. 616–619.
- *Басангова Т. Г.* Демонологические персонажи в фольклоре калмыков // Новые исследования Тувы. 2011. № 2–3 (10–11). С. 269–278.
- Баянова А. Т., Бутаева А. О., Горяева Б. Б., Куканова В. В. Фреймтарий персонажей калмыцкой сказочной традиции (на примере бытовых сказок, записанных Г. Й. Рамстедтом) // Монголоведение в начале XXI века: современное состояние и перспективы развития. Мат-лы Междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию Б. Х. Тодаевой (г. Элиста, 23–26 апреля 2015 г.). В 2-х ч. Ч. 2. Элиста: КИГИ РАН, 2015. С. 42–50.
- Горяева Б. Б., Баянова А. Т., Бутаева А. О., Куканова В. В. Фреймтарий персонажей калмыцкой сказочной традиции (на примере сказок, записанных Г. И. Рамстедтом) // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. Элиста: КИГИ РАН, 2015. № 2. С. 128–140.
- Куканова В. В., Манджиева Б. Б., Горяева Б. Б. Оцифровка фольклорных произведений: вызовы и решения // Известия Высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. 2013. № 6. С. 123–129.
- Литературный энциклопедический словарь / под общ. ред. В. М. Кожевникова, П. А. Николаева. М.: Сов. Энцикл., 1987. 752 с.
- Манджиева Б. Б. Герой богатырской сказки и героического эпоса «Джангар» как защитник Отечества // Вклад регионов и народов юга России в победу в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Мат-лы Всерос. науч.практ. конф. Элиста: КалмГУ, 2015. С. 278–281.
- Манджиева Б. Б. Конь героя в калмыцкой богатырской сказке и в героическом эпосе «Джангар» [электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1. http://elibrary.ru/item.asp?id=23657691
- *Надбитова И. С.* Сюжеты, образы и стилевые традиции калмыцких волшебных сказок. Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2011. 260 с.
- Отчёт д-ра Г. Й. Рамстедта за 1903 год // Известия Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии. 1904. № 2. С. 11–14.
- *Сарангов В. Т.* Поэтика и стиль калмыцкой богатырской сказки. Элиста: изд-во Калм. ун-та, 2015. 108 с.

КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ОПИСАНИЕ И СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ЛЕКСЕМЫ *ЦАЬАН* В УСТОЙЧИВЫХ СОЧЕТАНИЯХ КАЛМЫЦКОГО ЯЗЫКА

В. В. Куканова

Целью доклада является анализ лексемы *цаһан*, встречающейся в составе фразеологизмов, онимов, коллокаций разной структуры и различной степени характера сочетаемости и устойчивости в калмыцком языке, мы отталкиваемся от мысли, что данные единицы, хотя и являются совершенно разными элементами языковой системы, обладая своими собственными дифференцированными признаками, но, тем не менее, имеют общую характерную черту, которая объединяет их в нашем исследовании, — повторяемость в устойчивом виде.

Материалом исследования послужили данные словарей, однако мы не рассматривали в целом поговорки, пословицы, крылатые выражения, лишь изредка привлекая их в качестве материала, хотя они по традиции относятся к идиоматичным выражениям и используются также в готовом виде. Материал был изъят сплошной выборкой из опубликованных словарей, а также использовались данные Национального корпуса калмыцкого языка (http://kalmcorpora.ru) [Куканова 2013]. В материале исследования преобладают компаунды (т. е. сложные слова) по сравнению с онимами и фразеологическими единицами, большая доля материала относится и к коллокационным конструкциям.

История вопроса. Лексема *цаһан* является наиболее исследованной в ряду цветообозначающих слов [Голубева 2006]. Белый цвет является базовым ахроматическим [Омакаева 2009а; 2009б]. Методика анализа апробирована на лексической единице *улан* 'красный' [Куканова, Омакаева 2011]. Последние исследования связаны с выявлением семантики слова *цаһан*, с толкованием значений (прямых и переносных) [Бачаева 2015].

Результаты. Лексема *цаһан* имеет два значения, согласно данным калмыцко-русского словаря [КРС 1977: 622–623], первое связано с обозначением белого цвета (спектр цвета достаточно широкий, судя по фразеологическим единицам и коллокациям, начиная с кипельно-белого и заканчивая серым (серебряным): *цаһан хулһн* 'белая мышь' \rightarrow *цаһан түрсн* 'моло-

⁸ Для проведения данного исследования мы использовали ту версию корпуса, которая является локальной и доступна в специализированной программе TextAnalyzer, позволяющей сортировать иллюстративный материал по левому или правому контексту, получая тем самым наиболее частотные сочетания.

ка' \to *цаһан хала* 'цинк' \to *цаһан мөңгн* 'серебряная монета'). В словарной статье не выделяются переносные значения у имени прилагательного *цаһан*.

На основе классифицирования значений по материалу исследования (фразеологических и онимических единиц) можно выделить следующие семантические группы (за основу взята классификация, выдвинутая в работе [Мазурова 2007], но несколько модифицированная нами):

- 1. обозначение человека по социальной (*цаћан яста улс* 'люди белой кости'), политической (*Цаћан Әәрм* 'Белая Армия') и др. принадлежности;
- 2. описание внешности человека (*хо цаћан чирэто күүкн* 'белолицая девушка');
- 3. обозначение свойств характера (*цаһан саната күн* 'добродушный человек');
- 4. названия частей тела и органов живых существ (бөөсгин цаһан давхрлг 'мозговой слой яичника'; цаһан махн 'прямая кишка', цусна цаһан долдас 'белые кровяные тельца'; нудна цаһан 'белок глаза');
- 5. обозначение болезней (*цаһан долдасин гүлгн* 'лейкоз'; *цаһан цусн* 'лейкемия');
- 6. обозначение растений, рыб, масти животных и т. д. (цаһан цеен 'пион белый'; цаһан шавг 'полынь дернистая'; цаһан удн 'ива белая'; цаһан луувн 'редька'; цаһан боштл 'белая ольха'; цаһан зандн 'кипарис' и др.);
- 7. обозначение пищевых продуктов и других веществ ($uahah \ \partial pk$ 'водка'; $uahah \ hy \ p$ 'белая мука'; $uahah \ \theta \ dm$ 'белый хлеб'; $uahah \ u \ do h$ 'молочные продукты'⁹);
- 8. обозначение природных ресурсов (*цаһан хорһлж* 'олово', *цаһан хала* 'цинк', *цаһан алтн* 'платина', *гиигн цаһан* 'алюминий');
- 9. онимы (Күүкн Цаһан; Мөңгн Цаһан уул; Өл Маңхн Цаһан; Цаһан Усн);
- 10. обозначение возраста 10 (цаһан сахл 'белая борода', цаһан аав 'белый старец', цаһан өвгн 'белый старец', цаһан авһ 'белый старец');

⁹ Не случайно название калмыцкого народного праздника *Цаһан слу* 'Белый месяц'. Т. Г. Басангова пишет: «Праздник, прежде всего, ассоциируется с белым цветом, обозначающим, согласно цветовой символике монгольских народов, счастье, благоденствие, чистоту. Белым это народное торжество называется еще потому, что с наступлением весны калмыки начинали употреблять молочные продукты — *цаһан идән*, т. е. белую пищу, куда входят молоко и его производные (*өрм* — сливки, *тарг* — простокваша, *тосн* — масло,

усноо, ваша, уснятое молоко)» [Басангова 2015].

11. народно-поэтические устойчивые формулы (*Бумбин цаһан өргә* 'белый дворец Бумбы', *доңхһр цаһан ишкә гер* 'высокая белая юрта').

В результате анализа выделенных групп не обнаружены фразеологические единицы с компонентом цаћан, которые отражали бы эмоции, называли бы одежду, относились бы к профессиональной или экономической человеческой деятельности. Основная лексического материала связана со словами, обозначающими растения и животных. С древнейших времён белый цвет является отличительным признаком аристократической группы людей (цаһан ясн 'белая кость'). *Цаһан* обозначает счастье и радость: калмыки желают 'белой дороги' (цаһан хаалһ). Белый цвет может ассоциироваться, на первый взгляд, и с сединой, возрастом, старостью: цаһан өвгн 'белый старец', цаһан аав / авһ 'белый старец'. Однако в культуре калмыцкого этноса *Цаћан өвгн* — божество, известное в монголоведческой литературе как Белый старец, хотя среди калмыков более распространённым именем является Цаћан аав (хозяин земли и воды, покровитель животных, покровитель всего калмыцкого народа, хозяин времени) [Бакаева 2015: 46]. Если привлекать пословицы и поговорки для анализа, то белый цвет ассоциируется со смертью, её приближением, хотя смерть у калмыков трактуется как начало новой жизни и не несёт сугубо отрицательной коннотации.

Большой интерес представляет фразеологизм *хар-цаһан ду эс һарх* 'полное молчание, безмолвие' (букв. черно-белый звук не выходит). Получается, что звук имеет цветовую характеристику, что во многом отражает восприятие самого цвета калмыками, т. е. согласно научной картине мира, белый и чёрный цвета характеризуются как отсутствие цвета вообще. Существует классификация шумов, среди которых можно найти и чёрный, и белый шумы, причём первый характеризуется отсутствием спектра как такового, а второй — равномерной спектральной плотностью. Но, исходя из примеров корпуса, под *цаһан ду* подразумевается тонкий, напоминающий визг звук: *Нәрн цаһан дууһар хәәкрәд*... 'Тонким белым голосом закричав' [Хальмг баатрлиг дуулвр]. В этом примере ярко выражено несовпадение научной и наивной картины мира.

В Калмыцко-русском словаре слово *цаһан* имеет бедную семантическую структуру [КРС 1977: 622–623], хотя слово обладает спектром значения, имея разные типы сцепления значений — радиальную и цепочечную. На наш взгляд, структуру словарной статьи следует представить следующим образом:

¹⁰ Ср. с пословицами: θ ргнә пословицами: — үклин зәңг 'седина в бороду — весть о смерти', Cахл μ анан θ олхла, μ үкл θ θ θ θ θ θ θ когда борода θ ела, то смерть θ лизка'.

- 1) имеющий цвет снега, молока (противоположный чёрному): об одежде: *цаһан киилг* 'белая рубашка', *цаһан альчур* 'белый платок'¹¹; о предметах, покрытых снегом или инеем: *цаһан тег* 'белая степь';
- о коже человека: *цаһан көвүн* 'белый мальчик', *цаһан күүкн* 'белая девочка', *цаһан чирә* 'белая кожа';
- о цвете шёрстного покрова животных: *цаһан арсн* 'белый мех', *цаһан мөрн* 'белая лошадь';

постоянный эпитет рук, ладоней: *цаһан һар* 'белые руки', *цаһан альхн* 'белые ладони';

- о народах, обладающих светлой, белой кожей: *цаћан поляк* 'белый поляк';
 - 2) ясный, светлый: цаһан өдр 'светлый день';
 - 3) чистый: цаһан цаасн 'белая / чистая бумага', цаһан усн 'чистая вода';
- 4) сделанный из светлых металлов (меди, аллюминия, олова, цинка): *цанан суулh* 'цинковое (?) ведро', *цанан кастрюль* 'аллюминиевая (?) кастрюля':
- 5) действующий против Советской власти: *цаһан генерал* 'белый генерал', *цаһан дивизь* 'белая дивизия', *цаһан банд* 'белая банда';
- 6) аристократический: *цаһан ясн* 'белая кость', *цаһан нойн* 'белый нойон';
- 7) счастливый, радостный, благополучный: *цаһан хаалһ* 'белая дорога', *цаһан байр* 'белая радость';
- 8) священный, волшебный, обладающий чарами: *цаһан бө* 'белый шаман', *әрүн цаһан удһн* 'белая святая волшебница';
- 9) нравственно безупречный: *цаһан санан* 'чистые мысли', *цаһан седкл* 'добродушие'.

Таким образом, концептуальное описание лексемы *цаћан* на основе анализа семантики и коннотации фразеологических и онимических единиц даёт совершенно широкое представление о белом цвете как о базовом культурном концепте, одной из важнейших составляющих языковой картины мира калмыцкого этноса. В ходе исследования было установлено, что лексема *цаћан* входит в ядро фразеологизмов с цветовым компонентом и несёт в основном положительную семантику во фразеологических и онимических единицах.

 $^{^{11}}$ Э. П. Бакаева проанализировала в своей статье данный головной убор, имеющий сакральное значение [Бакаева 2014].

Литература

- Бакаева Э. П. Белый платок в культуре торгутов Монголии (к вопросу о происхождении и символике) // Полевые исследования Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. Элиста: КИГИ РАН, 2014. С. 4–28.
- Бакаева Э. П. К исследованию этнической специфики образа божества Белый старец у ойратов Монголии и калмыков России (по материалам полевой экспедиции по Убсунурскому аймаку Монголии) // Проблемы этнической истории и культуры тюрко-монгольских народов. Элиста: КИГИ РАН, 2015. № 3. С. 43–78.
- Басангова Т. Г. Вербальный компонент праздника Цагаан Сар («Белый месяц») у калмыков [электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. 2015. № 1. URL: http://www.tuva.asia/journal/issue_25/7762-basangova.html (дата обращения: 12.12.2015).
- Бачаева С. Е. Формулы-толкования цветообозначающих имён прилагательных (на материалах песен эпоса «Джангар») // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2015. № 1. С. 80–85.
- Голубева Е. В. Национально-культурная специфика картины мира в калмыцком языке (на примере культурных концептов): автореф. дис. на соиск. канд. фил. наук. М., 2006. 25 с.
- КРС Калмыцко-русский словарь / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Русский язык, 1977. 768 с.
- Куканова В. В. О Национальном корпусе калмыцкого языка // Актуальные проблемы диалектологии языков народов России: Мат-лы XIII Междунар. конф. (Уфа, 13–14 сентября 2013 г.). Уфа, 2013. С. 209–212.
- Куканова В. В., Омакаева Э. У. Фразеологические и онимические единицы с компонентом-цветообозначением улан в калмыцком языке в свете лингвокогнитивного подхода // Научная мысль Кавказа. 2011. № 1 (65). Ч. 2. С. 44–49.
- Мазурова В. В. К вопросу об английской цветовой картине мира (на материале фразеологических единиц) // Вестник СПбГУ. 2007. Вып. 1. Ч. 2. С. 151–155
- Омакаева Э. У. Колоративный образ этнической культуры: лингвоцветовая картина мира и базовая хроматическая лексика в монгольских языках (к постановке проблемы) // Единая Калмыкия в единой России: через века в будущее. Мат-лы Междунар. науч. конф., посвящ. 400-летию добровольного вхождения калмыцкого народа в состав Российского госудасртсва (Элиста, 13–18 сентября 2009 г.). Ч. 2. Элиста: ЗАОр «НПП "Джангар"», 2009а. С. 269–276.
- Омакаева Э. У. Цветовые представления калмыков сквозь призму типологии языков и типологии культур // Культурно-историческое взаимодействие русского языка и языков народов России. Мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. (9–12 ноября 2009 г.). Элиста: изд-во Калм. ун-та, 2009б. С. 84–88.

ИНТЕГРИРОВАННАЯ СЛОВАРНАЯ БАЗА ДАННЫХ КАЛМЫШКОГО ЯЗЫКА: К ВОПРОСУ ОБ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКЕ КАЛМЫЦКО-НЕМЕЦКИХ СЛОВАРЕЙ XIX И XX вв.

В. В. Куканова, Е. В. Бембеев

Конец XX в. и начало XXI в. прошло в активном поиске различных возможностей применения компьютерных технологий в области лингвистики и, прежде всего, в оцифровке рукописных источников, словарей и т. д. Тенденция, которая наметилась на рубеже веков, приносит теоретические и практические результаты и для лингвистов, и для текстологов. В 2012 г. языковеды КИГИ РАН приступили к созданию Словарного модуля Национального корпуса калмыцкого языка, под которым понимается интегрированная словарная база данных, основанная на опубликованных и рукописных словарях калмыцкого языка [Очирова 2012; Мулаева 2013]. Поскольку данные словари не только оцифровались в виде словарного текста¹², но и были размечены в соответствии с структурой словарной статьи, что позволяет осуществлять поиск по её различным зонам [Очирова, Куканова 2012].

Необходимость оцифровки старописьменных и «фонематических» ¹³ словарей диктуется многими задачами: во-первых, ревитализация языка [Очирова 2013], пополнение грамматического словаря для создания корпуса «ранних» текстов на калмыцком языке [Бембеев 2015], исследование лексических единиц [Бембеев 2012; Очирова 2013].

В рамках данного обзора описываются результаты проведённой работы по разработке Словарного модуля Национального корпуса калмыцкого языка, а также дальнейшие задачи в ходе выполнения указанного проекта. В результате работы уже оцифрованы следующие словари:

- Позднеев А. М. Калмыцко-русский словарь в пособие к изучению русского языка в калмыцких начальных школах. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии наук, 1911. 306 с.;
 - Смирнов П. Русско-калмыцкий словарь. Казань, 1857. 127 с.;
 - Русско-калмыцкий словарь анонимного автора (XVIII в.), 104 с.;

¹² Хотя и такая работа проводилась, результатом ее стало переиздание лексикографиче-

фиксируется не в орфографической записи, а в виде транскрипции, что повышает значи-

мость словаря с точки зрения исследования живой калмыцкой речи.

ского источника [Русско-калмыцкий словарь ... 2014]. ¹³ Калмыцко-немецкий словарь, составленный Г. Рамстедтом [Ramstedt 1935], по праву можно отнести к так называемому фонематическому типу, поскольку заголовочное слово

• Львовский М. Калмыцко-русский словарь (1893 г.).

Одним из результатов работы в данном направлении является ряд исследований, материалом которых стали Русско-калмыцкий словарь анонимного автора и Русско-калмыцкий словарь П. Смирнова [Бембеев 2014; Мулаева 2012; 2014]. «Русско-калмыцкий словарь анонимного автора» отражает живую калмыцкую речь XVIII в., а транслитерация и даже порой транскрипция некоторых заголовочных слов представляют большой интерес для изучения фонетических процессов калмыцкого языка, многие из которых в той или иной степени нашли своё отражение в тексте исследуемого памятника [Русско-калмыцкий словарь ... 2014: 39].

Неоцифрованными и неразмеченными из важнейших лексикографических источников остаются два словаря: 1) Цвик Г. А. Handbuch dler Westmongolischen (1853 г.), 2) Ramstedt G. Kalmukisches Wotrerbuch (1935 г.). Они представляют собой профессионально составленные для того времени словари, имеющие разветленную структуру словарной статьи и основанные на устной и письменной речи калмыков. Последняя особенность является наиболее важной, поскольку словарный текст, как правило, основан на письменных источниках.

Сложность оцифровки данных словарей заключается в их особенностях. Первый словарь имеется в КИГИ РАН только в фотокопиях, их качество оставляет желать лучшего. Текст рукописный, перевод осуществлён на немецкий язык с использованием готического письма, который имел распространение в Германии практически до начала XX в., поэтому требует специалиста в данной графической системе, чтобы с учётом плохого качества разобрать написание перевода. Качество второго словарного текста высокое, поскольку текст печатный, поскольку текст имеет позднюю публикацию (1935 г.). Сложность его оцифровки заключается именно в самих символах, многие из них имеют диакритические символы. При автоматическом распознавании программой ABBYY FineReader Pro при использовании функции обучения ошибки имеются в большом количестве. В двух словарях перевод осуществляется на немецкий с той лишь разницей: в первом случае используется готическая графическая система, во втором — современная.

Проанализируем макро- и микроструктуру двух словарей.

Макроструктура словаря, подготовленного Г. Рамстедтом, состоит из:

- 1) авторского предисловия; 2) введения (грамматического очерка о языке);
- 3) указателя сокращений, используемых в словаре; 4) словарные статьи;
- 5) индекса лексем на немецком языке с указанием страницы, где данное слово упоминается.

Макроструктура словаря, подготовленного Г. А. Цвиком, включает: 1) введение, где описан алфавит старокалмыцкой письменности; 2) словарные статьи; 3) индекс лексем на немецком языке с указанием страницы, где данное слово упоминается.

Интересно оформление словаря Г. А. Цвика: словарные статьи размещены в двух колонках на странице, причём колонки очерчены как внутренней, так и внешней границами. На развороте страницы имеются особо оформленные колонтитулы, расположенные не традиционно, как в словаре в верхней части страницы, а в слева и справа на развороте, т. е. в месте, где страницы смыкаются, отсутствуют надписи. В «колонтитулах» отмечаются заголовочные слова, упоминаемые первыми и последними на странице. В словаре Г. Й. Рамстедта в качестве колонтитула используется сочетание двух первых «букв» (в символах финно-угорской транскрипции) лексемы.

Словари Г. А. Цвика и Г. Й. Рамстедта абсолютно разные по использованию графической системы: в первом случае — это «тодо бичиг» (ясное письмо), во втором — это финно-угорская транскрипция, которая является системой фонематического письма.

Что касается заголовочных слов, то в словаре Г. Й. Рамстедта при беглом анализе заголовочные слова в основном приводятся в начальной форме, в редких случаях в качестве заголовочного слова выступают глагольные формы с каузативными аффиксами. В словаре Г. А. Цвика, то здесь и начальная форма, и словоформы. Словарь Г. А. Цвика снабжён иллюстрациями (см., например, рис. 1), например, божеств (с. 256, 391), оружия (с. 136), буддийских и других символов (с. 264, 400).

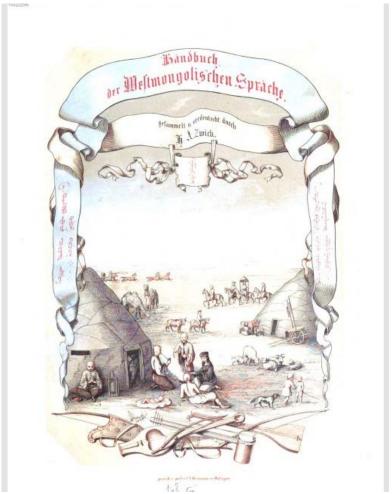

Рис. 1. Титульный лист словаря Г. А. Цвика

В результате создания интегрированной лексикографической базы данных калмыцкого языка исследователи могут получить неограниченные возможности сравнения словарного фонда в диахронии и синхронии.

Литература

Ramstedt G. Kalmukisches Wotrerbuch. Helsinki, 1935. 560 p.

Zwick H. A. Handbuch der Westmongolischen Sprache. Druck von Ferd. Forderer in Villingen Schwarzwald, 1853. 479 p.

Бембеев Е. В. «Ранние» двуязычные словари как источники изучения лексики калмыцкого языка // Писменото наследство и информационните техноло-

- гии. El'Manuscript–2014 Материали от V международна научной конф. София; Ижевск, 2014. С. 243–246.
- Бембеев Е. В. «Ранние» словари как основа для создания формализованного описания старописьменного калмыцкого языка // З. К. Касьяненко Учитель и монголовед (посвящается 90-летию): материалы Междунар. конф. СПб., 2015. С. 14.
- *Бембеев Е. В.* Графо-фонетический анализ согласных по данным «Русскокалмыцкого словаря анонимного автора XVIII в.» // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2014. № 4. С. 96–101.
- Мулаева Н. М. «Русско-калмыцкий словарь анонимного автора XVIII в.»: общая характеристика лексикографического источника // Вестник Калмыцкого университета. 2014. № 4 (24). С. 41–48.
- Мулаева Н. М. Русско-калмыцкий словарь Пармена Смирнова как источник изучения лексики калмыцкого языка // Участие калмыков в укреплении российской государственности: Мат-лы регион. науч.-практ. конф., посвящ. 1150-летию российской государственности и Году российской истории. Элиста: КИГИ РАН, 2012. С. 188–192.
- Мулаева Н. М. Электронное издание старописьменных калмыцких словарей XVIII начала XIX вв. в аспекте сохранения языка // XLII Международная филологическая конференция. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2013. С. 16–18.
- Очирова Н. Ч. «Ранние» словари калмыцкого языка и современные информационные технологии // Участие калмыков в укреплении российской государственности: Мат-лы регион. науч.-практ. конф., посвящ. 1150-летию российской государственности и Году российской истории. Элиста: КИ-ГИ РАН, 2012. С. 184–187.
- Очирова Н. Ч. Калмыцко-немецкие и калмыцко-русские словари XVIII начала XX вв. как лексикографические памятники и источники изучения лексики калмыцкого языка // Слово и словарь: Мат-лы Междунар. науч. конф. СПб., 2013. С. 60–63.
- Очирова Н. Ч. Оцифровка «ранних» калмыцких словарей как одна из возможностей ревитализации языка // XLII Международная филологическая конференция. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2013. С. 18–20.
- Очирова Н. Ч., Куканова В. В. К вопросу о разработке Словарного модуля в Национальном корпусе калмыцкого языка // Научное наследие профессора А. Ш. Кичикова и актуальные проблемы современной калмыцкой филологии и культуры. (Кичиковские чтения). Мат-лы регион. науч. конф., посвящ. 90-летию со дня рождения профессора А. Ш. Кичикова. Элиста: КалмГУ, 2012. С. 108–110.

Русско-калмыцкий словарь анонимного автора, XVIII в. [электронное издание] / транслит. Мулаева Н. М., Очирова Н. Ч.; сост. Куканова В. В., Мулаева Н. М.; отв. ред. Бембеев Е. В., Куканова В. В. Элиста: КИГИ РАН, 2014. 570 с.

РОЛЬ ПРОФЕТИЧЕСКОГО ЖАНРА В ЛИТЕРАТУРЕ КАЛМЫКОВ (на материале «Поучения Джибцзун Дамба Хутухты»)

Б. В. Меняев

Письменная традиция калмыков представлена широким диапазоном литературных жанров [Омакаева 2010]. Среди ойратов и калмыков очень популярными были «пророчества», приписываемые ургинскому Джибцзун-Дамбе-хутухте. Джибцзун Дамба-хутухта — титул, который носили лица, занимавшие пост главы буддийской церкви Монголии. Впервые он был присвоен в 1650 г. Далай-ламой V Агван Лобсан Джамцо сыну правителя Тушетухановского аймака Монголии. В заглавиях некоторых списков рукописей имеется информация о том, кто именно из людей, носивших титул Джибцзун-Дамба-хутухта, является автором «Поучения». Известный российский монголовед А. М. Позднеев пишет о монгольских Джибцзун Дамба хутухтах следущее: «Глава буддийского духовенства в Монголии, Чжибцзун-Дамба хутухту почитается хубилганом (воплощением) знаменитого проповедника буддизма в Индии и Тибете, Таранаты (1573-1635), полное имя которого Чжибцзун-Дараната-Гунга-Нинбо. Касательно этого имени, употребляемого ныне каждым из ургинских хутухт, мы можем заметить, что хубилганы монгольского хутухты только со времени перенесения своей деятельности в Монголию сделались известны под именем Чжибцзун-Дамба и несомненно заимствовали его от своего славного первообраза, так как до времени Даранаты имя Чжибцзун-Дамба не было именем ни одного из его хубилганов. Монголы имеют летопись перерождений своего великого ламы, начиная со времён будды Шигэмуния, и из неё видно, что Чжибцзун-Дамба-лама перерождался два раза в Монголии, раз в Индии, затем десять раз в Тибете, и там же постоянно до настоящего времени» [Позднеев 1880]. К личности V Джибцзун-Дамбахутухте Позднеев даёт пояснения: «Пятый Гэгэн родился в 1815 г., имя его Лубсан-Цолдом-Чжигмит. Он получил посвящение в Тибете и был перевезён в Монголию. В среде монголов о V гэгэне не осталось почти никаких воспоминаний, без сомнения, потому что он не производил никакого особенного впечатления и, кажется, был личностью совершенно бесхарактер-

ною, не имевшего ничего своего и вполне подчиняющегося влиянию окружающих лам. Склонность к праздности, отсутствие всякой системы в образе действий, мизерное честолюбие и какая-то жалкая робость, кажется, составляют единственные черты, проглядывающие во всех его распоряжениях. Он скончался в 1842 г.» [Позднеев 1880: 17]. По другим данным, V Богдо-гэгэн родился в 1815 г. Он был сыном тибетского чиновника Гонпо Дондупа, и местом его рождения является селение Ригдзин Бутэд недалеко от Поталы. Был привезён в Их-Хурэ в 1820 г. в сопровождении наставника Лобсана Джамьяна, у которого обучался в течение десяти лет. Маньчжурский император Даогуан отказал ему в традиционном визите в Пекин, наказав обучаться в Монголии. В 1834 г. гэгэн основал Майдардацан. Посетил цинскую столицу несколькими годами позже, чем полагалось, располагая лишь своими собственными средствами. Вернувшись в Их-Хурэ в 1836 г., он испросил позволения перенести свою ставку подальше от китайского торгового квартала в место на холме Далхын, где через два года был основан монастырь Гандантэгченлин, куда сразу же потянулось духовенство с целью получения буддийского образования, зная о том, что Богдо-гэгэн распорядился зачислять на учёбу каждого желающего. В 1840 г. вновь посетил Пекин. В 1841 г., согласно его пожеланию, его наставник Брагри Ёнзон Дамцагдорж основал в Их-Хурэ Ламрим-дацан. Помимо этого, рядом с Ганданом в период его жизни были построены два цанид-дацана — Гунгаачойлин и Дашчойнпэл, а также Бадам-Ёга-дацан, позже получившие собирательное название Гандан-Хурэ. Получив от Дамцагдоржа посвящение в Наро-дакини, Богдо-гэгэн основал Нарохажид-дацан. Скончался в 1841 г. в Гандане в возрасте 26 лет [Ломакина 2006: 20-21].

Анализируемое сочинение, популярное у калмыков и широко распространённое среди всех ойратских племён, имеет разные названия, но почти идентично по содержанию [Лунный свет 2003; Меняев 2014: 143–150]. Заглавия списков сочинения варьируются: «Boqdo Jibazan Damba blama gegeni zarligiyin altan bičiq orošiba», «Boqdo Jibzun Damba-yin lüngdün orošiboi», «Boqdo Jibzun Dambayin tabuduyār gegēni zarliq», «Boqdo Jibezan Damba xutuqtin gegeni zarliqgin bičiq orošiba», «Boqdo Jibzang Dambayin lüngdün». В соответствии с названием автором сочинения является один из богдо-гэгэнов Монголии, которые носили титул «Джибцзун Дамба хутухта» [Позднеев 1880: 17]. Сочинение представляет собой наставления Джибцзун-Дамбы верующим и монахам, призыв строго следовать учению Будды. Здесь говорится о почитании трёх Драгоценностей (Будда, его Учение и монашеская община), о пользе чтения священных книг, в которых содержатся проповеди Будды Шакьямуни, о чтении мани — буддий-

ской шестислоговой мантры «ом ма ни пад ме хум» и восхвалении Ламе Цзонкапе «Мигзем». В «Поучении» также идёт речь о почитании родителей, младшими старших. Старшим, в свою очередь, указано хорошо заботиться о младших (калм. $c entiresize{a} entiresize{a} entiresize{a} entiresize{a}$). На тех, кто не будет почитать три драгоценности, не будет почитать родителей, обрушатся всевозможные болезни, и после смерти они низвергнутся в ад (калм. mamd yhx). Интересно то, что автор призывает «не браниться, если нет дождя и не растёт трава», что говорит о том, что «послание» адресовано кочевникам. Тем самым автор предостерегает верующих от совершения греха речи. Калмыцкие монахи читали верующим молитвы. Миряне в свою очередь заучивали их наизусть и в дни поста (калм. $mauz entiresize{a} entiresize{a}$), в свою очередь, читали своим домочадцам. Делалось это с целью просвещения мирян в буддизме, наставлении их на путь буддийского спасения. Посредством таких текстов доносились основы буддизма широкой массе верующих, которые не были сведущи в тонкостях буддизма.

В рукописных фондах и библиотеках хранится множество списков «Поучений Джибцзун Дамба-хутухты» [Меняев 2015: 273]. Как отмечает монголовед Д. Н. Музраева, среди верующих калмыков были популярны «Поучения» не только на ойратском языке, но и на тибетском [Музраева 2012: 42]. «Поучения Джибцзун Дамба-хутухты» также имеются в частных рукописных коллекциях ойратов Синьцзяна [Меняев 2012: 175–179].

Тематическое содержание памятника можно разделить на две части. Первую часть можно обозначить как призыв автора следовать Учению Будды, почитать три драгоценности. Ко второй части можно отнести сами «пророчества», где говорится о наказаниях, насылаемых тем, кто, следуя учению Будды, не будет почитать три драгоценности. Такими «наказаниями» для человечества являются природные катаклизмы.

«Поучение Джибцзун Дамба-хутухты» было настолько популярным среди верующих, что послужило появлению устных версий, а то и вариантов. В устной версии присутствовали новые «пророчества». В устных вариантах поучительный тон произведения был заменён на пророческий, в котором основной акцент был сделан на «грядущих» катаклизмах. Это говорит, что текст был понят верующими именно как «пророческий» и многими современными калмыками воспринимается как «Книга предсказаний», где указаны все исторические перипетии, с которыми столкнётся в будущем весь калмыцкий народ [Бичеев 2003: 78]. Пожилые знатоки обрядности передают подрастающему поколению так называемые «отрывки» из «Поучения», которых на самом деле нет в тексте «Поучения Джибцзун Дамба-хутухты». В них, например, присутствует пророчество о появлении самолёта, телевизора, телефона, поезда, т. е. реалий современ-

ной жизни. Также многие верующие говорят об ухудшении отношений между родственниками (будут жить, как собаки, — не зайдут друг другу в дом). Можно говорить о появлении нового жанра калмыцкого фольклора «Әәлдхл» («Пророчества»), который стал популярным среди верующих. О том месте, какое занимало «Әәлдхл» («Предсказание») в калмыцкой культуре, говорит тот факт, что упоминание о нем вошло в роман народного писателя Калмыкии Константина Эрендженова «Һалан хадһл» («Береги огонь»), где есть эпизод, как читали «Әәлдхл»: «Боорцг кетн, цә чантн, — гиж гергн күүкн хойртан заачкад — хур татад, хальмг ут дуд дуулж өгәд, моңһлар бичгдсн «әәлтхлин бичг» умиж өгәд, сән гидгәр сергәж хонулв» («Делайте боорцоки, варите чай», указав жене и дочери, стал играть на хуре (музыкальный инструмент), спел протяжные песни, прочитал «Книгу предсказаний, которая написана на монгольском языке», хорошо провели время) [Эрендженов 1979: 155].

В тексте самого памятника предсказаниям отведена второстепенная роль. Они носят общий характер, как-то: упадок нравственности приведёт к тому, что сын не будет почитать отца и мать; монахи перестанут почитать учителей-наставников; сильный будет угнетать слабого; будет война, брожение умов, пожары и наводнения; мужчины и женщины не будут вместе; костьми людей покроется земля; дни и ночи станут холодными. Порождение мифа о существовании некоей «Книги предсказаний» лишний раз подтверждает, что комплекс суеверий, связанных с традициями чёрной веры, не был вытеснен из сознания масс. В периоды бурных социальных катаклизмов и падения влияния религии в обществе этот комплекс суеверий вновь начинал доминировать в народном сознании.

Среди ойратов Китая имело хождение произведение «Čings хап boqdo gegen erdeni Sabya Bančin boqdoyin zarliq mongyol ulusiyigi medetuyai giji tarxabai» («Наставление Чингис-хана, Богдо-гегена, Панчен-ламы распространённое для монголов и для их понимания»). Это небольшое по объёму произведение распространено среди ойратов Синьцзяна. Написано на ойратском «ясном письме». Содержанием этого сочинения является поучение верующим ойратам, чтобы они не забывали основ Учения Будды, почитали три драгоценности и т. д. Интересным моментом в этом «Наставлении» является то, что ойратов призывают не есть еды и не носить одежды иноверцев (буру номта), в данном случае мусульман (уйгуров, дунган и казахов). Также идёт речь о пагубности употребления насвая — табачной смеси. Здесь говорится, что его используют иноверцы-мусульмане. Дым и запах насвая доходит до Хормусты-тенгрия (добуддийский персонаж), который в свою очередь выражает недовольство людьми и может наслать различные болезни и несчастья. Главной мыслью этого сочинения

является наставление ойратам не ассимилироваться в иноязычном окружении, сохранить ритуальную чистоту буддизма.

Таким образом, мы видим что «Поучение Джибцзун Дамба-хутухты» повлияло на культуру калмыков, стали распространяться устные версии и варианты «Поучения», в которые вошли вкрапления «пророчеств», не характерных для произведений жанра «поучение» (сургаал). В подражание «Поучению Джибцзун Дамба-хутухты» появились оригинальные произведения, написанные уже в XX веке, что весьма обогатило культуру и литературу калмыков.

Литература

- *Бичеев Б. А.* Этнообразующие доминанты духовной культуры западных монголов (ойратов). Элиста: КалмГУ, 2003.
- Ломакина И. И. Монгольская столица, старая и новая. М.: КМК, 2006. 261 с.
- Лунный свет. Калмыцкие историко-литературные памятники / пер. с калм., сост., ред., вступ. ст., предисл., коммент. А. В. Бадмаева. Элиста: Калм. кн. издво, 2003. 477 с.
- Меняев Б. В. К характеристике ойратских рукописей и ксилографов, хранящихся в частных коллекциях Синьцзяна // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2012. № 4. С. 175–179.
- Меняев Б. В. Поучение Джибцзун Дамба хутухты: интерпретация текста [электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2–2. С. 273. URL: http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=22931 (дата обращения: 01.12.2015).
- Меняев Б. В. Список рукописи «наставления V Богдо Джибцзун Дамба гэгэна» (Boqdo JibzunDambayin tabuduγār gegēni zarliq) // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2014. № 4. С. 143–150.
- Музраева Д. Н. Буддийские письменные источники на тибетском и ойратском языках в коллекциях Калмыкии. Элиста: ЗАОр «Джангар», 2012. 224 с.
- Омакаева Э. У. Письменная традиция // Калмыки. Сер. «Народы и культуры». М., 2010. С. 382–387.
- *Позднеев А. М.* Ургинские хутухты. Исторический очерк их прошлого и современного быта. СПб., 1880. 84 с.
- *Эрендженов К.* Э. Береги огонь. Роман. На калмыцком языке. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1979.

108

К ИЗУЧЕНИЮ ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ НАУЧНОГО АРХИВА КИГИ РАН

(по исследованиям последних лет)

Д. Н. Музраева

Исследование письменного наследия монгольских народов является одним из важных направлений современных монголоведения и тибетологии. Одним из ценнейших источников изучения книжной культуры, переводческой традиции калмыков и ойратов являются письменные источники, хранящиеся в фондах научного архива Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. Эти материалы не раз выступали объектом исследования, перевода и публикаций [Бичеев 2015; Музраева 2015]. При этом авторы работ в первую очередь обращали внимание на формат письменных источников: среди них имеются как рукописные [Меняев 2014], так и печатные (ксилографические) издания известных сочинений [Баянова, Санджиев 2012].

Заслуживает внимания рассмотрение и таких вопросов, как состав и содержание этих текстов, их жанровая принадлежность, включённость / не включённость в буддийские канонические своды Ганджур и Данджур.

Первое, на что обращают внимание исследователи переводной литературы, это язык, на котором записаны (составлены) эти тексты — старописьменный монгольский или ойратский. Несмотря на то, что в архивном собрании монгольских текстов преобладают списки на ойратском «ясном» письме, наличие целого ряда текстов на монгольском языке не случайно. В истории сложения переводной литературы ойратов и калмыков особое место занимает период, связанный с деятельностью ойратского просветителя Зая-пандиты Намкай Джамцо (1599–1662). Как хорошо известно из монголоведной литературы, его переводческая деятельность в первой трети XVII в. начиналась с переводов именно на монгольский язык, ввиду того что ойратская письменность была создана им позднее в 1648 г.

Поскольку исходный язык, с которого переводили калмыки, их исторические предки ойраты, — тибетский, большой интерес представляют вопросы перевода тибетских сочинений на монгольские языки. Анализ текстов ойратских переводов в сопоставлении с их оригиналами на тибетском языке занимает важное место в работах ученых-переводоведов, рассматривающих переводы отдельных буддийских текстов и как процесс, и как результат. Так, в частности, поднимаются вопросы тибетомонгольской интерференции в ойратских памятниках [Корнеев 2014], осо-

бенности перевода отдельных морфологических форм с тибетского языка на ойратский [Корнеев 2015] и др.

Особое место в ряду исследуемых письменных источников занимают двуязычные тексты: тибетско-монгольские, тибетско-ойратские. Они не только дают нам возможность ознакомиться с оригиналом текста, но и изучать практику перевода, характер и степень знания тибетского языка переводчиком и т. д. Образцом последних может послужить хранящийся в научном архиве КИГИ РАН список буддийского текста «Субхашиты» — сочинения известного учёного XIII в. Сакья-пандиты Кунга-Гьялцена (1182–1251) [Музраева 2015]. Авторство этого сочинения подтверждается данными колофона, в котором приводится его имя — Kun dga' rgyal mtshan dpal bzang po (Кунга-Гьялцен Балсанпо) [Legs par bshad ..., л. 82a].

Указанный источник помимо того, что даёт уникальную возможность ознакомиться с содержанием известного памятника, позволяет выявить особенности передачи смысла тибетского текста в ойратском подстрочнике. Данный памятник позволяет установить, какого направления в способах перевода придерживался переводчик, к каким приёмам прибегал.

Приведём некоторые примеры из текста, в котором параллельно с тибетским текстом приводятся строки ойратского перевода:

Тиб.:

ngan pa ji ltar bcos gyur kyang / rang bzhin bzang po 'byung mi srid / sol ma 'bad de bkrus na yang / kha dog dkar po mi srid do //

Ойр.:

teneqgi kedu činen yasadaq bolobačü eberčilen sayin bološ uge nuürsigi keceyed uyadaq bolobaču cayan öngge yaraš uge

Перевод:

'Сколько бы ни исправлял глупого, Невозможно изменить, сделать лучше. Как бы старательно ни отмывал уголь, Не станет белым (белого цвета)' [Legs par bshad ..., л. 32a].

Данный список как нельзя лучше иллюстрирует работу переводчика, являющегося одновременно и переписчиком текста. Изначально на листах этой рукописной книги были воспроизведены строки тибетского оригинала (по три строки горизонтального текста с большими интервалами между

ними для вписывания вертикальных строк на ойратском письме). Примечательным для этого текста является то, что не все тибетские фрагменты снабжены ойратским подстрочником, причём есть фрагменты, в которых лишь две из четырёх строк тибетской строфы сопровождает ойратский перевод. В некоторых фрагментах автор-переводчик вместо полного перевода строки подписывает лишь отдельное слово или словосочетание на ойратском письме. Ещё один штрих к рассматриваемому тексту касается подбора эквивалентов лексики: к отдельным словам ойратского перевода подобраны варианты, которые вписываются в скобках.

Анализ письменных памятников из рукописного собрания КИГИ РАН позволяет отметить, насколько важно их изучение для разработки вопросов переводоведения на материале монгольских и ойратских текстов, их первоисточников на тибетском языке, а также изучения проблем археографии буддийской литературы у монголов и ойратов в единстве распространения буддийского учения и книжности.

Литература

- Legs par bshad pā'i rin po che'i gter zhes byas pa gzhugs so / Sayin nomlalyin erdnīn sang kemekü oršiba ('Драгоценная сокровищница благих наставлений'). Рукопись на тибетском и ойратском языках. 82 л. (10х26 см). Научный архив КИГИ РАН. Ф–8. Оп. І. Ед. хр. 115.
- Баянова А. Т., Санджиев Ч. А. Роль Казани в истории книгопечатания на калмыцком и монгольском языках // Тюркоязычная книга: наследие веков. Мат-лы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. истории тюркоязычной книги. Казань: Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова, 2012. С. 169–172.
- Бичеев Б. А. О публикации памятников калмыцкой старописьменной литературы // Проблемы изучения национальных литератур: Мат-лы междунар. науч. конф. Махачкала: Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы ДНЦ РАН, 2015. С. 544–550.
- Корнеев Г. Б. Некоторые проблемы тибето-монгольской интерференции в ойратских рукописных памятниках XVII в. (на материале сутры «Царь благих пожеланий») // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2014. № 3. С. 111–118.
- Корнеев Г. Б. Особенности функционирования вопросительных местоимений ali и aliba в ойратских переводах с тибетского языка (на материале сутры «Царь благих пожеланий») // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2015. № 4. С. 132–136.
- Меняев Б. В. Список рукописи «Наставления V Богдо Джибцзун-Дамба Гэгэна» (на материале сочинения «Поучения Джибцзун-Дамба-ламы») // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2014. № 4. С. 175–182.

Музраева Д. Н. К проблеме исследования двуязычных буддийских текстов (на материале текстов «Субхашиты» из научного архива КИГИ РАН) // Монголоведение в начале XXI века: современное состояние и перспективы развития. Мат-лы Междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию Б. X. Тодаевой. 2015. С. 67–69.

Музраева Д. Н. О гарчаке (оглавлении) рукописи перевода Тугмюд-гавджи (О. М. Дорджиева) // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2015. № 3. С. 148–154.

О ПУНКТУАЦИОННОМ ОФОРМЛЕНИИ ТЕКСТОВ ПЕСЕН «ДЖАНГАРА» ПРИ СОСТАВЛЕНИИ ТОЛКОВОГО СЛОВАРЯ (обособление деепричастий и деепричастных оборотов)

Н. М. Мулаева

В Калмыцком институте гуманитарных исследований РАН с целью сохранения, развития и исследования калмыцкого языка осуществляется создание Толкового словаря языка калмыцкого героического эпоса «Джангар». На начальном этапе работы необходимо провести подготовку текстов эпоса «Джангар» для их морфологической обработки в программе, созданной для Национального корпуса калмыцкого языка ¹⁴ [Куканова и др. 2012; Куканова и др. 2014; Бембеев и др. 2014]. Некоторые из текстов ранее не публиковались, часть из них была передана для работы отделом фольклора и джангароведения КИГИ РАН, ведущим работу по подготовке многотомного Свода калмыцкого фольклора [Манджиева 1999; 2009; Убушиева 2011; 2011а].

Перед морфологической обработкой необходимо унифицировать оформление текстов песен «Джангара» в соответствии с нормами орфографии и пунктуации калмыцкого языка, при этом сохранить их лексические и синтаксические особенности. Данная работа необходима для того, чтобы программа морфологического анализатора могла автоматически выделять, например, коллокации, фразеологизмы, идиомы, парные слова с учётом знаков препинания. Если в предложении при выделении синтаксического оборота запятая или запятые стоят неверно, то без учёта знаков препинания программа автоматического анализа не сможет правильно определить границы устойчивых сочетаний.

¹⁴ В 2013 г. запущена тестовая версия Национального корпуса калмыцкого языка (http://kalmcorpora.ru).

При переложении текстов песен циклов эпоса «Джангар» на современный калмыцкий язык оформление текстов проводилось согласно правилам пунктуации, которые ещё недостаточно чётко разработаны для современного калмыцкого языка.

Целью настоящей статьи является постулирование ряда правил, связанных с пунктуационным оформлением деепричастий и деепричастных оборотов в калмыцком предложении.

Основываясь на трудах Г. Д. Санжеева [1973], У. У. Очирова [1990; 2011], Г. Ц. Пюрбеева [Пюрбеев 2010], Э. У. Омакаевой [2011а; 2011б], а также на правилах пунктуации, разработанных в родственном бурятском языке [Правила орфографии ... 2009], мы постулируем ряд правил пунктуации для деепричастий и деепричастных оборотов в калмыцком предложении, которыми мы руководствовались при подготовке текстов песен эпоса «Джангар» для составления Толкового словаря.

Правила составлены нами только на языковом материале эпоса «Джангар», который обнаруживает признаки литературного языка: обработанность (сложившийся набор формул — поэтических, ораторских, правовых, обиходно-бытовых), наддиалектность, функционально-стилистическую вариативность, что позволяет предположительно отнести его к раннему периоду истории ойратского литературного языка, к истокам его зарождения [Салыкова 2007]. В настоящей статье мы не претендуем на полноту описания правил обособления деепричастий и деепричастных оборотов в современном калмыцком языке.

Обособление одиночных деепричастий

- 1. Обстоятельственные одиночные деепричастия (условные деепричастия с аффиксами -хла/-хлә, -вас/-вәс; предельные -тл; последовательные -хларн/-хләрн; предварительные -м; продолжительные -сар/-сәр; целевые -хар/-хәр; уступительные -вчн/-вч) обособляются независимо от занимаемой позиции в предложении, например: Хойр алхад, **hypвдхла**, шархин амн деер hapч ирчкәд, унл уга бәәһәд бәәв [ЭО: IX].
- 2. Сопутствующие одиночные деепричастия (соединительные деепричастия с аффиксами -ж/-ч; слитные -н; разделительные -ад/ад, -haд/-haд) обособляются в инициальной и медиальной позициях в предложении, например: **Босхж**, наар-цаар йовулн бааhaд, шарин зурhан миңhн арвн хойр бийарн шинждэж баана [ЭО: I].
- 3. Не обособляются одиночные сопутствующие (соединительные, слитные, разделительные), а также обстоятельственные (целевые, условные, продолжительные) деепричастия, которые в сочетании со вспомогательными глаголами боо- и боо- образуют неосложненное

составное глагольное сказуемое, например: *Хар-цоохр тугинь шуучж* хавтхлад, нәәмн түмн хар һалзн агтынь **зогсж** бәәнә [ЭО: V].

4. Не обособляются одиночные сопутствующие деепричастия (соединительные, слитные, разделительные), а также обстоятельственные (целевые), которые в сочетании со вспомогательными глаголами образуют неосложненное составное глагольное сказуемое, основное содержание которого заключено в деепричастии, например: Шар Ширмин хан, көвүн уга хан, энүг көвүчлж авв [ШД: 1].

Обособление деепричастных оборотов

- 1. Обстоятельственные деепричастные обороты обособляются независимо от места расположения по отношению к сказуемому, например: *Тёр адунтн баадг болхла*, эзн богд Жаңһр минь, Арнзл хурдн Зеердан намд хаарлтн [БМ: III].
- 2. Сопутствующие деепричастные обороты обособляются независимо от места расположения по отношению к сказуемому, например: *Тёр бийнь*, **эмр бийн**, **эрэ бийнь** [ЭО: II].
- 3. Деепричастный оборот в предложении может состоять из двух или нескольких одиночных деепричастий, в таких случаях между деепричастиями внутри оборота запятые не ставятся, например: *Тёр тоосн Теңгрин орхһр цаһан үүлнлә худхлдад*, **күрсәр күрәд**, ирдг болна [ОБ: I].
- 4. Если в предложении деепричастный оборот стоит на стыке простых предложений в составе сложного или между однородными членами предложения, то он обособляется запятыми, например: *Арвн хойр күн Хоңһриг бәрәдд, авад ирхвид, муурад ирхләрн*, *Хоңһр маниг дуудн уульх* [ЭО: II].

Обособление однородных и неоднородных

одиночных деепричастий и деепричастных оборотов

- 1. Одиночные однородные деепричастия отделяются запятыми, например: *Сәәдүдин көвүднь мөргн, сөгдн, зөвән күргн бәәнә* [ЭО: I].
- 2. Однородные деепричастные обороты обособляются запятыми, например: **Йовсн кергән номин йосар күцәж**, алтн жолаһан хәрү эргүлж, алдр нойн богдын ар Бумбин орнд амр тавта ир! [ЭО: I].
- 3. Неоднородные деепричастные обороты отделяются запятыми, например: *Барун эркно тогти тусхла*, хол haspm йовсн Харвада көвүнадуч хотта цусн болад, хольврад, унад одв [ШД: III].

Таким образом, пунктуационное оформление деепричастий и деепричастных оборотов в калмыцком языке, как и в других языках, строится на синтаксической основе, однако исходным моментом для строения предложения и для выбора знаков препинания является смысловая сторона речи. В данной статье мы попытались сформулировать лишь некоторые правила обособления деепричастий и деепричастных оборотов на материале

песен эпоса «Джангар», которые, как и другие правила пунктуации, требуют дальнейшей тщательной разработки в калмыцком языке, с учётом стилистического многообразия и динамичности калмыцкой речи.

Литература

- Бембеев Е. В., Куканова В. В., Каджиев А. Ю. Частотный словарь современного калмыцкого языка: правила анализа текстового материала // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2014. № 3. С. 128–141.
- Куканова В. В., Бембеев Е. В., Мулаева Н. М., Очирова Н. Ч. Национальный корпус калмыцкого языка: архитектура и возможности использования // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2012. № 3. С. 138–150.
- Куканова В. В., Каджиев А. Ю. Алгоритм работы морфологического парсера калмыцкого языка // Писменото наследство и информационните технологии [Текст]: Материали от V международна науч. конф. (Варна, 15–20 септември 2014 г.) / отг. ред. В. А. Баранов, В. Желязкова, А. М. Лаврентьев. София. Ижевск, 2014. С. 116–119.
- Манджиева Б. Б. Старокалмыцкая рукопись «Джангара». Малодербетовский список // Актуальные проблемы алтаистики и монголоведения (язык и литература). Тезисы докладов и сообщений Международного симпозиума, посвящ. 400-лет. со дня рождения основателя ойратской письменности Заяпандиты и 390-летию добровольного вхождения калмыцкого народа в состав России. Ч. 1. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1999. С. 106–107.
- Манджиева Б. Б. Шавалин Даван бөлгүдин урн-зокъмж (Композиционные особенности эпических песен репертуара Давы Шавалиева) // Единая Калмыкия в Единой России: через века в будущее. Мат-лы Междунар. науч. конф., посвящ. 400-летию добровольного вхождения калмыцкого народа в состав Российского государства (Элиста, 13–18 сентября 2009 г.). Элиста, 2009. Ч. 2. С. 113–118.
- Омакаева Э. У. Проблемы текстообразования в фольклорном дискурсе: жанр калмыцкой песни в свете лексикографического и корпусного подходов // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2011а. № 1. С. 21–27
- Омакаева Э. У. Типология моделеобразующих членов предложения в калмыцком и монгольском языках в свете глагольно-актантной теории. Улан-Батор: «Найман од» XXK, 2011. 240 с.
- Очра У. Өдгә цагин хальмг келн. Синтаксис. 2-гч hapц. Современный калмыцкий язык. Синтаксис. Учебное пособие. Изд. 2-е. Элст: Хальмг дегтр haphaч, 2011. 232 х.
- Очра У. Өдгэ цагин хальмг келн. Синтаксис. Элст: Хальмг дегтр haphaч, 1990.

- Правила орфографии и пунктуации бурятского языка: под общ. ред. д-ра фил. наук, проф. Л. Д. Шагдарова. Буряад хэлэнэй бэшэгэй дүрим. 2-е изд. с изм. и доп. Улан-Удэ, «Бэлиг», 2009. 168 с.
- *Пюрбеев Г. Ц.* Грамматика калмыцкого языка. Синтаксис. 2-е изд., перераб. Элиста: КИГИ РАН, 2010. 299 с.
- Салыкова В. В. Лексико-стилистические особенности языка синьцзян-ойратской и калмыцкой версий эпоса «Джангар»: дис. ... канд. фил. наук. Элиста, 2007. 317 с.
- Санжеев Г. Д. Вопросы пунктуации (Тезисы к докладу) // Учёные записки Калмыцкого НИИЯЛИ. Вып. XI. Сер. филологии. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1973. С. 173–176.
- Убушиева Д. В. Песня «О битве богатыря Алого Хонгора с Авланги ханом» в записи от Бадмы Обушинова (к вопросам текстологии) // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2011а. № 1. С. 168–173.
- Убушиева Д. В. Текстологический анализ песен из репертуара сказителя Мукебюна Басангова // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2011б. № 2. С. 150–152.

ЭПИЧЕСКИЙ МИР «ДЖАНГАРА» В ФОРМУЛЬНОМ ПРЕЛОМЛЕНИИ¹⁵

Э. У. Омакаева, Е. Э. Хабунова, А. Алимаа

Калмыцкая эпическая традиция занимает особое положение в фольклорном пространстве монголоязычных народов. Любой фольклорный текст существует во времени и пространстве. Это основные категории этнической картины мира, в том числе калмыцкой [Батырева С., Батырева К. 2015].

С точки зрения генезиса калмыцкий героический эпос «Джангар» прошёл в своём развитии сложный путь, взаимодействуя на ранних этапах своей эволюции с устными традициями различных народов, а впоследствии на территории современной Калмыкии развивался в сравнительно изолированных условиях [Омакаева, Манджиева 2003; Манджиева, Омакаева 2011]. В силу этого здесь сохранились в сравнительно большей степени, чем в других тюрко- и монголоязычных эпосах, архаичные явления, в том числе и эпические константы.

116

¹⁵ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 14-24-03004.

В эпосе можно обнаружить текстовые сегменты, характеризующиеся повторяемостью, константностью, облегчающие сказителю запоминание и воспроизведение текста. Богатый арсенал эпических констант представлен в тексте стереотипными формулами, являющимися в языковом отношении словосочетаниями или элементарными синтаксическими конструкциями.

Формулы, на которых основывается традиция сказительства, отличаются лаконичностью, образностью, тематическим разнообразием (например, описания богатырей и связанных с ними предметов и ситуаций: богатырского дворца, воинского снаряжения, конской сбруи, бега коня, богатырского поединка, пира и т. п.). О такого рода особенности способа сложения эпической устной поэзии писал ещё Лорд: «Этот способ заключается в построении метрических стихов и полустиший посредством формул и формульных выражений и в построении песен с помощью тем» [Lord 1960: 4].

Ценность изучения таких формульных конструкций калмыцкого героического эпоса «Джангар» заключается, прежде всего, в том, что в эпическом тексте наиболее рельефно отражена фольклорная картина мира, в которой сосуществуют разновременные представления, законсервированные в языке. Знание эпической картины мира и формул, словесно её воплощающих, позволяет сказителю воссоздавать текст всякий раз заново [Неклюдов 2005].

Объектом нашего исследования стали в первую очередь видоизменяющиеся формулы, зафиксированные в различных эпических текстах. Важно выявить специфику функций эпических формул и мотивацию их трансформаций.

Для того чтобы составить достаточно полное представление о формуле и составляющих её компонентах, необходимо выяснить, как соотносится формула с другими базовыми понятиями современной фольклористики («общее место», «тема» и т. д.), и определить, каково её место в системе структурных единиц эпического текста. От этого зависит не только уточнение дефиниции самой формулы, но постановка проблемы, задач и выбор методов исследования, определение категории формульности в целом и лингвистического статуса формульных конструкций.

Калмыцкая фольклористика в целом и эпосоведение в частности накопили значительный объем знаний о фольклорном тексте, его конституирующих признаках и категориях, в частности, эпических темах, общих местах и др. [Селеева 2011; 2012; 2013; Манджиева 2011]. Но в решении вопроса о разграничении формулы и смежных понятий до сих пор нет единства мнений. При определении формулы внимание исследователей

обращается, как правило, на её устойчивость, стереотипность, повторяемость.

Обзор монголоведческих работ, касающихся проблемы формульности эпического текста, показывает, что в данное понятие исследователи иногда вкладывают разное содержание. Высказываются порой полярные точки зрения на эту проблему. Часто формулы отождествляются с так называемыми общими или типическими местами.

Мы понимаем под формулой словесный комплекс объёмом от полустроки (полустиха) до 4-х строк, представляющий собой интонационное лексико-синтаксическое единство и выступающий как ядро общего места в эпосе. Это такая текстовая микроединица, семантика которой определяется семантикой целого текста или микротекста, являющегося основным структурным компонентом эпического текста.

В пределах одного макротекста (цикла) или даже текста одной песни, а тем более в разных локальных версиях часто встречаются разные варианты одной и той же эпической формулы. Вариативность и частотность формул мы рассматриваем как показатель их традиционности или территориальной маркированности лексем, входящих в состав этих словесных комплексов.

Идентификация и классификация формул осуществляется нами путём изучения их ритмической организации, типа синтаксической конструкции, лежащего в их основе, и ключевых слов различной частеречной принадлежности, относящихся к разным тематическим и лексикосемантическим группам. Нами выявлено лексические (замена некоторых компонентов синонимами) и грамматические (разные падежные формы) варианты формулы.

Таким образом, формирование тематико-мотивного единства эпоса и сети глубинных межтекстовых связей обеспечивается наличием в калмыцкой эпической традиции фонда словесных формул, которые в совокупности образуют каркас текста в силу выполняемых ими функций, среди которых выделим прежде всего текстообразующую и проективную.

Литература

Lord Albert Bates. The Singer of Tales. Harvard Studies in Comparative Literature, 24. Cambridge: Harvard University Press, 1960. Rpt. New York: Atheneum, 1968 et seq. and Harvard University Press, 1981.

Батырева К. П., Батырева С. Г. Этническая картина мира как культурное наследие калмыков // Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия. Сб. науч. ст. / отв. ред. И. И. Горлова. Ростов н/Д, 2015. С. 345–356.

- Манджиева Б. Б. Сохраняемость и изменяемость типических мест в калмыцком героическом эпосе «Джангар» // Монголоведение. Вып. 5. Элиста: КИГИ РАН, 2011. С. 287–301.
- Манджиева Б. Б., Омакаева Э. У. К вопросу о генезисе эпоса «Джангар» в контексте ойратской эпической традиции // «Джангар» и эпические традиции народов Евразии. Мат-лы междунар. науч. конф. Элиста: КИГИ РАН, 2011. С. 93–99.
- Неклюдов С. Ю. Семантика фольклорного текста и «знание традиции» // Славянская традиционная культура и современный мир: сб. мат-лов науч. конф. М., 2005. Вып. 8. С. 22–41.
- Омакаева Э. У., Манджиева Б. Б. Актуальные проблемы современного джангароведения // Монголоведение. 2003. Вып. 2. С. 26–39.
- Селеева Ц. Б. Динамические и статические свойства пространства и времени в калмыцком героическом эпосе «Джангар» // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2011. № 1. С. 173–177.
- Селеева Ц. Б. Об указателе эпических тем (из опыта составления) // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2012. № 4. С. 122—126.
- Селеева Ц. Б. Указатель тем калмыцкой и синьцзян-ойратской версий эпоса «Джангар». Элиста: КИГИ РАН, 2013.

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ В ИССЛЕДОВАНИИ КАЛМЫЦКОЙ СКАЗКИ И ЭПОСА «ДЖАНГАР»

Ц. Б. Селеева

К настоящему времени отечественной и зарубежной фольклористикой накоплен богатый опыт теоретических и методологических приёмов для решения сложных задач в изучении сюжетосложения, поэтики, имманентной структуры сказочных и эпических текстов. Современные исследования представляют собой синтез традиционных и нетрадиционных теоретических приёмов, выполненных в русле комплексных и междисциплинарных подходов [Омакаева, Манджиева 2003].

Актуальны исследования сказочных и эпических текстов с использованием теоретических аспектов структуральной и когнитивной лингвистики, связанных с поиском сущности текста, установлением его иерархической структуры, рассмотрением плана содержания и плана выражения, функциональности, с позиций моделирования. Различные методики когнитивного анализа текста оперируют понятиями макроструктуры, макропропозиции, когниотипа, модели ситуации, концепта, фрейма и др.

Анализ калмыцких сказочных текстов через призму понятия «фрейм» предпринят исследователями А. Т. Баяновой, А. О. Бутаевой, Б. Б. Горяевой, В. В. Кукановой [Баянова и др. 2015: 42–49] с целью описания типизированной структуры сказочной ситуации, которое даёт возможность «для изучения сказки как продукта речемыслительной и когнитивной деятельности, в котором находят отражение модельные конструкты, недоступные непосредственному наблюдению и содержащие архетипы культуры монгольских народов» [Баянова и др. 2015: 42].

На теории «устности Пэрри-Лорда» в исследовании эпического нарратива, учитывая также подходы Б. Кербелите, а также формального подхода с учётом концепции построения эпического сюжета как цепи ситуаций и событий ситуативно-локально-временно обусловленных единиц, базируются исследования Ц. Б. Селеевой [Селеева 2012; 2013а; 2013б]. В «Указателе тем калмыцкой и синьцзян-ойратской версий эпоса «Джангар» автором систематизированы интертекстуальные повторы (темы — в понимании А. Лорда) эпического текста в двух версиях «Джангара» — калмыцкой и синьзян-ойратской [Селеева 2013]. Автор выделяет макротемы (совокупность доминантных эпических сюжетов), темы (характерные эпические ситуации) и микротемы. Указатель эпических тем имеет (помимо практической) и теоретическую значимость — выявляется степень типизации сюжетных компонентов в рамках отдельного репертуарного цикла и степень их трансформации в синьцзян-ойратской традиции.

Исследователи Э. У. Омакаева, Б.Э. Убушиева и Е. Э. Хабунова в своём исследовании [2014] ставят вопрос о необходимость создания свода поэтических сегментов, характеризующихся устойчивостью форм, постоянством и частотностью употребления в фольклоре монгольских народов. Это позволит, по их мнению, охарактеризовать основополагающие для фольклорного сознания монголоязычных народов константы и выявить соотношение общемонгольского, регионального и этнолокального в выявленном фонде. В эпосе «Джангар» они выделяют макро- и микроконстанты по следующей определённой тематической схеме [Хабунова, Омакаева 2013].

Интересны исследования по теории сложения эпического текста известного фольклориста В. М. Гацака. Разработанная им система синоптического анализа фольклорного текста позволяет рассмотреть эпическую традицию и степень её вариативности и трансформации в процессе устной коммуникации на примере разновременных записей того или иного сказителя. В русле экспериментальных подходов разработанных В. М. Гацаком в области теории художественных констант, Е. Э. Хабуновой проведено исследование поэтико-стилевой общности трёх основных национальных

версий «Джангара» по анализу констант «жизненного цикла богатыря» [Хабунова 2006]. Методом синоптического анализа (В. М. Гацак) рассмотрена степень варьирования эпического текста в отдельной локальной традиции и ряд этнопоэтических константных особенностей [Манджиева 2013]. С использованием данных подходов Д. В. Убушиевой рассмотрены мотивы и константные поэтико-стилевые единицы, а также этнолокальные особенности песен калмыцкой версии «Джангара» [Убушиева 2012].

Таким образом, современные комплексные и междисциплинарные подходы открывают новые возможности в исследованиях сказочных и эпических текстов, что позволяет выявить их существенные особенности.

Литература

- Баянова А. Т., Бутаева А. О., Горяева Б. Б., Куканова В. В. Фреймтарий персонажей калмыцкой сказочной традиции (на примере бытовых сказок, записанных Г. И. Рамстедтом) // Монголоведение в начале XXI века: современное состояние и перспективы развития: Мат-лы межд. науч. конф., посвящ. 100-летию Б. Х. Тодаевой (г. Элиста, 23–26 апреля 2015 г.). Ч. ІІ. Элиста, КИГИ РАН, 2015. С. 42–49.
- Манджиева Б. Б. К вопросу о сохранности и вариативности эпических тем в калмыцком эпосе «Джангар» (Малодербетовский цикл 1862 г.) // Проблемы центральноазиатского фольклора: вербальный текст и этнокультурные традиции. Улан-Удэ; Иркутск, 2013. С. 154–162.
- Омакаева Э. У., Убушиева Б. Э., Хабунова Е. Э. Этнопоэтические константы героического эпоса монгольских народов: к проблеме выявления и формирования единого фонда // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 4. С. 490.
- Омакаева Э. У., Манджиева Б. Б. Актуальные проблемы современного джангароведения // Монголоведение. Элиста, 2003. С. 26–39.
- Селеева Ц. Б. Об указателе эпических тем (из опыта составления) // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2012. № 4. С. 122—126.
- Селеева Д. Б. Указатель эпических тем (из опыта составления на материале калмыцкой и синьцзян-ойратской версий героического эпоса «Джангар») // Новые российские гуманитарные исследования. Эпос народов Европы и Азии. От сюжетного указателя к тексту: методология и практика систематизации фольклорного наследия. Мат-лы междунар. науч. конф. (Москва, ИМЛИ РАН, 5–7 ноября 2013 г.) № 8. 2013а. http://nrgumis.ru. Видеоматериал.
- Селеева Ц. Б. б Указатель тем калмыцкой и синьцзян-ойратской версий эпоса «Джангар». Элиста: КИГИ РАН, 2013б. 276 с.
- Убушиева Д. В. Сохранность и вариативность эпического текста (материал трёх разносюжетных песен Багацохуровского цикла калмыцкого героического эпоса «Джангар») // Научное наследие профессора А. Ш. Кичикова и ак-

- туальные проблемы современной филологии и культуры (Кичиковские чтения). Мат-лы регион. науч. конф., посвящ. 90-летию со дня рождения профессора А. Ш. Кичикова. 2012. С. 133–135.
- Хабунова Е. Э. Героический эпос «Джангар»: поэтические константы богатырского жизненного цикла (сравнительное изучение национальных версий). Ростов н/Д: СКНЦ ВШ, 2006. 256 с.
- Хабунова Е. Э., Омакаева Э. У. Фонд этнопоэтических констант фольклора монгольских народов // Эпос народов Европы и Азии. От сюжетного указателя к тексту: методология и практика систематизации фольклорного наследия. Новые российские гуманитарные исследования. Мат-лы междунар. науч. конф. (Москва, ИМЛИ РАН, 5–7 ноября 2013 г.). № 8. М., 2013. http://nrgumis.ru. Видеоматериал.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАЛМЫЦКОЙ ЭМИГРАЦИИ: К ВОПРОСУ ИЗУЧЕНИЯ

Д. Ю. Топалова

Калмыцкое литературная эмиграция, история которой берет начало в конце 1920-х гг., как проблема актуальна и предопределяет многоаспектность исследовательского внимания. Однако до начала 1990-х гг. эта тема, как известно, была полностью закрыта. Сегодня время вынужденного молчания миновало. Настал период, когда мы можем изучать деятельность калмыцких литераторов-эмигрантов, ибо, несмотря на многие исторические обстоятельства, а также идеологические принципы, связанные с резко осуждением «эмигрантского охвостья» [Барабаш 2000: 3], эта неисследованная часть была и остаётся бесценным достоянием калмыцкой культуры.

Основные научные работы, прослеживающие пути развития литературной деятельности калмыцкого зарубежья, условно можно разделить на три группы: во-первых, это работы социально-исторического характера, прослеживающие историю появления калмыцких общин за рубежом, их общественно-историческую, просветительскую и издательскую деятельность: монография П. Э. Алексеевой «Эренжен Хара-Даван и его наследие» (2012), сборник статей «О людях и времени» [Алексеева 2010], монография А. Т. Горяева и И. В. Борисенко «Очерки истории калмыцкой эмиграции» [Горяев, Борисенко 1998], серия статей А. Борманжинова «Записки о калмыцкой диаспоре» [Борманжинов 1998], «Санжи Балыков» [Борманжинов 2004], Д. А. Шарманджиева «Из истории калмыцкой эмиграции ХХ в. в европейские страны и США» [Шарманджиев 2013], «Кал-

мыцкая молодёжь в эмигрантском движении XX в.» [Шарманджиев 2011], «Об изучении участия калмыцкой молодёжи в эмигрантском движении XX в.» [Шарманджиев 2011], А. Т. Баяновой «Первые хрестоматии в книжной культуре калмыков» [Баянова 2012], «Калмыцкие эмигрантские издания в книжной культуре калмыков» [Баянова 2013], «Хонхо как феномен книжной культуры калмыцкого зарубежья» [Баянова 2014], монография Э. -Б. Гучиновой «Улица Kalmuk Road: история, культура идентичности в калмыцкой общине» [Гучинова 2004]. Во-вторых, это литературоведческие работы: диссерт. исследование Б. А. Бичеева «Влияние письменных памятников и фольклора на развитие калмыцкой литературы (20-30 гг.)», а именно глава III «Литературная деятельность калмыцкой эмиграции (20-30 гг.)» [Бичеев 1991], монография Р. А. Джамбиновой «Литература Калмыкии: проблема развития», а именно глава III «Калмыцкая литература как объект исследования» [Джамбинова 2003], статьи Д. Ю. Топаловой «Национальное своеобразие рассказов С. Б. Балыкова «Растоптанный тюльпан», «У незримой стены» [Топалова 2015], «Литература калмыцкой эмиграции: рассказ С. Балыкова «У незримой стены» в аспекте национальной самобытности» [Топалова 2015]. С. Балыкова «Растоптанный тюльпан» в свете национальных традиций» [Топалова 2015]. Все названные работы посвящены анализу творчества одного из самых ярких и самобытных представителей калмыцкой литературной эмиграции С. Б. Балыкова. К этой же группе относится статья Т. Г. Басанговой «Обряды и обрядовый фольклор калмыков в романе С. Балыкова «Девичья честь», в которой особое внимание уделяется обрядовым застольным песням, а именно песням с подношением («соңгин дун») [Басангова 2015: 171]. В песнях героического эпоса «Джангар» воспеваются прекрасный Алтай, мировое дерево Галбар Зандан (Огненный сандал), хан Джангар — воплощение волшебного драгоценного камня Чиндамани. В историко-бытовой повести С. Балыкова «Девичья честь» приводятся тексты произведений «О Маныче-реке» и об одиноком дереве [цит. по: Басангова 2015: 171]. В целом Т. Г. Басанговой отмечается богатый, колоритный язык, используемый писателем при изображении народных обычаев, обрядов, праздников. Вплетённые определённой канвой пословицы, поговорки, афоризмы и крылатые выражения отражают суть событий и отношений между героями, а также в некоторой степени отражают фольклорную традицию описываемого времени [Басангова 2015: 171].

К третьей группе можно отнести работы лингвистического характера, отличающиеся особой основательностью и любопытными размышлениями. Речь идёт о статьях А. А. Бурыкина, содержащих в себе лингвистический и стилистический анализ художественных произведений Санджи Ба-

лыкова: «Калмыцкие слова, южнорусская региональная лексика и калмыцко-русское двуязычие как средства создания этнического и регионального колорита в русскоязычной калмыцкой литературе (на материале творчества С. Балыкова)» [Бурыкин 2006], «Донские диалектизмы и южнорусская лексика в языке русскоязычной прозы калмыцкого писателя Санжи Балыкова» [Бурыкин 2006]. Особый интерес учёного к творчеству калмыцкого писателя-эмигранта был вызван рядом причин. Так, отмечается, что творчество писателя-эмигранта С. Балыкова даёт в распоряжение языковой материал, независимый от той стилевой традиции регионально ориентированных сюжетов и описаний, которая зародилась в отечественной художественной литературе ещё до официального утверждения социализма <...>» [Бурыкин 2006: 110]. По мнению учёного, «<...> С. Балыков вне зависимости от своей биографии может быть отнесён к первому поколению калмыцких писателей, пишущих по-русски и предназначающих свои произведения для русскоязычных читателей или читателей-полиглотов, каких представляла собой европейская калмыцкая диаспора 1920-х-1940-х годов» [Бурыкин 2006: 110]. В последнюю очередь интерес к материалу связан с этнографизмом произведений С. Балыкова [Бурыкин 2006: 110]. Постановка проблемы, связанной с изучением языка произведений С. Балыкова, открывает обширный материал для изучения художественной речи и, кроме того, весьма чётко демонстрирует то, что «автор — калмык, получивший светское образование и пишущий порусски был тонким и исключительно своеобразным стилистом. Калмыцкие слова, слова восточного происхождения, диалектизмы, принадлежащие донским говорам, южно-русская региональная лексика и украинизмы, проникающие в южнорусские говоры, служат в романе средством демонстрации того, как по воле времени и главное — по воле обстоятельств этническое насыщение описываемого в романе пространства сменяется региональным» [Бурыкин 2006: 127].

Таким образом, подходя к вопросу изучения указанного вопроса, можно отметить, что при фактической неразработанности проблематики калмыцкого национального зарубежья общие и частные вопросы все же были изучены, а некоторые темы уже введены в научный оборот. Ныне ощущается потребность обобщить и систематизировать имеющийся материал, накопленные предшественниками факты и информацию. Кроме того, несомненно, необходимо дальнейшее осмысление и включение в научный оборот известных и неизвестных фактов из жизни калмыцкой эмиграции, комплексное и целостное исследование её литературной и в целом культурной деятельности, идеологических и эстетических особенностей, в том числе выявление проблемы национальной идентичности, пожалуй, одной

из существенных проблем литературы в условиях изгнания. В этом смысле речь идёт о «перечтении, переосмыслении», а также «системном анализе и объективной оценке» [Барабаш 2000: 3] всего имеющегося материала, как из литературного наследия, так и из историко-документального фонда. Все эти и другие вопросы несут в себе некую загадку и остаются не до конца познанными и малоизученными. Осознать истинную ценность литературной деятельности калмыцкой эмиграции, её подлинное место в калмыцкой культуре в целом — важнейшая задача, требующая своего разрешения.

Литература

- Алексеева П. Э. Эренжен Хара-Даван и его наследие: сборник статей и материалов. Элиста: Изд. дом «Герел», 2012. 350 с.
- Алексеева П. Э. Люди и судьбы. Сборник статей. Элиста: АПП «Джангар», 2010. 141–167 с.
- *Барабаш Ю. Я.* Вступительные заметки // Литературное зарубежье: проблема национальной идентичности. Вып. І. М.: Наследие, 2000. С. 3–7.
- Басангова Т. Г. Обряды и обрядовый фольклор калмыков в романе С. Балыкова «Девичья честь» // Идель-Алтай: история и традиционная культура народов Евразии. III Международный форум, посвящ. 90-летию доктора филологических наук, профессора С. С. Суразакова (14—15 июля 2015 г., Горноалтайск). Горноалтайск: Горно-Алтайская типография, 2015. С. 170—171.
- *Баянова А. Т* Калмыцкие эмигрантские издания в книжной культуре калмыков // Язык и культура. Сб. ст. по мат-лам XXXIX междунар. науч.-практ. конф. № 8. Новосибирск, 2013. С. 6–10.
- $\it Eаянова A. T. «Хонхо» как феномен книжной культуры калмыцкого зарубежья [электронный pecypc] // URL: http://sibac.info/conf/philolog/xxxix/39044 (дата обращения: 01.12.2016).$
- Баянова А. Т. Первые хрестоматии в книжной культуре калмыков [электронный ресурс] // URL: http://didacts.ru/dictionary/1013/word/bukvar (дата обращения: 01.12.2016).
- Бичеев Б. А. Влияние письменных памятников и фольклора на развитие калмыцкой литературы (20–30 гг.): автореф. ... канд. фил. наук. М., 1991. 21 с.
- *Борманжинов А.* Записки о калмыцкой диаспоре // Теегин герл. 1998. № 6. С. 65–69.
- Борманжинов А. Санжи Балыков // Теегин герл. 2004. № 4. С. 65–69.
- Борманжинов A. Санжи Балыков. Краткий очерк жизни и литературной деятельности // Балыков С. Б. Девичья честь: Историко-бытовая повесть. Элиста, 1993. С. 270–278.

- Бурыкин А. А. Донские диалектизмы и южнорусская лексика в языке русскоязычной прозы калмыцкого писателя Санжи Балыкова // Путь к родному слову. Сборник научных статей к 60-летию профессора Р. П. Кудрявцева. Волгоград: Изд-во ВГПУ. Библ. «Перемена», 2006. С. 52–62.
- Бурыкин А. А. Калмыцкие слова, южно-русская лексика и калмыцко-русское двуязычие как средство создания этнического и регионального колорита русскоязычной калмыцкой литературы (на материале творчества С. Балыкова) // Русская речь в национальном окружении: сб. науч. тр. / под ред. Т. С. Есеновой и др. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2006. Вып. III. С. 109–130.
- *Гучинова* Э. Б. Улица Kalmuk Road: История, культура идентичности в калмыцкой общине США. СПб.: Алетейя, 2004. 340 с.
- Джамбинова Р. А. Возвращение // Теегин герл. 1991. № 6. С. 117–121.
- Джамбинова Р. А. Критерий исследования научная этика // Литература Калмыкии: проблемы развития. Элиста: АПП «Джангар», 2003. С. 150–161
- Джамбинова Р. А. Шаги духовного примирения: к 100-летию писателя Санджи Балыкова // Теегин герл. 1993. № 5. С. 91–104.
- Топалова Д. Ю. «Национальное своеобразие рассказов С. Балыкова «Растоптанный тюльпан», «У незримой стены» // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2015. № 4. С. 161–166.
- Топалова Д. Ю. Литература калмыцкой эмиграции: рассказ С. Балыкова «У незримой стены» в аспекте национальной самобытности // Проблемы изучения национальных литератур: Мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. (25–27 июня 2015 г., Махачкала). Махачкала: Институт языка, литературы и искусства им. Гамзата Цадасы. С. 342–349.
- Топалова Д. Ю. Рассказ С. Балыкова «Растоптанный тюльпан в свете национальных традиций // Мат-лы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию Б. Х. Тодаевой (23–26 апреля 2015 г., г. Элиста). Элиста: КИ-ГИ РАН. С. 98–102.
- Шарманджиев Д. А. «Из истории калмыцкой эмиграции XX в. в европейские страны и США» // Этнографическое обозрение. 2013. № 3. С. 117—124
- Шарманджиев Д. А. Калмыцкая молодёжь в эмигрантском движении XX в. Гуманитарная наука Юга России: международное и региональное взаимодействие. Мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. (20–23 сентября 2011 г., г. Элиста). Элиста: Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН, 2011. Ч. 1. С. 155–159.

Шарманджиев Д. А. Об изучении участия калмыцкой молодёжи в эмигрантском движении XX в. // Шестые Ковалевские чтения. Мат–лы науч.-практ. конф. (11–12 ноября 2011 г., Санкт-Петербург) / отв. ред. Ю. В. Асочаков. СПб.: Скифия-принт, 2011. С. 1087–1089.

127

ЭТНИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА НАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ КАЛМЫКИЯ

Н. В. Бадмаева, Б. В. Иджаева

Для полной характеристики социума необходимо выявление особенностей структуры расселения на той или иной территории, анализ пространственно-демографических изменений, происходивших на ней. Население Республики Калмыкия, как и население других регионов страны, имеет сложный этнический состав. По данным Всероссийской переписи населения 2010 г., в республике проживает 289 481 чел., которые являются представителями более 90 национальностей. Самыми многочисленными этническими группами в республике являются калмыки (162,7 тыс. чел.) и русские (85,7 тыс. чел.), а также казахи (4,9 тыс. чел.), украинцы (1,5 тыс. чел.), немцы (1,1 тыс. чел.), народности Дагестана (11,6 тыс. чел.), чеченцы (3,3 тыс. чел.), турки-месхетинцы (3,6 тыс. чел.) и др. [Национальный состав... 2010]. Современную миграционную ситуацию невозможно рассматривать отдельно, без учёта исторических факторов. Республика Калмыкия не всегда была многонациональным регионом, сложный этнический состав населения региона является результатом миграционных процессов [Бадмаева 2014: 167].

Полиэтничная структура выражена в соотношении количества этнических групп, проживающих на данной территории, и длительности их проживания. Проблема изучения этнической структуры республики привлекала внимание многих авторов. В историческом развитии этноконфессиональная структура рассматривалась в работах Л. В. Оконовой [Оконова 2014], В. И. Колесника [Колесник 1997], современный этап представлен в статье [Гунаев, Марзаева, Намруева 2014]. Этносоциальная и этнодемографическая структура населения республики рассмотрена в исследованиях Н. Г. Очировой [2014], С. С. Белоусова [2013], Е. А. Гунаева [2013] и др.

В значительном большинстве калмыки и русские, а также украинцы и азербайджанцы, проживают в столице республики, остальные этнические группы — преимущественно в районах Калмыкии: даргинцы и аварцы — в Ики-Бурульском и Черноземельском районах, казахи — в Юстинском, Лаганском и Яшкульском районах, чеченцы — в Черноземельском, Сарпинском и Яшкульском районах, турки-месхетинцы — в Городовиковском и Яшалтинском районах, корейцы — в Октябрьском районе.

В Калмыкии даргинцы продолжают оставаться после калмыков и русских третьей по численности этнической группой, компактно проживаю-

щей в юго-восточной части республики: в Ики-Бурульском, Черноземельском и Яшкульском районах, где они составляют, соответственно, 15,1 %, 2,1 % и 6,3 % населения [Народы Калмыкии... 2010: 67].

Е. А. Гунаев отмечает, что чеченское население проживает во всех районах республики, но основная масса расселена в её восточных и западных районах, в которых они оставляют заметную группу населения [Гунаев 2012: 285]. Наиболее крупные их диаспоры проживают в Черноземельском (653 чел., или 7,2 % населения района), Яшкульском (471 чел., или 4,6 %), Сарпинском (471 чел., или 4,6 %), Целинном (351 чел., или 3,4 %), Приютненском (232 чел., или 4,7 %), Яшалтинском (373 чел., или 2,9 %) районах и городе Элисте (214 чел., или 0,6 %) [Население по национальности... 2013].

С началом боевых действий в декабре 1994 г. из Чечни в Калмыкию хлынул поток беженцев, большинство из которых разместилось у своих родственников на фермах и животноводческих стоянках. По данным Миграционной службы Калмыкии, в конце 1995 г. в республике на учёте состояли 3 147 беженцев из Чечни и более 5,5 тыс. проживали незарегистрированными у своих родственников и земляков. По мере завершения активной фазы военных действий в Чечне беженцы стали возвращаться на свою родину. Переписи 2002 и 2010 гг. зафиксировали уменьшение численности чеченского населения, соответственно, до 5 979 чел. и 3 343 чел. (в 1989 г. — 8 329 чел.) [Белоусов 2013: 235].

Таким образом, статистические данные, отражающие национальный состав населения, в большинстве случаев определяют примерное соотношение населяющих республику этнических групп. Многие из них сосредоточены главным образом в приграничных районах. В юго-восточных районах республики (Черноземельский, Ики-Бурульский) крупные общины этнических групп проживают в сельской глубинке. В целом можно говорить о том, что приграничная с Дагестаном зона представляет собой особый социум — значительную долю в ней составляют выходцы из сопредельного региона. Отметим также, что относительно доли вынужденных мигрантов в республике наблюдаются существенные различия. Их определяют Яшалтинский и Городовиковский районы, которые с 1989 г. стали принимать турок-месхетинцев.

Таким образом, изучение расселения в многонациональном регионе позволяет определять причины социально-политических и культурных явлений. Учёт пространственного развития этнических процессов может способствовать более эффективному осуществлению региональной политики.

Литература

- Бадмаева Н. В. Влияние миграционных процессов на социальную структуру региона (на примере Республики Калмыкия) // Развитие региона как социальной системы: социально-экономические индикаторы и показатели / под общ. ред. О. В. Байдаловой. Волгоград: Волгогр. научн. изд-тво, 2014. С. 166–180.
- Бадмаева Н. В., Иджаева Б. В. Этническая структура расселения в Республике Калмыкия // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2015. № 1. С. 135–140.
- Белоусов С. С. Трансформация этнической структуры Республики Калмыкия в 1990–2010-е гг. // Этнокультурное пространство Юга России (XVIII—XXI вв.): Мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. Краснодар: Традиция, 2013. С. 231–239.
- Гунаев Е. А. Этнодемографические характеристики чеченской диаспоры в Республике Калмыкия // Россия и Кавказ: история и современность: Сб. матлов Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 1150-летию зарождения российской государственности (г. Грозный, 19–20 июня 2012 г.). Махачкала: АЛЕФ, 2013. 820 с.
- Гунаев Е. А., Марзаева М. Б., Намруева Л. В. Этнокультурная политика в мультиэтничном регионе Российской Федерации (на примере Республики Калмыкия). Элиста: КИГИ РАН, 2014. 191 с.
- Колесник В. И. Демографическая история калмыков XVII–XIX вв.: уч. пособие. Элиста: Калм. гос. ун-т, 1997. 135 с.
- Народы Калмыкии: историко-социологические очерки: научный отчёт // Научный архив КИГИ РАН. Элиста, 2010. Л. 66, 67.
- Население по национальности и владению русским языком // Национальный состав и языки народов Калмыцкой АССР. Элиста, 1991. Ч. П. С. 6.
- Национальный состав и владение языками, гражданство: итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. Элиста: Территор. орган Федерал. службы гос. стат. по РК, 2013. 841 с.
- Национальный состав населения (по данным переписей населения) [электронный ресурс] // URL: http://statrk.gks.ru (дата обращения: 05.02.2015).
- Оконова Л. В. Этноконфессиональная структура населения Калмыцкой степи Астраханской губернии по материалам переписи 1897 г. (в свете квантитативного подхода) // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2014. № 2. С. 22–29.
- Очирова Н. Г. Современные миграционные и демографические процессы на Юге России: региональные особенности (на примере Республики Калмыкия) // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2014. № 4. С. 75–83.

131

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВОДООБЕСПЕЧЕНИЯ И ВОДОСНАБЖЕНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ КАЛМЫКИЯ (2000–2010 гг.)

Е. А. Гунаев

Республика Калмыкия является одним из наиболее экстремальных для проживания и ведения хозяйственной деятельности регионов России. Эта экстремальность обуславливается, прежде всего, географическим положением республики в аридной и семиаридной зонах Северо-Западного Прикаспия. Для неё характерны плоские формы рельефа, почти полное отсутствие естественной гидрографической сети и повышенная минерализация почв, поверхностных и подземных вод, обусловленная колебаниями уровня Каспийского моря. Республика является вододефицитным регионом, используемые на территории республики водные ресурсы по своим качественным параметрам не соответствуют медико-биологическим нормам [Бадмаева, Иджаева 2015: 134–135].

Показатель обеспеченности населения регионов Северо-Западного Прикаспия (Астраханской области, Республики Калмыкия, Республики Дагестан) централизованным водоснабжением в последние десятилетия находится на одном и том же уровне и составляет в среднем 40–60 %. При этом показатель потребления воды на душу населения из года в год снижается, о чем свидетельствует отсутствие реконструкции действующих водопроводов и ввода новых систем в строй [Габунщина 2013: 197].

В Республике Калмыкия водоснабжение населения обеспечивается различными групповыми, локальными централизованными и децентрализованными источниками. Общее число источников водоснабжения за период 2011—2012 гг. и истекший период 2014 г. не изменилось и составляет 52, из них — 8 поверхностных: р. Волга, Красинское и Чограйское водохранилища, каналы Право-Егорлыкской, Черноземельской, Каспийской, Сарпинской оросительных систем и Калмыцко-Астраханской рисовой оросительной системы, и 44 подземных, в основном из водоносных горизонтов Ергенинской возвышенности [Доклад 2014].

Централизованным и смешанным питьевым водоснабжением обеспечены 45 населённых пунктов Республики Калмыкия, в которых проживает 70,2 % населения республики. Население 143 населённых пунктов (60,4 тыс. чел. или 20,5 % в 5 сельских районах) обеспечиваются привозной водой, которая доставляется специальным автомобильным и железнодорожным транспортом.

Среднее удельное водопотребление на одного сельского жителя составляет 42 л/сутки при гигиенической нормативной потребности 125—160 л/сутки, в отдельных районах — лишь 7,5–10 л/сутки (Яшкульский, Ики-Бурульский, Черноземельский).

Питьевая вода, потребляемая населением в 141 населённом пункте (223,14 тыс. чел. или 77,8 % населения республики), признана доброкачественной. Однако 22,2 % населения республики обеспечивается водой ненадлежащего качества, не отвечающей санитарным требованиям из-за высокой минерализации от 0,6–10 г/л, повышенного содержания сульфатов, хлоридов, солей железа и жёсткости в пределах 10–12 мг/экв/л [Доклад 2014].

На состояние обеспечения населения республики питьевой водой в значительной степени оказывают влияние:

- техническая изношенность централизованных систем водоснабжения и водоотведения (85 %);
 - отсутствие необходимого комплекса очистных сооружений;
 - устаревшие методы обработки;
- снижение дебитов воды в шахтных колодцах и артезианских скважинах [Доклад 2014].

В Сарпинском, Кетченеровском, Целинном, Приютненском, а также на большей части Малодербетовского, Ики-Бурульского, Яшалтинского и Городовиковского районов малые реки и подпитываемые ими подземные воды являются одним их основных источников хозпитьевого водоснабжения для проживающего в этих районах населения. Их сток используется для водопоя скота, малого орошения, рыборазведения и в рекреационных целях. Всего из этих объектов для водохозяйственных целей республики ежегодно используется около 50 млн м³.

Для хозяйственно-бытовых и питьевых нужд население 3-х районных центров (с. Яшалта, п. Большой Царын, п. Яшкуль) и посёлков Адык, Сарул Черноземельского района используют воду из оросительно-обводнительных каналов.

С целью улучшения обеспечения населения республики водой питьевого и хозяйственно-бытового назначения реализуется Государственная программа «Повышение качества предоставления жилищно-коммунальных услуг, развитие инфраструктуры жилищно-коммунального комплекса Республики Калмыкия на 2013–2017 годы», утверждённая постановлением Правительства РК от 11 июля 2013 г. № 339 [Доклад 2014].

Главным потребителем воды является мелиоративная отрасль. Качественный состав поливной воды является важнейшим показателем устойчивости экологической системы. В Калмыкии же из 54 тыс. га регулярно

орошаемых земель около половины поливается водой неудовлетворительного как по общей минерализации, так и по химическому составу качества [см. подробно: Кадаева 2013: 160–161].

Уровень обеспеченности населения водой составляет всего 1/3 от потребности. Дефицит в питьевой воде в настоящее время является острой социальной проблемой, до 43 % населения республики ежегодно испытывают нехватку воды. Фактическое водопотребление в среднем по республике — 94,7 л на человека в сутки, в том числе в райцентрах — 42,1 л, в г. Элисте — 131,6 л. Особенно низкое водопотребление в сельской местности, которое достигает 25 л в сутки, что также гораздо ниже среднероссийского уровня, гигиенический норматив составляет 120–150 л в сутки [Намруева 2014а: 519].

От недостатка воды больше всего страдают сельские жители, они вынуждены постоянно её экономить не только для бытовых нужд, но и для приготовления пищи. «Воду многие сельчане заказывают, это им обходится в 1 500 руб., что для них, имеющих скромные бюджеты, весьма дорого. Ёмкости в 1,5–2,0 тонны небольшой семье не хватает на месяц, поэтому приходится отказываться от личного подворья, выращивания овощей и фруктовых деревьев, так как это требует дополнительного расхода воды» [Намруева 2015: 296].

Нехватка воды в Республике Калмыкия приводит к засолению почв, опустыниванию территории, ухудшению климата, сокращению площади пастбищ и земель для выращивания сельскохозяйственных культур. Недостаточное водообеспечение является одним из сдерживающих факторов социально-экономического развития Калмыкии [см. подробно: Намруева 20146: 227].

Таким образом, водообеспечение и водоснабжение в Республике Калмыкия в первые десятилетия XXI в. продолжают оставаться одними из насущных проблем региона.

Литература

- Бадмаева Н. В., Иджаева Б. В. Экологические проблемы степного региона в оценке населения (на примере Калмыкии) // Степи Северной Евразии: мат-лы VII междунар. симпозиума / под науч. ред. чл.-корр. РАН А. А. Чибилёва. Оренбург: ИС УрО РАН. Печатный дом «Димур». 2015. С. 134–136.
- Габунщина Э. Б. Проблемы водоснабжения Северо-Западного Прикаспия // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2011. № 1. С. 197–199.

- Доклад об экологической ситуации на территории Республики Калмыкия в 2014 году / Министерство природных ресурсов и охраны окружающей среды Республики Калмыкия. Элиста, 2015. С. 15–17.
- Кадаева А. Г. К вопросу о качестве оросительных вод в Калмыкии // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2013. № 1. С. 160–162.
- Намруева Л. В. Водообеспечение одна из социальных проблем Республики Калмыкия // Сорокинские чтения. Приоритетные направления развития социологии в XXI веке: К 25-летию социологического образования в России. Мат-лы IX Междунар. науч. конф. М.: Изд-во Моск. ун-та. 2014а. С. 519–521.
- Намруева Л. В. О Концепции развития водной системы Калмыкии // Современные тенденции регионального развития: баланс экономики и экологии: Матлы Всерос. науч.-практ. конф. (25–26 ноября 2014 г.). Махачкала: ИСЭИ ДНЦ РАН. 2014б. С. 226–230.
- Намруева Л. В. Сельские территории Республики Калмыкия: социальноэкономические проблемы и экологические угрозы. // Социальные проблемы российского села и аграрных отношений: Мат-лы Междунар. науч. конф. Седьмые Санкт-Петербургские социологические чтения. (Санкт-Петербург, 16–18 апреля 2015 г.). СПб.: СПбГАУ, 2015. С. 293–297.

МЕЛИОРАТИВНЫЕ ЗЕМЛИ КАЛМЫКИИ И ИХ РАЦИОНАЛЬНОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ

А. Г. Кадаева

Орошение в аридных регионах издавна использовалось как способ увеличения продуктивности сельскохозяйственных угодий, как важнейший элемент земледелия, обеспечивающий наиболее полную реализацию почвенно-климатических ресурсов, генетического потенциала сельскохозяйственных растений. В условиях северо-западного Прикаспия, включая Калмыкию, эти земли также высокоэффективны, а потенциальная продуктивность орошаемого гектара примерно в 4 раза выше богарного [Бакинова и др. 1997; Богданов 1997; Борликов, Чимидов 1999].

Степные и полупустынные ландшафты Калмыкии занимают три основные морфоструктуры: на юге Кумо-Манычская впадина, на севере-западе Ергенинская возвышенность, на востоке — Прикаспийская низменность. Каждая структура имеет свою тектоническую и геологическую историю развития, связанную в равной степени с бассейном Каспийского моря.

Прикаспийская низменность делится на Прикаспийскую молодую аллювиально-морскую лиманную равнину, которая на севере прорезана системой Сарпинских озёр и Черноземельскую древне-дельтовую песчаную равнину, примыкающую к побережью Каспия, где вдоль моря вытянулась современная маршево-солончаковая равнина. На Сарпинских, Даванских и Меклетинских понижениях чётко выделяются крупные лиманы, лиманообразные понижения, озера, разделённые повышениями разной формы и размеров.

Ергенинская возвышенность представляет собой молодое поднятие Русской равнины, вытянутое с севера на юг и осложнённое овражно-балочной сетью. Балки вытянуты в широтном направлении и не имеют постоянных водотоков, длина их составляет от 20 до 80 км, наибольшая глубина врезания балок у водораздела — 70 100 м.

Кумо-Манычская впадина представляет собой понижения, простирающиеся с севера-запада на юго-восток. Ширина впадины от 20 до 30 км до 1–2 км, наибольшая глубина — 25 м на западе впадины расположена долина Западного Маныча, на Восточного Маныча и низовья р. Кумы расчленённость рельефа увеличивается с запада на восток. Впадина занята горько-солёными озёрами, самое большое из которых Маныч-Гудило. В пределы западных районов республики относятся пологие северовосточной периферии Ставропольской возвышенности.

В 60-е гг. XX в. развернулось большое строительство мелиоративных систем на Северном Кавказе и в Поволжье, что позволило использовать водные ресурсы рек Волги, Кубани, Терека и Кумы для орошения земель Калмыкии. Основными поверхностными источниками являются малые реки и балки Ергенинской возвышенности, аккумулирующими свой сток в многочисленных прудах и водохранилищах, имеющих заметно повышенную минерализацию. Объем основных пресных вод для нужд различных отраслей народного хозяйства республики привлекается с сопредельных территорий из бассейнов рек Терек, Кума, Волга и Кубань. Одним из основных потребителей является мелиоративная отрасль. Вода транспортируется на территорию республики по сети каналов Сарпинской, Калмыцко-Астраханской, Черноземельской, Каспийской и Право-Егорлыкской обводнительно-оросительных систем. Общий годовой лимит водоподачи из внешних источников определён в объёме 1 254,5 млн м³ [Борликов и др. 2005].

В конце 1980-х — начале 1990-х гг. прошлого века мелиорированные земли республики, занимая около 10 % площади пашни, обеспечивали производство кормов для животноводства на 40–50 % и почти на 100 % — производство овощных и бахчевых культур. Однако в республике в по-

следние годы повсеместно отмечаются низкая эффективность мелиоративных мероприятий, значительные снижения площади орошаемых земель, деградация почв, ухудшение экологической обстановки.

Сложность использования орошаемых земель в республике обусловлена тем, что территория Калмыкии в силу своего географического положения характеризуется целым рядом неблагоприятных климатических и почвенных условий: засушливостью, резкой континентальностью климата, низким естественным плодородием и высокой долей засоленных и солонцеватых почв, дефляционной опасностью территории [Ташнинова 2011; 2012а; 2012б; Борликов, Оконов, Чимидов 2005].

Одной из основных причин низкой урожайности и снижения валовых сборов кормов и другой сельскохозяйственной продукции на землях регулярного орошения, наряду с экономическими и финансовыми трудностями, является их неудовлетворительное мелиоративное состояние. По данным ФГУ «Управление Калммелиоводхоз», из 55 961 га земель регулярного орошения хорошее мелиоративное состояние имеют 4,3 %, удовлетворительное — 33,7 % и неудовлетворительное — 62,0 % [Бакинова и др. 1997; Борликов, Чимидов 1999; Борликов и др. 2005].

Ухудшение мелиоративного состояния орошаемых земель объясняется сложными почвенными условиями территории республики, бессточностью и низкой естественной дренированностью Прикаспийской низменности и недостатками, допущенными при проектировании и строительстве оросительных систем, низким уровнем их эксплуатации и отсутствием экологически обоснованных мелиоративных нагрузок на агроландшафты полупустынной и сухостепной зон. Для успешного ведения сельского хозяйства в сложных естественных условиях необходимо проведение целого комплекса адаптивно-мелиоративных мероприятий с чёткими гарантиями экологической безопасности [Борликов и др. 2005].

В целом для повышения экологической безопасности окружающей среды и эффективности использования водных ресурсов необходимо проведение комплексных мер (ландшафт — инженерная мелиорация — почва): сокращение негативного антропогенного воздействия на водные объекты, развитие и модернизация системы государственного мониторинга водных объектов, восстановление и экологическая реабилитация оросительных систем, повышение эксплуатационной надёжности водохозяйственных систем путём приведения к безопасному техническому состоянию. Проведение экологических мероприятий инженерно-мелиоративного уровня в границах самой мелиоративной системы, которые будут обращены на усовершенствование конструкции каналов, коллекторно-дренажной сети, других гидротехнических сооружений. Их значимость возрастает в

связи с тем, что мелиорируемые земли в наибольшей степени подвергаются антропогенному воздействию.

Литература

- *Бакинова Т. И., Оконов М. М., Дудаков Н. К.* Орошаемые земли Калмыкии (эколого-экономические и правовые аспекты). Элиста, 1997. 71 с.
- Богданов В. П. Экономика водного хозяйства Калмыкии. Элиста: АПП «Джангар», 1997. 252 с.
- Борликов Г. М., Оконов М. М., Чимидов П. П. Эколого-мелиоративные проблемы использования орошаемых земель в Республике Калмыкия // Природообустройство и рациональное использование необходимые условия социально-экономического развития России: сб. науч. тр. 2005. Ч. 2. С. 199–202.
- *Борликов Г. М.*, *Чимидов П. П.* Оросительные системы и охрана природы в условиях Республики Калмыкия. Элиста: КГУ, 1999. 68 с.
- Ташнинова Л. Н., Ташнинова А. А. Традиционное природопользование как фактор устойчивости пастбищных экосистем Калмыкии // Актуальные проблемы обеспечения продовольственной безопасности юга России: инновационные технологии для сохранения биоресурсов, плодородия почв, мелиорации и водообеспечения. Мат-лы Междунар. науч. конф. Ростов н/Д, 2011. С. 251–252.
- Ташнинова Л. Н. Парагенетические ландшафты аридных зон как пример антропогенно-трансформированных экосистем // Изучение и освоение морских и наземных экосистем в условиях арктического и аридного климата: Матлы Междунар. науч. конф. Ростов н/Д: ЮНЦ РАН, 2011.
- *Ташнинова Л. Н.* Гуманитарно-экологические аспекты оценки состояния природной среды калмыкии // VI Съезд общества почвоведов им. В. В. Докучаева. Материалы докладов. М., 2012а. С. 617–618.
- Ташнинова Л. Н., Ташнинова А. А. Региональные аспекты гуманитарной экологии // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2012б. № 1. С. 131–134.

К ПРОБЛЕМЕ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЁЖИ КАЛМЫКИИ

М. Б. Марзаева

В условиях трансформационных процессов в российском обществе большое внимание уделяется вопросам сохранения единой исторической памяти народа, в связи с этим всесторонний научный анализ феномена исторической памяти является особо востребованным. Исследования по

данной тематике в отечественной науке актуализировались в контексте социальных изменений в нашей стране с 90-х гг. XX в.

Концепт «историческая память» является одной из актуальнейших тем в современной гуманитарной науке и охватывает широкий спектр теоретических и эмпирических работ в различных отраслях научных знаний. Значимость изучения проблемы исторической памяти обусловила междисциплинарный характер исследований по данному вопросу. Концептуальные аспекты рассматриваемой парадигмы анализируются с позиций таких дисциплин, как философия, история, этнология, социология, политология, психология, педагогика.

Феномен исторической памяти активно исследуется в работах социологов. Учёные отмечают, что «в рамках концепта исторической памяти у каждой из социальных групп может быть своя история и своя историческая память. И даже если фигуры и события в них одни и те же, их роли и значения могут интерпретироваться по-разному в зависимости от темпорально обусловленных социальных и культурных исследований» [Положенцева, Кащенко 2014: 42–46].

Изучение процесса формирования исторической памяти у современной молодёжи, в том числе студенческой, имеет государственное значение. В общественном развитии любой страны важная роль принадлежит студенческой молодёжи, от потенциала которой зависит будущее государства. Анализ данного вопроса важен с воспитательной точки зрения. Актуальность изучения исторической памяти молодых людей связана также с определением уровня состояния исторического знания, существующего в современном российском обществе.

Степень научной разработанности рассматриваемой темы в отечественной науке определяется научными монографиями, статьями, диссертациями. Проблема исторической памяти молодёжи Калмыкии анализируется и в работах калмыцких учёных. Научные публикации региональных учёных, относящиеся к вопросу изучения исторической памяти молодёжи, представлены совместными работами Н. В. Бадмаевой, Б. В. Иджаевой; Л. В. Намруевой.

В социологических исследованиях Н. В. Бадмаевой, Б. В. Иджаевой рассмотрены доминанты исторической памяти о Великой Отечественной войне жителей г. Элисты в сопоставительном анализе данных различных социальных групп населения. Несмотря на то, что ответы студенчества авторами не были выделены в работах отдельной категорией, приведённые данные в целом по молодёжи, на наш взгляд, можно использовать и при изучении рассматриваемого вопроса [Бадмаева, Иджаева 2010а; 20106; 2010в; 2011]. Интересно отметить работу исследователей «О зна-

ниях школьников и студентов об Отечественной войне 1812 г.», так как к этой теме в исследованиях обращаются редко [Бадмаева, Иджаева 2012]. Итоги своих многолетних исследований феномена исторической памяти авторы аккумулировали в разделе «Историческая память молодёжи Калмыкии: состояние и проблемы сохранения» коллективной монографии «Современные социокультурные процессы в молодёжной среде Республики Калмыкия» в 2014 г. [2014].

В работах Л. В. Намруевой анализируются представления современной молодёжи о Великой Отечественной войне на основе опросов студентов региональных филиалов Московской академии экономики и права (МА-ЭП) и Московской открытой социальной академии (МОСА), среди которых не только уроженцы Калмыкии, но и представители других близлежащих регионов [Намруева 2010; 2011; 2015].

Исторические предпочтения студентов Калмыцкого государственного университета и регионального филиала МАЭП были определены В. Л. Волгиным в рамках общероссийского мониторинга [Волгин 2014]. Особое значение в исторической памяти имеет знание персоналий. В ходе исследования автором были получены также данные о самых известных исторических личностях среди студентов.

Как видим, в региональной историографии исследовательский интерес к рассматриваемой теме представлен разноплановыми работами. Несмотря на наличие осуществлённых опросов, необходимо проведение дальнейших эмпирических исследований по данному направлению среди молодёжи для сохранения исторической памяти в межпоколенческой преемственности.

Литература

- Бадмаева Н. В., Иджаева Б. В. Великая Отечественная война в оценках жителей г. Элисты // Вклад регионов Юга России в победу в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Мат-лы рос. науч.-практ. конф. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2010б. С. 199–203.
- Бадмаева Н. В., Иджаева Б. В. Великая Отечественная война в представлениях школьников г. Элисты (по результатам социологического исследования) // Гуманитарная наука Юга России: международное и региональное взаимодействие: Мат-лы Междунар. науч. конф. Элиста: КИГИ РАН, 2011. Ч. II. С. 175–178.
- Бадмаева Н. В., Иджаева Б. В. Доминанты исторической памяти жителей г. Элисты: знания, оценки и отношение к Великой Отечественной войны // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2010а. № 1. С. 104–107.

- Бадмаева Н. В., Иджаева Б. В. Историческая память молодёжи Калмыкии: состояние и проблемы сохранения // Современные социокультурные процессы в молодёжной среде Республики Калмыкия. Элиста: КИГИ РАН, 2014. С. 176–194.
- Бадмаева Н. В., Иджаева Б. В. Личности, знания и оценки Великой Отечественной войны (по результатам социологического исследования) // Великая Отечественная война в пространстве исторической памяти российского общества: Мат-лы Междунар. науч. конф. Ростов н/Д: ЮНЦ РАН, 2010в. С. 124–127.
- Бадмаева Н. В., Иджаева Б. В. О знаниях школьников и студентов об Отечественной войне 1812 г. (по результатам социологического исследования) // Участие народов России в Отечественной войне 1812 г.: Мат-лы рос. науч.-практ. конф. Элиста: Элиста: КИГИ РАН, 2012. С. 323–327.
- Волгин В. Л. Исторические предпочтения // Российское студенчество: идентичность, жизненные стратегии и гражданский потенциал. М.: ИЭА РАН, 2014. С. 170–171.
- Намруева Л. В. Великая Отечественная война в исторической памяти молодёжи (по итогам опроса в Калмыкии) // Вклад регионов и народов юга России в победу в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2015. С. 270–273.
- Намруева Л. В. Историческая память о войне (по итогам опроса молодёжи Калмыкии в 2010 г.) // Вклад регионов Юга России в победу в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Мат–лы рос. науч.-практ. конф. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2010. С. 235–240.
- Намруева Л. В. Представления современной молодёжи о Великой Отечественной войне (по итогам опроса в Калмыкии) // Война в истории и судьбах народов Юга России (к 70-летию начала Великой Отечественной войны). Матлы Междунар. науч. конф. Ростов н/Д: ЮНЦ РАН, 2011. С. 340–342.
- Положенцева И. В., Кащенко Т. Л. Феномен исторической памяти и актуализация личной исторической памяти студентов // Власть. 2014. № 12. С. 42–46.

ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ В РЕСПУБЛИКЕ КАЛМЫКИЯ (по итогам опросов 2000-х гг.)

Л. В. Намруева

В современной Калмыкии происходят одновременно два противоположно направленных этнолингвистических процесса. С одной стороны, в республике интенсифицировались процессы языковой ассимиляции, сужается языковая среда калмыцкого языка [Намруева 2010: 138]. С другой стороны, с повышением этнического самосознания у населения усиливается стремление владеть теми отличительными признаками, которые оп-

ределяют этничность, в связи с этим появилась потребность в изучении калмыцкого языка, в исполнении калмыцких танцев и песен [Намруева 2014: 112]. Эти процессы, безусловно, требуют объективного междисциплинарного изучения.

Помимо традиционного для калмыцких языковедов исследования синтаксиса и семантики калмыцкого языка [Омакаева 2011а], лингвистических особенностей героического эпоса «Джангар» и других фольклорных жанров [Омакаева 20116; 2014], в калмыковедении стали активно развиваться современные отрасли языкознания. Исследовательская группа КИ-ГИ РАН занимается разработкой национального корпуса калмыцкого языка [Куканова 2011; 2012]. По мнению учёных, «этот программный продукт создаст широкие возможности для проведения лингвистических исследований с использованием корпусного подхода, что не только уточнит и дополнит имеющиеся описания языка, но и осветит те проблемы, которые ещё не подняты в калмыцком языкознании» [Куканова 2012: 138]. Е. А. Гунаев исследует правовые аспекты языкового строительства в Республике Калмыкия [Гунаев 2012, 2014]. Мониторинг, проводимый нами на протяжении более двадцати лет, позволяет проследить динамику развития языковой ситуации в республике, установить тенденции в развитии языковых процессов.

Этнолингвистическая ситуация в Калмыкии характеризуется функционированием русского языка во всех сферах жизнедеятельности. В социуме понимается необходимость сохранения этнического языка, однако личный вклад каждого калмыка в реальное функционирование языка минимально или же практически отсутствует. На наш взгляд, «использование калмыцкого языка в качестве средства коммуникации, особенно вне дома (на работе, учёбе, в общественных местах), остаётся в целом на том же недостаточном уровне. Республиканским властям удалось приостановить тенденции скорейшей ассимиляции языка титульного этноса региона, но не получилось кардинально изменить языковую ситуацию в Калмыкии [Намруева 2015: 74].

Рассмотрим данные анкетного опроса 2010 г. (N=283), выборка была представлена респондентами-калмыками, из них мужчины составляют 47,7 %, а женщины — 52,3 %. Большинство опрошенных являются студентами калмыцких филиалов московских вузов (МАЭП, МГГУ, МОСУ) очного и заочного обучения.

Вопрос «Что для вас значит быть представителем своего народа?» позволил определить этноинтегрирующие признаки. К ним отнесены: поддержание обычаев и традиций народа (21,9%), гордость за историю и культуру своего народа, своей этнической группы (20,1%), общение на родном языке 15,9 %, знание культуры и истории своего народа (13,4 %), оказание помощи людям своей национальности (4,6 %). Есть респонденты, для которых этническая принадлежность ничего не значит, они об этом не задумываются. Из полученных результатов следует, что респонденты более сильным этноинтегрирующим фактором считают обряды и традиции, историю народа, нежели этнический язык [Намруева 2015: 198].

Проанализируем результаты ответов респондентов на другой вопрос, который также определяет значимые факторы этничности. Мнение о том, без чего этнос не существует, позволяет выстроить иерархию основных критериев этнической идентичности. Первую позицию занимают обычаи, традиции (33,9%), далее следует языковой фактор (25,8%), замыкает тройку главных этноопределителей историческое прошлое (15,2%). Со значительным отставанием выбраны такие варианты, как «общая территория, родная земля» (7,8 %), «религия» (6,0 %), «общие черты характера, психология» (3,2 %). Полученные данные фиксируют, что только четверть опрошенных считает, что без языка этнос не может существовать, большая часть отмечает приоритетность других факторов, прежде всего, традиций и обычаев. Заметим, что в нашем анкетировании участвовали молодые люди до 35 лет, в ситуации опроса представителей старших возрастных групп, возможно, результаты имели бы иное количественное выражение. Но тенденция, на наш взгляд, сохранилась бы. Невысокий уровень значимости этнического языка для молодёжи свидетельствует об отсутствии у неё адекватного понимания, осознания важности языка, серьёзности ситуации с этнически родным языком и проблемами его функционального развития.

Современные калмыки плохо владеют родным языком, который не востребован социальной средой, условиями реальной жизни. К тому же отсутствует мотивация общения на родном языке, предпочтение отдаётся русскому языку, которым калмыки владеют значительно лучше. Носители калмыцкого языка в силу объективных и субъективных причин не только не могут, но уже и не хотят продолжать традицию общения на калмыцком языке, вполне удовлетворяясь русским языком, который обслуживает все коммуникативные потребности. Приходится констатировать низкое языковое самосознание большей части калмыцкой молодёжи. Без активного языкового поведения самих носителей языка невозможно реальное расширение его функций. Безусловно, есть часть молодёжи, которая стремится изучать материнский язык, посещает курсы калмыцкого языка, но она едва ли составляет четверть молодёжной когорты. По причине незнания родного языка у некоторых молодых калмыков появляется комплекс неполноценности. Но при этом знание нескольких приветствий, йорялов, обычаев,

песен позволяет им избавиться от сложных вопросов этнической идентификации и вновь чувствовать себя комфортно.

В проведённых нами социологических исследованиях прослеживается несомненная связь языковой компетентности со значимостью этноинтегрирующих факторов: чем в меньшей степени респонденты владели языком своего этнического происхождения, тем более значимой среди этноопределителей они считали традиции и обычаи, общность территории, общность исторической судьбы.

- Гунаев Е. А. Законы о языках Республики Калмыкия и других субъектов Российской Федерации: общее и особенное // Монголоведение. Вып. 7. Элиста: КИГИ РАН, 2014. С. 193–202.
- Гунаев Е. А. О некоторых вопросах функционирования государственных языков республик субъектов Российской Федерации в сфере образования // Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия. Материалы ІІ-ой Междунар. науч.-практ. Интернет-конф. / отв. ред. В. Ю. Меликян. Вып. 2. Ростов н/Д: Дониздат, 2012. С. 23–28.
- Куканова В. В. Архитектура метаописания национального корпуса калмыцкого языка // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2011. № 1. С. 139–145.
- Куканова В. В., Бембеев Е. В., Мулаева Н. М., Очирова Н. Ч. Национальный корпус калмыцкого языка: архитектура и возможности использования // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2012. № 3. С. 138–150.
- Намруева Л. В. Современная молодёжь и состояние калмыцкого языка (по итогам социологического анализа 2000-х гг.) // Российский академический журнал. 2014. № 1. С. 109–113.
- Намруева Л. В. Этническая социализация молодёжи Калмыкии (анализ 2000—2010-х гг.). Монография. Элиста: КИГИ РАН, 2015. 195 с.
- Намруева Л. В. Языковая ассимиляция и проблемы этнической идентичности (по итогам опросов 2000-х гг. в Калмыкии) // Монголоведение в начале XXI века: современное состояние и перспективы развития. Мат-лы междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию Б. Х. Тодаевой (г. Элиста, 23–26 апреля 2015 г.) в 2 ч. Ч. ІІ. Элиста: КИГИ РАН, 2015. С. 196–199.
- Намруева Л. В.Как калмыки знают свой язык // Социологические исследования. 2010. № 4. С. 138–141.
- Омакаева Э. У. Категориальный аппарат современного калмыцкого синтаксиса и семантики в свете функциональной теории // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2011а. № 2. С. 117–121.
- Омакаева Э. У. Темпоральная лексика в калмыцком героическом эпосе «Джангар» и проблемы её лексикографического отражения // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2014. № 4. С. 108–112.

Омакаева Э.У. Проблемы текстообразования в фольклорном дискурсе: жанр калмыцкой песни в свете лексикографического и корпусного подходов // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2011б. № 1. С. 21–27.

ОСНОВНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В СТРУКТУРЕ НАСЕЛЕНИЯ КАЛМЫКИИ (2000–2013 гг.)

Б. Б. Нусхаева

Структуру населения можно рассмотреть в нескольких аспектах: соотношение городского и сельского населения, возрастная структура и распределение населения по полу. Прежде всего, отметим, что численность населения Республики Калмыкия за 2000–2013 гг. сократилась на 24 207 чел.: с 308 347 до 284 140 чел. [Республика Калмыкия 2010; Численность постоянного населения]. Таким образом, главной тенденцией демографического развития региона можно считать сокращение численности населения Республики Калмыкия. Как пишет Н. Г. Очирова, «Калмыкия оказалась единственным регионом Юга России, где зафиксировано сокращение количества жителей, что свидетельствует о депопуляционных процессах в республике» [Очирова 2014: 77].

Калмыкия относится к регионам с преобладанием сельского населения. Рассматривая регионы ЮФО по соотношению городского и сельского населения по итогам Всероссийской переписи населения — 2010 можно отметить, что «среди регионов Южного федерального округа только в Республике Калмыкия отмечается преобладание сельского населения, в других регионах преобладает городское население» [Нусхаева 2012]. По данным Калмыкиястат численность сельского населения республики на 1 января 2013 г. составляет 157 049 чел. и городского населения — 127 091 чел. (55,3 % и 44,7 % соответственно) [Численность постоянного населения на 1 января 2013 г.]. За период 2000-2013 гг. произошли некоторые изменения в соотношении городского и сельского населения. Прежде всего, это снижение удельного веса сельского населения и соответственно рост городского. В 2000 г. доля сельского населения в общей численности населения республики составляла 58,6 %. На протяжении исследуемого периода удельный вес сельского населения снижается до 55,3 % в 2013 г. Прежде всего, это связано с ростом населения столицы республики, г. Элисты. Согласно статистическим данным, численность столицы составляет более трети всего населения республики. Так, например, в 2000 г.

численность населения г. Элисты составляет 101 988 чел. или 33,1 % от общей численности населения и 80,0 % от численности городского населения. За исследуемый период численность населения столицы выросла на 6 851 и в 2013 г. составила 108 839 чел. Удельный вес населения столицы республики ежегодно увеличивается, он возрос с 33,1 % до 38,3 % в общей численности населения. [Республика Калмыкия 2010: 22]. Сравнивая социально-демографические показатели сельского населения Калмыкии в 2000 и 2014 гг. Л. В. Намруева отмечает, что «сельское население в 12 районах республики уменьшилось. Исключение составляет лишь Целинный район, центр которого, село Троицкое, находится в 14 км от столицы республики» [Намруева 2015: 189]. Одним из главных изменений является сокращение численности сельского населения и рост численности населения столицы и близлежащего к ней Целинного района.

Одним из параметров анализа структуры населения является соотношение мужчин и женщин. По состоянию на 1 января 2013 г. численность мужчин равнялась 136 469 чел. и 147 671 женщин, что составляет 48 % и 52 % соответственно [Об итогах деятельности...]. Если рассматривать в динамике, то процентное соотношение на протяжении периода 2000-2013 гг. остаётся стабильным: удельный вес мужчин около 47,5-48,2 % в структуре населения республики. Преобладание женщин обусловлено, прежде всего, высокой смертностью мужчин и соответственно более низкой продолжительностью жизни. Так, разница ожидаемой продолжительности жизни при рождении мужчин и женщин последние годы составляет более 10 лет. Например, в 2013 г. ожидаемая продолжительность жизни у женщин на 11,6 лет выше, чем у мужчин (77,3 и 65,7 лет соответственно). Мы можем говорить о преобладании женщин в структуре населения региона. Это характерно для всей России. Е. А. Гунаев рассмотрел ожидаемую продолжительность жизни мужского и женского населения регионов Южного федерального округа. По результатам анализа демографических показателей 2013 г. Е. А. Гунаев приходит к выводу, что «по ожидаемой продолжительности жизни при рождении у женщин (77,25 лет) Республика Калмыкия превосходит общероссийский (76,3) и ЮФО (76,79) уровни. Среди регионов по этому показателю она на втором месте после Краснодарского края. А продолжительность жизни мужчин в Республике Калмыкия существенно не отличается от общероссийского и ЮФО уровня» [Гунаев 2015: 3651.

Среди этих позитивных изменений в структуре населения региона существуют и менее позитивные тенденции. Согласно докладу Министерства здравоохранения и социальной защиты Республики Калмыкия «Об итогах деятельности системы здравоохранения Республики Калмыкия в

2013 году», происходит уменьшение численности женщин фертильного возраста. В 2011 г. численность женщин фертильного возраста составляла 77 045 чел. (или 51,4% от общей численности женщин), в 2012 г. их уже 74 550 чел. (50,0%), а в 2013 г. — 71 796 чел. (48,6%). Динамика последних трёх лет говорит о снижении численности женщин фертильного возраста и их доли в структуре населения, что влечёт за собой неблагоприятные последствия в сфере рождаемости и демографической ситуации в целом.

Таким образом, проанализировав соотношение мужчин и женщин в республике, можно отметить преобладание женщин в структуре населения и сокращение женщин фертильного возраста.

Рассмотрим возрастные группы населения как источник трудовых ресурсов. Согласно этому признаку, выделяют три группы населения: моложе трудоспособного возраста, в трудоспособном возрасте и старше трудоспособного возраста. Группу моложе трудоспособного возраста составляют дети в возрасте до 15 лет, к трудоспособному населению относятся мужчины в возрасте 16-59 лет и женщины в возрасте 16-54 лет, соответственно мужчины в возрасте 60 лет и старше и женщины в возрасте 55 лет и старше входят в группу старше трудоспособного возраста. По данным Калмыкиястат, в 2012 г. численность этих возрастных групп составила 59 263 чел., 178 965 чел. и 48 456 чел. соответственно [Калмыкия в цифрах 2013: 19]. Если сравнить с данными 2000 г. то распределение будет следующим: 83 510 чел. моложе трудоспособного возраста, 179 359 чел. отнесены к группе в трудоспособном возрасте и 45 478 чел. старше трудоспособного возраста. Статистические данные свидетельствуют, что население моложе трудоспособного возраста сократилось с 83 510 до 59 263 чел., разница составляет 24 247 чел. Население в трудоспособном возрасте также сократилось на 394 чел., а население старше трудоспособного возросло на 2 978 чел. Итак, сократилось население моложе трудоспособного возраста и в трудоспособном возрасте, а численность населения старше трудоспособного растёт.

В период с 2010 по 2013 гг. отмечается рост коэффициента демографической нагрузки, а именно: уменьшение коэффициента демографической нагрузки населения моложе трудоспособного возраста (с 441 до 354 в 2000–2013 гг.) и роста коэффициента демографической нагрузки населения старше трудоспособного возраста (225 до 306 в 2005–2013 гг.). Специалисты обращают внимание, что такой рост демографической нагрузки объясняется ростом пожилых людей. Главным изменением возрастной структуры населения можно считать сокращение численности детей и старение населения. Необходимо отметить, что последние показатели будут

расти. Это влечёт за собой социально-экономические последствия. Как отмечает Д. М. Чурюмова, «перепады в численности групп разных поколений очень болезненны для экономики из-за больших колебаний "входа" и "выхода" из трудовых ресурсов. Эти перепады влияют на численность пенсионеров, расходы пенсионного фонда и фонда обязательного медициского страхования, на изменение численности детей-дошкольников и школьников, расходы на дошкольное и школьное образование и т. п.» [Чурюмова 2013].

Таким образом, рассмотрев основные показатели структуры населения Республики Калмыкия, можно сделать следующие выводы:

- в структуре населения республики преобладает сельское население. Но за этот период наблюдается некоторое сокращение его численности.
- гендерная диспропорция, которая выражается в преобладании женщин в структуре населения, а также сокращение женщин фертильного возраста в последние годы.
- сокращение численности населения моложе трудоспособного возраста, людей в трудоспособном возрасте и росте населения старше трудоспособного возраста.
- изменение коэффициентов демографической нагрузки: снижение коэффициентов демографической нагрузки населения моложе трудоспособного возраста и рост коэффициента демографической нагрузки населения старше трудоспособного возраста.

- Гунаев Е. А. Социально-демографические характеристики гендерного направления социальной политики (на примере Республики Калмыкия) // Модели хозяйственного развития: теория и практика: Мат-лы Междунар. науч. практ. конф., (8 декабря 2015 г. Элиста). Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2015. С. 364–368.
- Калмыкия в цифрах, 2013: Краткий статистический сборник. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Калмыкия. Элиста, 2013.
- Намруева Л. В. Сельские территории Республики Калмыкия: социальнодемографическая ситуация в 2000-е и 2010-е гг. // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2015. С.186–182.
- *Нусхаева Б. Б.* Население Республики Калмыкия по итогам Всероссийской переписи 2010 г.: основные характеристики // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2012. № 2. С.126–128.

- Об итогах деятельности системы здравоохранения Республики Калмыкия в 2013 г. [электронный ресурс] // URL: http://minsoczdravrk. kalmregion.ru/statistic.html (дата обращения: 01.12.2015).
- Очирова Н. Г. Современные миграционные и демографические процессы на Юге России: региональные особенности (на примере Республики Калмыкия) // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2014. С. 75–83.
- Республика Калмыкия. Статистический ежегодник. 2010. Стат.сб. / Калмыкиястат. Элиста, 2010.
- Численность постоянного населения Республики Калмыкия [электронный ресурс] // URL: http://statrk.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/statrk/resources/.htm (дата обращения: 01.12.2015).
- Чурюмова Д. М. Основные тенденции в демографическом процессе населения Республики Калмыкия // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2013. № 2. С. 124–129.

ГУМАНИТАРНО-ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД В ЦЕЛЯХ СОХРАНЕНИЯ СТЕПЕЙ КАЛМЫКИИ

Л. Н. Ташнинова

Калмыкия расположена в экологически экстремальных условиях юговостока европейской части России, в зоне контакта аридных и семиаридных ландшафтов. Природные пастбища Республики Калмыкия, составляющие 83,2 % или 5 178,7 тыс. га, являются базой для животноводства [Доклад о состоянии ... 2003].

Для сухостепных пастбищных экосистем, находящихся на юго-востоке европейской части России, включающих Прикаспийскую низменность, Ергенинскую возвышенность и Кумо-Манычскую впадину, одной из наиболее актуальных экологических проблем последнего времени являются антропогенные воздействия, вызывающие почвенно-деградационные и другие негативные процессы. В сильно изменённых ландшафтах происходят коренные трансформации большинства компонентов среды с нарушением естественных связей при неустойчивом состоянии природных экосистем [Розанов, Розанов 1990].

В последние десятилетия влияние антропогенных факторов на природную среду вызвали многие негативные последствия, приводящие к деградации природной среды и сферы обитания человека. Комплексные исследования в области взаимоотношений человека и окружающей среды становятся одним из актуальных направлений.

Основатель генетического почвоведения В. В. Докучаев открыл закон функциональной связи в природе, предложив синтетическую парадигму естествознания, которая охватывает все формы движения материи в генетической связи и в современном взаимодействии. Важным моментом является введение в парадигму естествознания социальной формы движения материи [Апарин 2006]. Приоритет в оценке экологических последствий новых проектов природопользования должен быть на стороне научно-исследовательских работ. Необходима тщательная проработка любого вмешательства человека в функционирование экосистем региона.

Экономические трудности, переживаемые в современном российском обществе, занимающие почти все жизненное россиян, отодвинули экологические ценности на второй план [Намруева 2015]. Антропогенное влияние на природу степей приводит зачастую к необратимым изменениям среды обитания. Поэтому попытка восстановления представляется крайне важной задачей. Можно сформулировать три взаимосвязанные задачи: восстановить разрушенные экосистемы, снизить степень антропогенного пресса путём принятия корректирующих мер, поддерживающих продуктивность экосистем, и консервация естественных экосистем [Ташнинова 2006].

Недавно сложившаяся отрасль научного знания — социальная экология — в центр своего внимания помещает изучение экстремальных ситуаций, возникающих вследствие нарушения равновесия во взаимодействии общества с природой; рассматривает антропогенные, технологические, социальные факторы развёртывания таких ситуаций и нахождение оптимальных средств преодоления их разрушительных последствий [Ташнинова 2010; 2012].

В качестве одного из механизмов для изучения данных проблем мы в своих исследованиях, основанных на многолетних экспедиционных и лабораторных работах, подошли к разработке рамочной системы гуманитарно-экологических действий, представленной 2 основными блоками, — экологическим и гуманитарным.

Экологический блок включает в себя экологическую экспертизу, экологический прогноз, экологическую оценку для принятия управляющих решений. Для выполнения основных задач экологического блока предлагаются следующие мероприятия:

- использование пространственно-временного подхода к изучению современной природно-антропогенной эволюции;
- установление тренда процессов опустынивания и других деградационных процессов;

сопряжённый анализ интегрированных показателей для создания современной картины состояния природной среды.

Гуманитарный блок входят такие действия: формирование и воспитание экологического мировоззрения, изучение древней культуры хозяйствования, адаптация человека к условиям природной среды. Для выполнения задач гуманитарного блока предлагается следующие мероприятия:

- пропаганда знаний по современному состоянию окружающей природной среды (СМИ, лекции, природоохранные акции, выпуск научнопопулярной литературы);
- работа в составе общественных комиссий и организаций (Росприроднадзор, Министерство природных ресурсов и др.);
- использование опыта этнокультурных экологических традиций и знаний.

Опыт последних десятилетий неопровержимо свидетельствует, что в подавляющем большинстве экологических бедствий основным виновником все чаще становится непродуманная, непредсказуемая деятельность человека, наносящая своим техногенным воздействием нередко непоправимый вред природе. Поэтому в экологических исследованиях всё более ощутим поворот к учёту социальных факторов, как в создании экологической проблемы, так и в её решении. Становится все более ясно, что от экологического императива объединённое в планетарном масштабе человечество должно переходить к экологически ориентированному сознанию, мышлению и действию, к экологически ориентированному социальному развитию.

- Антипова Ю. Л. Адвентивные виды с высокой инвазийной возможностью в растительных сообществах карьеро-отвальных комплексов Кременчугского Приднестровья (Украина) // Проблемы устойчивости функционирования водных и наземных экосистем: мат-лы Междунар. науч. конф. Ростов н/Д, 2006. С. 12–13.
- Апарин Б.Ф. Докучаевская парадигма естествознания (к 100-летию со дня рождения основателя генетического почвоведения В. В. Докучаева). М.: Триз-Профи, 2006. 24 с.
- Доклад о состоянии и использовании земель Республики Калмыкия в 2002 году. Элиста: АПП «Джангар», 2003. 80 с.
- Намруева Л. В. Уровни экологизации населения аридного региона РФ (по итогам опроса 2014 г. в Республике Калмыкия) // Степи Северной Евразии: материалы VII международного симпозиума / под науч. ред. чл.-корр. РАН А. А. Чибилёва. Оренбург: ИС УрО РАН, Печатный дом «Димур», 2015. С. 569–571.

- Розанов А. Б., Розанов Б. Г. Экологические последствия антропогенных изменений почв // Итоги науки и техники. ВНИИТИ. Сер.: «Почвоведение и агрохимия». М., 1990. Т. 7. С. 1–156.
- *Ташнинова Л. Н.* Современное состояние ландшафта и экологические проблемы Калмыкии // Традиционное природопользование и степные экосистемы Калмыкии. Элиста: АР НПП «Джангар», 2006. С. 45–75.
- *Ташнинова Л. Н.* Социальные аспекты экологической парадигмы // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2010. № 2. С. 95—99.
- *Ташнинова Л. Н., Ташнинова А. А.* Региональные аспекты гуманитарной экологии // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2012. № 1. С. 131–134.

О ЦЕННОСТЯХ БУДДИЗМА В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ КАЛМЫКОВ

Д. А. Шарманджиев

Буддийские ценности являются составной частью калмыцких национальных ценностей и поэтому религиозная культура калмыков всегда связана с их этнической и традиционной культурой. «Буддийские праздники, обряды, обычаи часто воспринимаются как символы этнической культуры, национального своеобразия. Им придаётся значение этнической принадлежности» [Наднеева 1995: 50].

Психолого-педагогические и философские идеи буддийского учения рассматривались во многих работах учёных. Такие исследователи, как Э. П. Бакаева [2012], Б. А. Бичеев и Г. Т. Шалу Ринпоче [2011], Д. Н. Музраева [2012], используя историко-философский подход, проанализировали буддийские литературные памятники и сакральные символы калмыков. Е. Н. Бадмаева [2012], Е. В. Сартикова [2011] показали положение буддийской церкви в Калмыкии в начале и первой трети XX в.

В то же время не получили должного освещения темы калмыцкого буддизма, связанные с этнической педагогикой калмыков, традиционной культурой воспитания. Так, например, весьма актуальной в наши дни является проблема формирования личности на примере жизни и деятельности выдающихся представителей калмыцкого буддизма. В этой связи следует отметить, что этические ценности буддизма (как и других мировых религий) не существует в виде «абсолютной идеи», а объективируются в человеческой личности. «Идеальное существует только в человеке. Вне человека и помимо него никакого "идеального" нет» [Ильенков 1991: 269].

Этические категории как одни из совокупностей «идеального», в действительности, воплощаются в моральных примерах и образах, представленных в конкретных исторических личностях, в «реальных» идеалах. В буддизме-ламаизме такими моральными примерами служат различные святые, перерожденцы (хубилганы), духовные учителя (геше), ламы, гелюнги (священники) и др.

Мы можем назвать некоторых, наиболее выдающихся, деятелей ламаизма (ойратов по происхождению), которые являлись для калмыков воплощением буддийских идеалов. Такой личностью был, например, Нейджи-тойн Далай Маньчжурши (1557–1653 гг.), который получил духовное образование в Тибете, в монастыре Даши-Лхунбо. По настоянию Панченламы стал проповедником буддизма среди восточных и южных монголов.

Другим крупным ламаистским религиозным деятелем был Шухурлама, выходец из знатной ойратской семьи, в 1718 г. приглашённый самим Аюкой-ханом в Калмыцкое ханство. До этого он более двадцати лет обучался в Тибете и был ламой одного из местных монастырей [Эрдниев 1993: 32].

Ламаистское духовенство было наиболее образованной и просвещённой частью ойратского общества. И поэтому неудивительно, что некоторые из его представителей занимались также и светской, научной, деятельностью. Таким человеком был Сумба-Хамбо, сын ойратского тайджи Дорчже-Даши. Став святым перерожденцем (хубилганом), он много путешествовал по Тибету, основал монастырь в Амдо. Сумба-Хамбо по приглашению китайского императора Цян-Луна около 9 лет прожил при его дворе. Здесь он написал большую работу по астрономии, вышедшей в восьми томах. Его перу принадлежит также труд «История Кукунора».

В более позднее время (в конце XIX — начале XX вв.) видными деяте-

В более позднее время (в конце XIX — начале XX вв.) видными деятелями калмыцкого ламаизма были Бааза-багши (Бадма Менкеджуев), Боован Бадма, имевший учёную степень лхарамбо (доктор буддийской философии), а также знаменитый Геше Вангъял, написавший книгу «Лестница, украшенная драгоценностями».

Содержание калмыцкого фольклора, в частности эпоса «Джангар», также во многом определено буддийскими ценностями. Возникнув в глубокой древности «Джангариада» вобрала в себя и более поздние культурные наслоения, связанные, в первую очередь, с окончательным принятием монголами и ойратами буддизма в XVI—XVII вв.

В народном идеале человека, отражённого в эпосе, мы видим причудливое смешение добуддийских нравственных ценностей, идеологии тенгрианства и буддийской этики.

В песнях «Джангара» можно отметить множество примеров, так или иначе выражающих идеалы буддизма. Таково следующее описание внешности правителя Бумбы Джангара:

Перед балдахином из шелка-таджи

Восседает сам славный нойон Джангар.

Коса его фимиамом кюджи благоухает,

Шея его аромат можжевельника источает.

Со лба сияние Майдари возносится,

Родничок на темени свет Зонкавы-святителя распространяет,

А маковка головы свет Очир-Вани разливает... [Джангар 1999: 79].

Таким образом, можно сделать вывод, что буддийские ценности являются не только составной частью народной традиционной культуры, но и важнейшим структурным элементом в мировоззрении кочевников, основой мифолого-религиозного сознания калмыков.

- Бадмаева Е. Н. Буддийское духовенство и власть в калмыки в 20-е годы XX в. // Российское монголоведение. Бюллетень VI / отв. ред. В. В. Грайворонский. М., 2012. С. 128–136.
- Бакаева Э. П. Сакральные места Калмыкии: к проблеме сохранения наследия // Буддизм в России и на Западе: исторический опыт и современные реалии. Материалы Круглого стола, посвящённого 100-летию со дня рождения выдающегося калмыцкого религиозного деятеля Геше Вагьяла. Калмыцкий государственный университет. 2012. С. 31–42.
- *Бичеев Б. А., Шалу Ринпоче Г. Т.* О принятии буддизма ойратами // Мир буддийской культуры: Мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. Чита, 2011. С. 34–35.
- Джангар. Малодербетовская версия /сводный текст, перевод, вступ. статья, коммент., словарь А. Ш. Кичикова. Элиста: КалмГУ, 1999. 272 с.
- Ильенков Э. В. Философия и культура. М.: Политиздат, 1991. 464 с.
- Музраева Д. Н. Изучение ранних этапов становления буддийской литературы у ойратов в отечественном и зарубежном монголоведении // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2012. № 1. С. 49–57.
- Наднеева К. А. Буддийский нравственный путь совершенствования и его преломление в сознании калмыков // Калмыцкая нация на рубеже столетий: современное состояние, перспективы развития. Элиста, 1995. С. 43–52.

Сартикова Е. В. Религиозное образование у народов Поволжья в начале XX века $/\!/$ Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2011. № 2. С. 42–46.

Эрдниев У. Э. Историческая судьба ойратов. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1993. 80 с.

155

К ИССЛЕДОВАНИЮ СПЕЦИФИКИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ОЙРАТОВ МОНГОЛИИ (по данным полевых экспедиций) 16

Э. П. Бакаева

В исследованиях по культуре ойратов Монголии в последние годы наметился заметный сдвиг, обусловленный активизацией полевых экспедиций. Для учёных-калмыковедов рубежными стали проведённая в 2007 году комплексная экспедиция, в которой приняли участие сотрудники Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН и Калмыцкого государственного университета, и международная научная конференция «Ойраты и калмыки в истории России, Монголии и Китая» [Ойраты и калмыки...2008]. По данным экспедиции, положившей начало новому этапу сопоставительных исследований культуры ойратов и калмыков, опубликован ряд работ [Бембеев 2012; Омакаева, Хабунова, Гедеева 2011; и др.]. Приоритет в выборе предмета исследования учёных из Калмыкии к культуре западных монголов определён общностью происхождения народов [см. Балинова 2013; Балинова, Хонинов 2014; и др.], обусловившей сходство культур и языковое единство. Особое внимание уделяется изучению лексического фонда [Лиджиев, Бембеев 2014; Музраева 2015; Омакаева 2013, 2014, 2014а], особенностей говоров ойратов и калмыков, ономастикону, в том числе топонимам [Лиджиев 2011, 2013; Омакаева, Борлыкова 2013; и др.], антропонимам [Лиджиев 2013 и др.]; фольклору [Борлыкова 2012, 2014; Мирзаева 2015; Омакаева, Борлыкова 2014; и др.], буддийской традиции [Бакаева 2013; Бакаева, Орлова 2013; и др.] и т. д. Общностью письменности, созданной в XVII в. известным ойратским просветителем Зая-пандитой, обусловлена необходимость проведения сопоставительных работ в области изучения рукописных памятников наследия ойратов и калмыков, что позволяет сравнить судьбы письменного наследия у этих народов [Бичеев 2013; Музраева, Батсуурь 2014; Орлова 2015, 2015а; Орлова, Даваадорж 2015; и др.].

На наш взгляд, остаются все ещё недостаточно исследованными этнографические аспекты изучения этнических групп ойратов и калмыков в сопоставительном аспекте [см. Бакаева 2013, 2015; Балинова, Хонинов 2014 и др.]; при этом необходимо отметить значение обобщающей работы монгольского этнолога А.Очира об этнических группах монголов в сопос-

 $^{^{16}}$ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-18-02898).

тавлении с этническими подразделениями родственных народов [Очир 2008]. На новом этапе развития ойратоведения продолжается изучение российскими учёными вопросов культуры западных монголов, активно проводившееся в конце XIX — начале XX в. отечественными исследователями. Можно отметить работы, посвящённые традиционному костюму [Бакаева 2013а], танцам [Осорин 2014] и музыкальным инструментам [Борлыкова 2012], обрядам ойратов в сопоставлении с их фольклорной традицией [Осорин 2011] и отдельным компонентам сакральной культуры [Шараева 2015 и др.], и т. д. Однако необходимо отметить, что отдельные компоненты материальной культуры остаются вне исследовательского поля, и их изучение требует проведения специальных полевых исследований.

В русскоязычной научной литературе по этнографии западных монголов нам не встречались работы, посвящённые платку в культуре ойратов. Семантике платка в культуре калмыков посвящена статья Т. И. Шараевой [2015]. В одной из наших статей освещался один из важнейших компонентов культуры торгутов Монголии и СУАР КНР — белый платок [Бакаева 2014], выполняющий ныне роль маркера этнической культуры. В научной литературе на монгольском языке обычно отмечается ношение торгутами Монголии разнообразных головных уборов — шапок, но не акцентируется специально внимание на обычае повязывания мужчинами платков, хотя в работах А. Басанху и Б. Батмунха [Баасанхуу, Батмөнх 2010; Баасанхуу 2006] опубликованы иллюстрации (специально выполненные зарисовки головных повязок из белой ткани), позволяющие говорить о введении в научный оборот сведений о бытовании особого головного убора у двух народов Западной Монголии — торгутов и мингатов, а в книге М. Ганболда [2012], посвящённой традиционным представлениям ойратов о природе, почитанию её объектов, во введении автор кратко сообщает, что для торгутов Монголии характерно оборачивание головы белым платком цагаан алчуур и ношение войлочных тооку с подвязанной кожаной подошвой иараг [Ганболд 2012: 10].

Данные полевой экспедиции, проведённой при поддержке Российского научного фонда в Убсунурском аймаке Монголии летом 2015 года, позволяют поставить вопрос о том, что белый платок как компонент этнической культуры ойратов был характерен не только для культуры торгутов (у которых он является одним из этничесих маркеров) и мингатов, но и для культуры дербетов Монголии.

Так, в сомоне Бухмурун Увсунурского аймака Монголии нами написаны сведения о традиции особого способа повязывания платков (у женщин, причём цветных): «треугольник», полученный путём сложения вдвое по

диагонали ткани, кладут поверх головы широким концом ко лбу, а узкие концы завязывают поверх головы накрест. Такой способ повязывания платков характерен для мингатов и для торгутов подгруппы бэйлэн, в отличие от торгутов подгруппы вангийн, способ повязывания платков которых в культуре которых имеет сходство с традицией современного ношения платков женщинами-калмычками (платок закрывает лоб и повязывается на затылке).

Дополнительные исследования в данной области могут пролить свет на недостаточно исследованные вопросы материальной культуры ойратов Монголии

- Баасанхүү А., Батмөнх Б. Монголын ойрадуудын соёл. Улаанбаатар: Ганн Принт XXK, 2010. 385 х.
- *Баасанхүү Бэсуд Аюушин.* Монгол Алтайн бүс нутгийн ард түмний эдийн соёл. Улаанбаатар: Монгол Алтай судлалын хүрээлэн, 2006. 229 х.
- *Бакаева Э. П.* Баиты Монголии: некоторые сведения о территории расселения и сакральных объектах // Монголоведение. Элиста, 2013. С. 114–126.
- *Бакаева* Э. П. Белый платок в культуре торгутов Монголии (к вопросу о происхождении и символике) // Полевые исследования Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. Элиста, 2014. С. 4–28.
- *Бакаева Э. П.* Калмыки-цаатаны: к проблеме происхождения этнической группы и этимологии этнонима // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2011. № 2. С. 68–74.
- Бакаева Э. П. Лесной народ и его степные потомки: из опыта реконструкции древних верований ойратов // Лики традиционной культуры в современном культурном пространстве: полифония и диалог смыслов. Материалы международной научной конференции. Челябинск: ЧГАКИ, 2015. С. 188—194.
- *Бакаева Э. П.* Об особенностях традиционного костюма ойратов Монголии // Полевые исследования КИГИ РАН. Элиста: КИГИ РАН, 2013a. C. 89–105.
- Бакаева Э. П., *Орлова К. В.* Буддийский монастырь в Улангоме (по материалам экспедиции в западную Монголию в 2013 г.) // Бааза-багши и его духовное наследие. Элиста, 2013. С. 89–98.
- Балинова Н. В. Антропогенетические аспекты исследования происхождения монгольских народов // Полевые исследования КИГИ РАН. Элиста: КИГИ РАН, 2013. С. 106–127.
- *Балинова Н. В., Хонинов В. Н.* К вопросу об изучении этнической группы иссыккульских калмыков // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2014. № 3. С. 100–105.
- *Бембеев Е. В.* О некоторых особенностях ойратских говоров Монголии на материалах экспедиции в Западную Монголию в 2007 г. // Oirad and Kalmyk Linguistic Essays. 2012. № 11. С. 75–83.

- *Бичеев Б. А.* Ойратские рукописи из Западной Монголии // Полевые исследования КИГИ РАН. Элиста: КИГИ РАН, 2013. С. 169–185.
- *Борлыкова Б. Х.* О музыкальных инструментах ойратов Монголии и Синьцзян-Уйгурского Автономного района Китая // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2012. № 4. С. 187–192
- Борлыкова Б. Х. Образцы поэтического фольклора торгутов сомона Булган Кобдоского (Ховд) аймака Монголии (по материалам полевой экспедиции 2014 г.) // Полевые исследования КИГИ РАН. Элиста: КИГИ РАН, 2014. С. 29–36.
- Ганболд М. Алтайн урианхайн угсаатны зүй. Улаанбаатар: «Китаб» ХХК, 2014. 256 х
- Лиджиев А. Б. Информативность и стереотипность ойратских и калмыцких топонимов // Гуманитарная наука Юга России: международное и региональное взаимодействие. Мат-лы междунар. науч. конф. Ч. 2. Элиста: КИГИ РАН, 2011. С. 113–115.
- *Лиджиев А. Б.* Об антропонимах и топонимах западномонгольских народов // Полевые исследования КИГИ РАН. Элиста: КИГИ РАН, 2013. С. 127–155.
- Лиджиев А. Б., Бембеев Е. В. Заметки о языке ойратов Синьцзяна (по материалам экспедиции 2014 г.) // Полевые исследования Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. Элиста, 2014. С. 78–86.
- Мирзаева С. В. Сюжеты о чудесном помощнике в сказочном фольклоре калмыков и ойратов Западной Монголии // Проблемы этнической истории и культуры тюрко-монгольских народов. Элиста, 2015. № 3. С. 186–195.
- Музраева Д. Н. Лексические материалы к изучению традиционного быта ойратов Западной Монголии (по итогам экспедиции в Убсунурский аймак Монголии в 2015 г.) // Проблемы этнической истории и культуры тюркомонгольских народов. 2015. № 3. С. 8–31.
- Музраева Д. Н., Батсуурь А. К характеристике письменных источников на тибетском языке из коллекции Кобдоского государственного университета (Монголия) // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2014. № 4. С. 171–174.
- Ойраты и калмыки в истории России, Монголии, Китая. Мат-лы Междунар. конф. (г. Элиста, май 2007 г.). Элиста: КИГИ РАН, 2008. В 3-х ч.
- Омакаева Э. У. Вопросы изучения лексики ойратских говоров Монголии в свете актуальных проблем современной монголистики (на примере торгутского говора) // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 6. С. 1292. URL: http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=16139 (дата обращения: 01.12.2015).
- Омакаева Э. У. Лексические особенности ойратских говоров Монголии: когнитивно-семантический аспект // Полевые исследования КИГИ РАН. Элиста: КИГИ РАН , 2013. С. 155–169.
- Омакаева Э. У. Лексические особенности языка торгутов Монголии на фоне калмыцкого языка и монголо-ойратского континуума (к постановке проблемы). Монголоведение. Элиста, 2014а. № 7. С. 18–27.

- Омакаева Э. У., Борлыкова Б. Х. Благопожелание ерөөл/ йөрэл: вербальный ритуал и текст в контексте свадебной обрядности ойратов Монголии и калмыков // Полевые исследования КИГИ РАН. Элиста: КИГИ РАН, 2014. С. 37–48.
- Омакаева Э. У., Борлыкова Б. Х. Гидронимы в калмыцких и западно-монгольских песнях (на материале полевых исследований 2007–2013 гг.) // Монголоведение. Элиста, 2013. С. 64–70.
- Омакаева Э. У., Хабунова Е. Э., Гедеева Д. Б. О сохранности устных и письменных традиций ойратов (по материалам российско-монгольской экспедиции в западной Монголии в 2007 г.) // Память мира: историкодокументальное наследие буддизма. Материалы Международной научнопрактической конференции. М., 2011. С. 170–178.
- Орлова К. В. К исследованию этнических маркеров дербетов Монголии: текст воскурения «духам-хозяевам» кочевий // Проблемы этнической истории и культуры тюрко-монгольских народов. Вып. 3. Элиста: КИГИ РАН, 2015. С. 79–95
- Орлова К. В. Личные рукописные коллекции ойратов Монголии // Россия и Восток: взаимодействие стран и народов. Труды X Всероссийского съезда востоковедов, посвящённого 125-летию со дня рождения выдающегося востоковеда Ахмет-Заки Валиди Тогана (Уфа, 7–10 октября 2015 г.). Книга 1. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН. 2015а. С. 38–39.
- Орлова К. В., Даваадорж Б. О коллекции ойратских письменных источников из фонда Кобдоского государственного университета // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2015. № 2. С. 161–165.
- Осорин У. О связи мифов с обрядами синьцзянских ойратов // «Джангар» и эпические традиции народов Евразии. Мат-лы междунар. науч. конф. Элиста: КИГИ РАН, 2011. С. 118–121.
- Осорин У. О танце «саврдң» и легенде о танце «саврдң» // Танец как историкокультурное наследие монголоязычных народов. Мат-лы Междунар. науч.практ. конф. Элиста: КИГИ РАН, 2014. С. 196-205.
- *Очир А.* Монголчуудын гарал, нэршил. Улаанбаатар: Нүүдлийн соёл иргэншлийг судлах олон улсын хурээлэн, 2008. 293 с.
- *Шараева Т. И.* Семантика платка в традиционной женской одежде у калмыков // Проблемы этнической истории и культуры тюрко-монгольских народов. Вып. 3. Элиста, 2015. С. 165–185.
- Шараева Т. И. Свадебный полог у тюрко-монгольских народов: ритуал, функции, семантика (сравнительно-сопоставительный аспект) // Проблемы этнической истории и культуры тюрко-монгольских народов. Вып. 3. Элиста, 2015. С. 141–164.

161

СИСТЕМА ЖАНРОВ ОБРЯДОВОЙ ПОЭЗИИ КАЛМЫКОВ (проблемы восстановления)

Т. Г. Басангова

Восстановление жанровой системы обрядовой поэзии предполагает разные подходы — это, прежде всего, применение комплексного подхода. Жанровая система обрядовой поэзии калмыков является в большей степени реконструированной в результате записей образцов фольклора, полевых исследований, работы с широким массивом информантов с применением специально разработанных вопросников и использованием народной терминологии в обозначении жанров. Получение информации о жанрах обрядового фольклора для фольклориста — трудоёмкий и сложный процесс, ибо в основе этих жанров лежит вера человека в магию слова. Сам процесс записи фольклора предполагает доверительный характер отношений между учёным и информантом. Тот, кто записывает обряд, должен знать его основные этапы с целью полной записи обряда и его вербального сопровождения.

Словесный текст, сопровождающий обряд, следует признать интерпретантом обряда, как поэтическую часть, не отделимую от обряда и имеющую поэтико-художественную ценность. В значительной степени изучение малых жанров калмыцкого фольклора, к которым относится обрядовая поэзия, было активизировано и подготовкой издания «Свод калмыцкого фольклора», в частности — тома «Обрядовая поэзия калмыков» [Басангова 2013а; Манджиева 2015б].

Калмыцкими фольклористами подготовлены монографии, посвященные исследованию жанров обрядовой поэзии, которые восстановлены учёными в результате полевых исследований [Борджанова 1999; Басангова 2012а; Бурыкин, Басангова 2014].

В создании тома «Свода калмыцкого фольклора» значимая роль принадлежит сбору материала. С этой целью был проведён ряд полевых исследований. Так, фольклорист М. Э.-Г. Эрдни-Горяев осуществил ряд экспедиций в районы Калмыкии с 1990 по 2000 гг. Часть материалов, в частности благопожелания [Хальмг улсин йорялмуд 2010] и песни, вошла в том «Обрядовая поэзия калмыков» [Басангова 2015а].

В ходе реконструкции жанров обрядовой поэзии калмыков калмыцкие учёные обращались к исследованиям известного языковеда Б. Х. Тодаевой, которая провела ряд лингвистических экспедиций в места проживания ойратов Синьцзяня. Особенной чертой лингвистических трудов ученого является использование в качестве материала фольклорных

образцов при описании фонетики, лексики, грамматического строя языка ойратов Китая [Басангова 20156; Омакаева 2015]. С целью осуществления комплексного изучения экспедиционных материалов Б. Х. Тодаевой именно как фольклорного источника отдел фольклора опубликовал ряд трудов, в результате чего были сохранены уникальные тексты, которые свидетельствуют об эволюции того или иного жанра в рамках одной традиции [Манджиева 2015а].

В результате создания тома «Обрядовая поэзия калмыков» и написания, наряду с этим, теоретической монографии под аналогичным названием был изучен вербальный компонент, сопровождавший тот или иной обряд, характерный для калмыцкой культуры.

Детальное изучение того или иного обряда позволило выяснить, какого рода жанры функционируют в обряде. Это, прежде всего, благопожелания, или йоряли, так, например, они широко бытуют в родильной обрядности¹⁷. Фольклорной традиции калмыков известны тексты и колыбельной песни, хотя их количество ограничено [Басангова 2008а; Манджиева 2014].

В свадебном обряде также бытуют благопожелания и песни [Омакаева, Борлыкова 2014]. Свадебные благопожелания прошли этап десакрализации в некоторой степени, о чем свидетельствуют некоторые образцы, зафиксированные в последнее время [Басангова 2015в].

В общественной жизни калмыков, а также в традиционной свадьбе калмыков бытовали дразнилки, которые прошли длительную эволюцию. Они носили в целом дружелюбный характер, демонстрируя взаимоотношения между родами. На данный момент в результате полевых экспедиций собран корпус текстов родовых дразнилок [Басангова 20136; Вазапдоча 2015]. По мнению исследователей, калмыцкие родовые дразнилки — это часть смеховой культуры калмыков. Генетически родовые дразнилки тесно связаны с боевым кличом ура или уран, когда призывался покровитель рода, тотем в воинских сражениях [Басангова 2013а].

В похоронном обряде на всех его этапах функционируют благопожелания, которые адресуются самому покойному, в них описаны его самые хорошие качества, которыми он обладал при жизни. Участники обряда произносят благопожелания еде, которую они вкушают, полагая, что «еда и пар от этой вкусной пищи долетит до самого покойного». Так называемые «похоронные благопожелания» записаны в полевых экспедициях 2000-х гг. [Басангова 2015г].

¹⁷ Родильная обрядность калмыков — довольно сложный комплекс ритуалов, которые изучены следующими исследователями [Омакаева 2010; Шараева 2011].

Песни-плачи имеют древние истоки, в древности они были посвящены знатным лицам. Песни-плачи сохранили древние представления о душе человека, о его перерождении [Басангова 2012б].

Отдельный раздел представляет календарная поэзия калмыков, сопровождавшая сезонные праздники калмыков — Зул, Цаһан Сар, Үр Сар. Календарная поэзия представлена также благопожеланиями, песнями [Басангова 2008а]. В ходе изучения календарной поэзии, сопровождавшей обряд, были проанализированы детали календарных и семейных обрядов, в частности обряда жертвоприношений. Автор полагает, что вербальный компонент обряда следовало бы отнести к культовой поэзии. Данные тексты ранее бытовали в письменной традиции калмыков [Басангова 2015д].

В связи с изучением деталей данного культового обряда немаловажно изучение поверий и запретов, связанных с огнём, которых придерживаются современные калмыки до сих пор [Болдырева 2014].

Таким образом, работая над созданием «Свода калмыцкого фольклора», в частности над томом «Обрядовая поэзия калмыков», фольклористы, прежде всего, восстанавливают жанровую систему, корпус текстов жанров (песни, благопожелания, дразнилки, ураны, сказывание по кости, заговоры и т. д.). Каждый восстановленный жанр подвержен теоретическому описанию, в котором прослеживается бытование жанра внутри обряда и развитие его во времени.

- Basangova T. G. Kalmyk kin-group taunts // Anthropology & Archeology of Eurasia. 2015. T. 53. № 4. C. 56–61.
- *Басангова Т. Г.* Вербальный компонент в обрядах детского цикла у калмыков // Научная мысль Кавказа. № 4. 2008а. С. 54–59.
- *Басангова Т. Г.* Вербальный компонент обрядов жертвоприношений огню // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2015 д. № 5 (100). С. 165–171.
- *Басангова Т. Г.* Жанр уранов в фольклорной традиции калмыков // Новые исследования Тувы. 2013а. № 4 (20). С. 95–101.
- *Басангова Т. Г.* К вопросу о вербальном компоненте обряда похорон у калмыков // Вестник Дагестанского научного центра РАН. 2015г. № 57. С. 105–109.
- *Басангова Т. Г.* Календарные песни калмыков // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Сер.: «Филологические науки». 2008а. № 5 (29). С.154–157.
- *Басангова Т. Г.* Калмыцкие родовые дразнилки // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2013б. № 2. С. 57–60.
- *Басангова Т. Г.* О своде калмыцкого фольклора // Нартоведение на рубеже XX— XXI вв. Владикавказ, 2013а. № 2. С. 13–23

- *Басангова Т. Г.* Песни-плачи по знатным лицам в фольклорной традиции калмыков // Фольклор в контексте культуры. Сб. ст. по мат-лам Всерос. (с международным участием) науч. конф. Махачкала, 2012б. С. 20–24.
- Басангова Т. Г. Фольклор монгольских народов в записи Б. Х. Тодаевой // Монголоведение в начале XXI века: современное состояние и перспективы развития. Мат-лы Междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию Б. Х. Тодаевой. Элиста, 2015б. С. 40–43.
- Басангова Т. Г. Фронтовик М. Э.-Г. Эрдни-Горяев как фольклорист-полевик // Вклад регионов и народов юга России в победу в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. Элиста, 2015а. С. 281–282.
- *Басангова Т. Г.* Шуточные благопожелания калмыков // 3. К. Касьяненко Учитель и монголовед (посвящается 90-летию). СПб., 2015в. С. 10.
- Басангова Т. Г. Обрядовая поэзия калмыков. Saarbrüchen, 2012a. 500 p.
- Болдырева И. М. Хальмг келн улсин йорлһна тускар = О калмыцких народных поверьях // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2014. № 2. С. 91–96.
- Борджанова Т. Г. Магическая поэзия калмыков. Элиста, 1999. 200 с.
- *Бурыкин А. А.*, *Басангова Т. Г.* Типология калмыцкого фольклора. Элиста, 2014. 250 с.
- Манджиева Б. Б. К вопросу изучения калмыцких колыбельных песен [электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 6. URL: http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=16940 (дата обращения: 01.12.2015).
- Манджиева Б. Б. Публикаторская деятельность Б. Х. Тодаевой в сотудничестве с отделом фольклора и джангароведения КИГИ РАН // Монголоведение в начале XXI века: современное состояние и перспективы развития. Мат-лы Междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию Б. Х. Тодаевой. Элиста, 2015а. С. 54–58.
- Манджиева Б. Б. Фольклорное наследие калмыков: сохранение, изучение, популяризация на современном этапе // Северо-Восточный Гуманитарный Вестник. 2015б. № 4. С.100–104.
- Омакаева Э.У. Лингвистическая проблематика в трудах Б. Х. Тодаевой // Монголоведение в начале XXI века: современное состояние и перспективы развития. Мат-лы Междунар. науч. конф., посвящённой 100-летию Б. Х. Тодаевой. Элиста, 2015. С. 47–53.
- Омакаева Э.У. Родинный обряд и ритуалы детского цикла // Калмыки. М.: Наука, 2010. С. 229–249.
- Омакаева Э.У., Борлыкова Б.Х. Благопожелание ерөөл/ йөрөл: вербальный ритуал и текст в контексте свадебной обрядности ойратов монголии и калмыков // Полевые исследования Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. Элиста, 2014. С. 37–48.

Хальмг улсин йорэлмүд = Калмыцкие народные благопожелания. Составление, вступительная статья М. Э-Г. Эрдни-Горяева. Элиста, 2010. Сер. «Өвкнрин зөөр» = Сокровища предков». Элиста: КИГИ РАН. 160 с.

Шараева Т. И. Обряды включения ребёнка в социум отца на первом году жизни // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2011. № 1. С. 84–88.

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ УЧЁНЫХ КИГИ РАН: ОБЗОР НАУЧНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ СОТРУДНИКОВ ИНСТИТУТА ЗА 2015 г.

А. Т. Баянова

В 2015 г. результатами научно-исследовательской работы сотрудников института стал ряд статей, опубликованных в научных журналах и в сборниках материалов конференций. В рамках данного обзора представлены некоторые наиболее интересные и значимые статьи по филологии.

Значительное количество публикаций в области филологии посвящено вопросам грамматики калмыцкого языка. В настоящее время сотрудниками отдела языкознания ведётся большая работа по созданию Национального корпуса калмыцкого языка — фундаментального проекта, направленного на сохранение языка. Информационно-справочная система позволяет находить лингвистам необходимые для исследования материалы из огромного массива текстовых данных. На основе Национального корпуса учёные рассматривают отдельные словоформы, граммемы, слова определённой лексико-семантической группы и т. д. в калмыцком языке. Максимально используя разработки НККЯ, молодой учёный исследует различные вопросы грамматики и лекикологии современного калмыцкого языка: словоизменительные модели косвенного наклонения глаголов, словоизменительные модели числительных в свете грамматики порядков, аффиксы именных частей речи в калмыцком языке [Куканова 2015а, 2015б]. Данная информационная система позволяет провести быстро провести количественную обработку текстов и выявить, к примеру, частотность употребления тех или иных слов.

Лингвисты КИГИ РАН продолжают работу по составлению Толкового словаря языка эпоса «Джангар» [Омакаева 2014а]. В 2015 г. отмечалось 100-летие Б. Х. Тодаевой, автора ряда работ по языку эпоса «Джангар» [Омакаева 2015а].

Составление Толкового словаря языка эпического текста на материале эпоса "Джангар" героического также возможно информационных применением технологий, как утверждает Э. У. Омакаева в статье «Основные проблемы составления толкового словаря языка эпического текста (на материале калмыцкого героического эпоса "Джангар")» [Омакаева 2015б]. Важность составления такого словаря несомненна. Создание толкового словаря языка калмыцкого фольклора и, в частности, языка эпоса, предполагает разработку и внедрение новых методов и принципов лексикографии, компьютерных подходов, выявление роли фольклорного лексикона в формировании картины мира языкового коллектива. Такой словарь будет иметь важное практическое значение в решении прикладных задач, в оптимизации преподавания калмыцкого языка, а также в переводческой деятельности.

Отдельного внимания заслуживает статья кандидата филологических «Сравнительный Е. В. Бембеева анализ лексикографических памятников старописьменного калмыцкого языка в свете разработки морфологического анализа», материалом для которого словари XVIII–XX BB.» двуязычные Бембеев Актуальность исследования заключается в том, что впервые предлагается провести сравнительный исторических двуязычных анализ лексикографических памятников как источников для формирования словника грамматического словаря основ старописьменного калмыцкого языка. Автор считает, что наиболее приемлемым для создания основы грамматического словаря старописьменного калмыцкого языка является «Калмыцко-русский словарь», составленный А. М. Позднеевым.

Метод кластерного анализа применяют в своих исследованиях Б. Х. Борлыкова и Э. У. Омакаева. Так, с помощью этот метода выявлено национально-культурное своеобразие именной лексики в текстах калмыцких исторических песен о Великой Отечественной войне (1941—1945 гг.) [Борлыкова, Омакаева 2015].

С развитием когнитивной лингвистики одним из перспективных и сравнительно новых методов исследования языка стал фреймовый анализ. Данный термин заимствован из области моделирования искусственного интеллекта и понимается как структурное иерархическое единство элементов, взаимодействующих между собой. Учёные института активно разрабатывают методику анализа текстов сказок через фреймовое представление структуры. Так, в 2015 г. в научной периодической печати появился ряд статей по данной проблеме [Баянова и др. 2015а; 2015б; Горяева и др. 2015; Куканова и др. 2015]. Материалом исследования послужили аутентичные тексты сказок финского учёного Г. Й. Рамстедта, совершив-

шего полевую экспедицию в Калмыцкие степи в начале XX в. Исследование позволило на основе фреймового анализа текстов двадцати двух сказок сделать компаративный анализ имён собственных на немецком и калмыцком языках, провести систематизацию и классификацию типов персонажей сказок, рассмотреть систему и структуру онимов в калмыцкой сказочной традиции. Авторы считают, что изучение сказочного текста через призму понятия «фрейм» позволит решить «проблему иерархии культурной ценности» в традиции монгольских народов и даст возможность «смоделировать типизированный сценарий сказочной ситуации».

Исследования в области богатырских сказок отражены в статьях учёных-фольклористов Т. Г. Басанговой, Б. Б. Манджиевой [20156], Ц. Б. Селеевой [2015].

Особый интерес вызывает небольшая по объёму, но весьма ценная по содержанию статья Б. Б. Манджиевой «Конь героя в калмыцкой богатырской сказке и в героическом эпосе "Джангар"» [Манджиева 2015в]. В фольклоре монголоязычных народов тема описания коня богатыря является одной из популярных. Так, например, хвала коню красоты и достоинств коня, существующее традиционного магтала, имеет широкое распространение в эпической поэзии монголоязычных и тюркоязычных народов. Тема подготовки коня богатыря присутствует во многих сюжетных ситуациях и каждый раз разрабатывается по-разному, зависимости художественно ОТ В стилистического своеобразия произведения. В результате проведённого анализа автор приходит к выводу, что в богатырской сказке и в героическом эпосе богатырь неразрывно связан с конём, который является и спутником и помощником героя. С помощью коня герой достигает необходимой цели, совершает богатырские подвиги и побеждает врага.

Семантику образа героя и его функций, специфическое и универсальное в калмыцкой богатырской сказке и эпосе «Джангар» исследует фольклорист Ц. Б. Селеева [2015]. Автор приходит к выводу, что универсальное в образе героя связано с синкретической природой и взаимопроницаемостью жанров богатырской сказки и эпоса, а специфические качества обусловлены социально-историческими факторами патриархально-родового и феодального строя, оказавшими влияние на формирование образа героя сказки и эпоса.

Отдельными учёными проводятся исследования в области сравнительного анализа фольклора разных, не всегда родственных, народов. Актуальность таких работ не вызывает сомнения, поскольку они являются очень важной и необходимой составной частью исследований в области взаимоотношения различных языков и культур [Омакаева 2015и].

Так, например, учёные-фольклористы Т. Г. Басангова и Б. Б. Манджиева на примере двух произведений в детском фольклоре рассматривают типологические связи калмыцкой и балкарской устной традиции, выявляют общие элементы в текстах, которые порождались культурными взаимосвязями и едиными закономерностями развития общества [Басангова, Манджиева 2015].

Подводя итог, следует отметить, что тематика исследований филологов института стала обширнее и в количественном, и в жанровом отношении.

- Басангова Т. Г., Манджиева Б. Б. О типологических связях калмыцкого и балкарского фольклора (на примере детской песни) // Новые исследования Тувы. 2015. № 3 (27). С. 8.
- Баянова А. Т., Бутаева А. О., Горяева Б. Б., Куканова В. В. Система и структура онимов в калмыцкой сказочной традиции (на материале записей Г. Й. Рамстедта) // Вестник Дагестанского научного центра. 2015б. № 59. С. 54–63.
- Баянова А. Т., Бутаева А. О., Горяева Б. Б., Куканова В. В. Фреймтарий персонажей калмыцкой сказочной традиции (на примере бытовых сказок, записанных Г. Й. Рамстедтом) // Монголоведение в начале XXI века: современное состояние и перспективы развития: мат-лы Междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию Б. Х. Тодаевой. Элиста: КИГИ РАН. 2015а. С. 42–49.
- Бембеев Е. В. Сравнительный анализ «ранних» лексикографических памятников старописьменного калмыцкого языка в свете разработки морфологического анализа // Вестник Тувинского государственного университета. Педагогические науки. 2015. № 4 (27). С. 107–115.
- Борлыкова Б. Х. Кластерный анализ именной лексики калмыцких песен о Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.) // Современные научные исследования и инновации. 2015. № 12 (56). С. 954–962.
- *Борлыкова Б.Х., Омакаева Э.У.* Кластерная структура именной лексики калмыцких исторических песен в записи А. В. Бурдукова // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2015. № 1. С. 86–90.
- Горяева Б. Б., Баянова А. Т., Бутаева А. О., Куканова В. В. Фреймтарий персонажей калмыцкой сказочной традиции (на примере сказок, записанных Г. И. Рамстедтом) // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2015. № 2. С. 128–140.
- Куканова В. В. Грамматика порядков словоизменительных аффиксов именных частей речи в калмыцком языке (на примере словоформы существительного) // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2015а. № 2. С. 141–150.
- Куканова В. В. Словоизменительные модели числительных в свете грамматики порядков в калмыцком языке (на материале национального корпуса кал-

- мыцкого языка) // Вестник Тувинского государственного университета. Педагогические науки. 2015б. № 4 (27), С. 130–139.
- Куканова В. В., Баянова А. Т., Бутаева А. О. Стратегии перевода имён собственных с калмыцкого на немецкий язык (на материале записей сказок Г. Й. Рамстедта) // Язык как система и деятельность 5. Мат-лы Междунар. конф. (25–27 сентября 2015 г., г. Ростов-на-Дону). Ростов н/Д, 2015.
- *Манджиева Б. Б.* К вопросу изучения калмыцких богатырских сказок // XLIV Международная филологическая научная конференция. Тезисы докладов. 2015а. С. 741–742.
- Манджиева Б. Б. Конь героя в калмыцкой богатырской сказке и в героическом эпосе «Джангар» [электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования. 2015б. № 1–1. URL: http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=18302 (дата обращения: 01.12.2015).
- *Манджиева Б. Б.* Поэтика и стиль калмыцкой богатырской сказки // Новые исследования Тувы. 2015. № 3 (27). С. 15.
- Омакаева Э. У. Основные проблемы составления Толкового словаря языка эпического текста (на материале калмыцкого героического эпоса «Джангар») // XLIV Международная филологическая научная конференция. Тезисы докладов. 2015б. С. 107–109.
- Селеева Ц. Б. Специфическое и универсальное в образе героя калмыцкой богатырской сказки и эпоса «Джангар» // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2015. № 2. С. 151–155.

КАЛМЫЦКИЕ НАРОДНЫЕ СКАЗКИ В СВОДЕ ФОЛЬКЛОРА

Б. Б. Манджиева

В результате многолетних исследований в Калмыцком институте гуманитарных исследований РАН авторским коллективом фольклористов: д. ф. н. Т. Г. Басанговой [2011; 2013; 2014; 2015; и др.], к. ф. н. Б. Х. Борлыковой [2014; 2015; и др.], к. ф. н. Б. Б. Горяевой [2011; 2012; 2014; Горяева и др. 2015; и др.], к. ф. н. Б. Б. Манджиевой [Манджиева Т. А. Михалевой, 2015a; 2015б; 2015в], редактором к. ф. н. [2011; 2012], к. ф. н. Э. Б. Оваловым И. С. Надбитовой [2011],Ц. Б. Селеевой [Селеева 2011; 2012; 2014; 2015; и др.], к. ф. н. Д. В. Убушиевой [Убушиева 2011; 2013] составлен многотомный «Свод калмыцкого фольклора», который представляет собой научную публикацию фольклорных произведений, имеющих огромное значение для сохранения, возрождения и обогащения культурного наследия народа.

В состав Свода калмыцкого фольклора входят тома, соответствующие следующей жанровой классификации: калмыцкий героический эпос

«Джангар», мифы, легенды и предания калмыков, калмыцкие народные сказки, обрядовая поэзия, калмыцкие народные песни, малые жанры калмыцкого фольклора. О необходимости публикаций текстов эпоса «Джангар» в рамках отдельных томов Свода мы писали ранее [Омакаева, Манджиева 2003].

Изучение сказочной традиции калмыков является одной из важных задач калмыцкой фольклористики, требующей комплекснотекстологического исследования, подготовки уникальных образцов калмыцких сказок о животных, волшебных, богатырских и бытовых сказок в серийном научном издании «Свод калмыцкого фольклора».

Основными критериями при отборе и подготовке текстов томов «Калмыцкие волшебные сказки», «Калмыцкие богатырские сказки», «Калмыцкие сказки о животных, бытовые, кумулятивные сказки и небылицы» являются художественное совершенство, глубина содержания и историкопознавательные ценности фольклорного произведения. Каждый том Свода обладает значительной степенью новизны, одним из элементов которого является широкое введение в научный оборот неизданных материалов, хранящихся в научных архивах России. Наряду со сбором архивного материала, проводится работа по выявлению и сбору текстов калмыцких богатырских сказок из опубликованных источников: сборников сказок Г. Рамстедта, И. И. Попова, Хальмг фольклор (Калмыцкий фольклор), Народное творчество Калмыкии, Хальмг туульс (Калмыцкие сказки) и др.

Материалом для томов являются также сказки, записанные у современных сказителей и знатоков калмыцкого фольклора. В 2008 г. Калмыцким институтом гуманитарных исследований Российской академии наук была основана серия «Өвкнрин зөөр» («Сокровища предков»), призванная ввести в научный оборот произведения фольклорной традиции калмыков. Серия открылась сказками талантливого сказителя Санджи Бутаева [Буутан Санжин туульс 2008], записи которого производились в 1970-х гг. прошлого столетия учёными КНИИЯЛИ (ныне КИГИ РАН), в следующей книге серии представлена современная фольклорная традиция калмыков в записи от хранителя народной мудрости Шани Боктаева [Алтн чеежтэ 2010]. В 2011 г. в данной серии издана книга «Т. С. Тягинован амн урн угин көрңгэс» (Фольклорные материалы из репертуара Т. С. Тягиновой), которая содержит тексты сказочной и несказочной прозы, калмыцких народных и авторских песен, пословиц, поговорок, загадок и других образцов жанров калмыцкого фольклора, а также некоторые этнографические материалы в самозаписи знатока фольклорной традиции и исполнительницы протяжных песен Т. С. Тягиновой. В 2014 г. вышла в свет очередная книга серии «Өвкнрин зөөр» (Сокровища предков) — «Герлтсн сувсн (Б. М. Санджиеван бичүлж авсн амн урн үгин көрңгэс)» [Герлтсн сувсн 2014], в переводе на русский язык — «Сияющая жемчужина» (фольклорные материалы, собранные Б. М. Санджиевой)» в которой наряду с другими жанрами фольклора, представлены калмыцкие сказки.

В тома калмыцких сказок «Свода калмыцкого фольклора» войдут произведения Санджи Бутаева, например, такие как «Хар һалзн мөртә Хадр Хар Авһин хан Сөнәк» (О хане Хадар Хара Авга Сеняке, владеющим черно-пегим конём), «Буудя хан» (Будя хан), «Теңгә байн Ижлә байн хойр» (О богаче, живущем у моря и богаче живущем на Волге). Из сборника Шани Боктаева в тома Свода вошли такие сказки, как («Долан үйднь дахн төрсн Әәт Мергн Темнә туск тууж» (О [богатыре] Эте Мерген Темне, родившемся в седьмом поколении), «Хальмгин хан хасгин хан хойрин туск тууж» (О калмыцком и казахском хане), «Сагсг саарл күлгтә Хәәрт Хар Күкл» (Хартин Хара Кюкюл на косматом буланом скакуне) и многие другие образцы.

Издание многотомного Свода калмыцкого фольклора согласно новейшим требованиям, предъявляемым к научным публикациям, обеспечит сохранение, дальнейшее изучение и популяризацию уникальной сказочной традиции калмыков.

- Алтн чеежтэ келмрч Боктан Шаня = Хранитель мудрости народной Боктаев Шаня / сост., вступит. статья, приложение Б. Б. Манджиевой. Сер.: «Өвкнрин зөөр» = «Сокровища предков». На калм. и рус. яз. Элиста: КИГИ РАН, 2010. 172 с.
- *Басангова Т. Г.* Вербальный компонент обрядов жертвоприношений огня // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2015. № 5 (100). С. 165–171.
- *Басангова Т. Г.* Мифы, легенды и предания калмыков (структура тома «Свода калмыцкого фольклора») // Актуальные проблемы современного монголоведения и алтаистики: Мат-лы Междунар. науч. конф. Элиста: КалмГУ, 2014. С. 364–369.
- *Басангова Т. Г.* Новые сюжеты исторических песен калмыков // Фольклор в контексте культуры: Мат-лы Второй Всерос. науч. конф. Махачкала, 2011. С. 9–10.
- *Басангова Т. Г.* О своде калмыцкого фольклора // Нартоведение на рубеже XX-XXI. Владикавказ, 2013. № 2. С. 13–23.
- Борлыкова Б. Х. О сюжетных типах калмыцких волшебных сказок (Репертуар сказителя Санджи Бутаева) // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН 2015. № 3. С. 137–141.

- Борлыкова Б. Х. К истории изучения и публикации калмыцких народных песен // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2014. № 4. С. 165–170.
- Буутан Санжин туульс (Сказки Санджи Бутаева). Записи 1971–1978 гг. В 2-х кн. Кн. 1 / сост., подг. текстов и прилож. Б. Х. Борлыковой. Элиста: КИГИ РАН, 2008. 308 с. Сер.: «Өвкнрин зөөр» = «Сокровища предков». На калм. и рус. яз.
- Герлтсн сувсн (Б. М. Санджиеван бичүлж авсн амн урн үгин көрңгэс). Сияющая жемчужина (Фольклорные материалы, собранные Б. М. Санджиевой). Собиратель Санджиева Б. М. Записи 1972–1974 гг. / вступ. ст., сост., предисл., подг. текстов и прилож. И. М. Болдыревой. Элиста: КИГИ РАН, 2014. 230 с. Сер.: «Өвкнрин зөөр» = «Сокровища предков». На калм. яз.
- Горяева Б. Б. Калмыцкие пословицы и поговорки в аспекте аксиологии // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2014. № 2. С. 151–156.
- Горяева Б. Б. Калмыцкие пословицы и поговорки в записи И. И. Попова // Давид Кугультинов поэт, философ, гражданин. Мат-лы Всерос. науч. конф. (11–12 апреля 2012 г.), посвящ. 90-летию Д. Н. Кугультинова. Элиста: КалмГУ, 2012. С. 89–92.
- Горяева Б. Б. Национальная специфика калмыцких народных сказок: локальные, контаминированные и обрамленные сюжеты // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2011. № 1. С. 178–184.
- Горяева Б. Б., Баянова А. Т., Бутаева А. О., Куканова В. В. Фреймтарий персонажей калмыцкой сказочной традиции (на примере сказок, записанных Г. И. Рамстедтом) // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2015. № 2. С. 128–140.
- *Манджиева Б. Б.* К истории изучения и публикации калмыцких богатырских сказок // Современные проблемы науки и образования. 2015а. № 3. URL: www.science-education.ru/121-18302 (дата обращения: 24.06.2015).
- *Манджиева Б. Б.* Конь героя в калмыцкой богатырской сказке и в героическом эпосе «Джангар» // Современные проблемы науки и образования. 2015б. № 1. URL: www.science-education.ru/121-18302 (дата обращения: 22.06.2015).
- Манджиева Б. Б. О некоторых сюжетах и мотивах калмыцкой богатырской сказки и героического эпоса «Джангар» // Эпосы народов мира: проблемы и перспективы сравнительного изучения: сборник тезисов по мат-лам Междунар. науч. конф. (Якутск, 18–19 июня 2015 г.). Якутск: Изд. дом СВФУ, 2015в. С. 26–27.
- Надбитова И. С. Малые жанры калмыцкого фольклора // Основные тенденции развития алтаистики в изменяющихся мировоззренческих условиях: Матлы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 1150-летию российской государственности, 90-летию Ойротской автономной области, 60-летию Научно-исследовательского института алтаистики им. С. С. Суразакова: в 2-х частях. Горно-Алтайск, 2012. С. 123–127.

- Надбитова И. С. Сюжеты, образы и стилевые традиции калмыцких волшебных сказок / отв. ред. В. Л. Кляус. Элиста: ЗАОр «НПП Джангар», 2011. 260 с.
- Овалов Э. Б. Эпос «Джангар» вершина устного народного поэтического творчества (современное джангароведение и перспективы его развития) // «Джангар» и эпические традиции народов Евразии: проблемы исследования и сохранения: Мат-лы междунар. науч. конф. (Элиста, 20–23 сентября 2011 г.). Элиста: КИГИ РАН, 2011.С. 114–118.
- Омакаева Э. У., Манджиева Б. Б. Актуальные проблемы современного джангароведения // Монголоведение. Элиста, 2003. С. 26–39.
- Селеева Ц. Б. Вариативность калмыцких народных загадок // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2014. № 3. С. 151–156.
- Селеева Ц. Б. Об указателе эпических тем (из опыта составления) // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2012. № 4. С. 122—126.
- Селеева Ц. Б. Специфическое и универсальное в образе героя калмыцкой богатырской сказки и эпоса «Джангар» // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2015. № 2. С. 151–155.
- Селеева Ц. Б. Статические и динамические свойства пространства и времени в эпосе «Джангар» // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2011. № 1. С. 173–177.
- Убушиева Д. В. Текстологические проблемы при составлении Свода калмыцкого фольклора (на примере песни «О битве богатыря Алого Хонгора с Авланги ханом» в записи от Бадмы Обушинова) // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2011. № 1. С. 168–173.
- Убушиева Д. В. Текстологический анализ трёх вариантов калмыцкой народной песни «Шара шилин гүлзиге» / «[Ha] архара с золотистой горы» // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2013. № 4. С. 88–92.

174

Научное издание

Ежегодные научные чтения Калмыцкого института гуманитарных исследований Российской академии наук — V

Компьютерная вёрстка — Д. В. Татнинов

Подписано в печать 31.12.2015 Формат 60x90/16. Печать офсетная. Усл. печ. л. 9.61.